

ISSN 2949-5016 (print)
ISSN 2949-5008 (online)

ПРО
СВЕТ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ПРОСВЕЩЕНИЯ

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ФИЛОЛОГИЯ

Russian Studies in Philology
Otechestvennaya filologiya

*200 лет
со дня рождения
М. Е. Салтыкова-
Щедрина*

ВОЗВЕДЕНИЕ ЧЕТВЁРТОЙ СТЕНЫ
М. Е. САЛТЫКОВЫМ-ЩЕДРИНЫМ:
СИНТАКСИЧЕСКИЕ КОНСТРУКТЫ

КОНЦЕПТЫ ДИТЯ / ДЕТИ И ДЕТСТВО В ТВОРЧЕСТВЕ
М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА

2026 / № 1

ISSN 2949-5016 (print)

2026 / № 1

ISSN 2949-5008 (online)

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ФИЛОЛОГИЯ

Название журнала до сентября 2023 г.: Вестник Московского государственного
областного университета. Серия: Русская филология

Рецензируемый научный журнал. Основан в 1998 г.

Журнал «Отечественная филология» включён в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) по следующим научным специальностям: 5.9.1 – Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки); 5.9.2 – Литературы народов мира (филологические науки); 5.9.3 – Теория литературы (филологические науки); 5.9.5 – Русский язык. Языки народов России (филологические науки).

The peer-reviewed journal was founded in 1998

"Russian Studies in Philology" is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation into "the List of reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a PhD Candidate or Doctorate Degree" (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation) in Philological Sciences: 5.9.1 – Russian literature and literature of the peoples of the Russian Federation (philological sciences); 5.9.2 – Literature of the peoples of the world (philological sciences); 5.9.3 – Theory of literature (philological sciences); 5.9.5 – Russian language. Languages of the peoples of Russia (philological sciences).

ISSN 2949-5016 (print)

2026 / № 1

ISSN 2949-5008 (online)

RUSSIAN STUDIES IN PHILOLOGY

Учредитель журнала «Отечественная филология»:
федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Государственный университет просвещения»

————— Выходит 6 раз в год —————

Редакционная коллегия

Главный редактор:

Шаповалова Т. Е. — д-р филол. наук, проф., Государственный университет просвещения

Заместитель главного редактора:

Герасименко Н. А. — д-р филол. наук, проф., Государственный университет просвещения

Ответственный секретарь:

Леденёва В. В. — д-р филол. наук, проф., Государственный университет просвещения

Члены редакционной коллегии:

Аврамова В. Н. — доктор филологии, проф., Шуменский университет имени Епископа Константина Преславского (Республика Болгария);

Алексеева Л. Ф. — д-р филол. наук, проф., Государственный университет просвещения;

Воропаев В. А. — д-р филол. наук, проф., МГУ имени М. В. Ломоносова;

Гусман Тирадо Р. — д-р филол. наук, проф., Гранадский университет (Королевство Испания);

Киселева И. А. — д-р филол. наук, проф., Государственный университет просвещения;

Колларова Э. — доктор философии, проф., Католический университет в Ружомберке (Словацкая Республика);

Копосов Л. Ф. — д-р филол. наук, проф., Государственный университет просвещения;

Моторин А. В. — д-р филол. наук, проф., Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого;

Нагорный И. А. — д-р филол. наук, проф., Цзилиньский университет (Китайская Народная Республика);

Норман Б. Ю. — д-р филол. наук, проф., Белорусский государственный университет (Республика Беларусь);

Петров А. В. — д-р филол. наук, проф., Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова (г. Архангельск);

Рацибурская Л. В. — д-р филол. наук, проф., Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского;

Супрун В. И. — д-р филол. наук, проф., Волгоградский государственный социально-педагогический университет;

Шаталова О. В. — д-р филол. наук, проф., Государственный университет просвещения;

Шеншина В. А. — д-р филол. наук, науч. сотр., Хельсинский университет (Финляндская Республика);

Щедрина Н. М. — д-р филол. наук, проф., Государственный университет просвещения

ISSN 2949-5016 (print)

ISSN 2949-5008 (online)

Рецензируемый научный журнал «Отечественная филология» — печатное издание, в котором публикуются статьи по языкознанию (лексико-грамматический строй русского языка, язык художественной литературы), литературоведению (исследование творчества русских и зарубежных писателей, сопоставительный анализ их произведений, изучение теории литературы).

Журнал адресован учёным, преподавателям, докторантам, аспирантам и всем, кто интересуется достижениями филологической науки.

Журнал «Отечественная филология» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС 77 - 73348.

Индекс серии «Отечественная филология» по Объединённому каталогу «Пресса России» — 40718.

Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), его текст доступен в научных электронных библиотеках "eLibrary" (www.elibrary.ru) и «КиберЛенинка» (с 2017 г., www.cyberleninka.ru), а также на сайте (www.philologymgou.ru).

При цитировании ссылка на журнал «Отечественная филология» обязательна. Публикация материалов осуществляется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редколлегии серии. Рукописи не возвращаются.

Отечественная филология. — 2026. — № 1. — 144 с.

© Государственный университет просвещения, 2026.

Адрес редакции:

г. Москва, ул. Радио, д. 10А, стр. 2, офис 98

тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: sj@guppros.ru

сайт: www.philologymgou.ru

Founder of the journal "Russian Studies in Philology":
Federal State University of Education

————— Issued 6 times a year —————

Editorial board

Editor-in-chief:

T. Ye. Shapovalova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Federal State University of Education

Deputy editor-in-chief:

N. A. Gerasimenko – Dr. Sci. (Philology), Prof., Federal State University of Education

Executive secretary of the series:

V. V. Ledeneva – Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Federal State University of Education

Editorial Board:

V. N. Avramova – Dr. Sci. (Philology), Prof., University of Shumen Bishop Konstantin of Preslav (Bulgaria);

L. F. Alekseyeva – Dr. Sci. (Philology), Prof., Federal State University of Education;

V. A. Voropayev – Dr. Sci. (Philology), Prof., Lomonosov Moscow State University;

R. Guzmán Tirado – Doctor of Philological Sciences, Prof., University of Granada (Spain);

I. A. Kiseleva – Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Federal State University of Education;

E. Kollarova – Doctor of Philosophy, Prof., Catholic University in Ružomberok (Slovakia);

L. F. Koposov – Dr. Sci. (Philology), Prof., Federal State University of Education;

A. V. Motorin – Dr. Sci. (Philology), Prof., Yaroslav-the-Wise Novgorod State University;

I. A. Nagorny – Dr. Sci. (Philology), Prof., Jilin University (China);

B. Yu. Norman – Dr. Sci. (Philology), Prof., Belorussian State University (Belarus);

A. V. Petrov – Dr. Sci. (Philology), Prof., Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (Arkhangelsk);

L. V. Ratsiburskaya – Dr. Sci. (Philology), Prof., N. I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod;

V. I. Suprun – Dr. Sci. (Philology), Prof., Volgograd State Socio-Pedagogical University;

O. V. Shatalova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Federal State University of Education;

V. A. Shenshina – Dr. Sci. (Philology), Helsinki University (Finland);

N. M. Shchedrina – Dr. Sci. (Philology), Prof., Federal State University of Education

ISSN 2949-5016 (print)

ISSN 2949-5008 (online)

The peer-reviewed scientific journal "Russian Studies in Philology" is a printed edition that publishes articles on various issues, including but not limited to linguistics (lexicogrammar of the Russian language and the language of literature) and literature study (study of the works of Russian and foreign writers and comparative analysis of their works, study of theory of literature).

The journal is addressed to scientists, teachers, doctoral students, postgraduate students and anyone interested in the achievements of philology.

The journal "Russian Studies in Philology" is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications (mass media registration certificate No. FS 77-73348).

The subscription index of the "Russian Studies in Philology" is 40724 in the Press of Russia catalog.

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, and its full texts are available through scientific electronic libraries "eLibrary" (www.elibrary.ru) and "CyberLeninka" (since August 2017; www.cyberleninka.ru), as well as on the journal's site (www.philologymgou.ru).

When citing, the reference to the journal is required. All publications are licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY).

The authors bear all the responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the authors. Manuscripts are not returned.

Russian Studies in Philology. – 2026. – No. 1. – 144 p.

© Federal State University of Education, 2026.

The Editorial Board address:

ul. Radio 10A, office 98, 105005 Moscow, Russian Federation

phone: (495) 780-09-42 (add. 6101)

e-mail: sj@guppros.ru

site: www.philologymgou.ru

СОДЕРЖАНИЕ

200 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ М. Е. Салтыкова-Щедрина

Представляем тему номера.	6
<i>Кулакова В. А.</i> Возведение четвёртой стены М. Е. Салтыковым-Щедриным: синтаксические конструкты.	8
<i>Павлова И. Б.</i> Концепты <i>дитя</i> / <i>дети</i> и <i>детство</i> в творчестве М. Е. Салтыкова-Щедрина.	21

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Беглова Е. И.</i> Женские онимы в лексическом составе фразеологических единиц, паремий и в роли крылатых слов.	36
<i>Вишнякова Н. М.</i> Особенности метафор нарушения пространственной целостности в современной русской поэзии (на материале текстов ЮФО, СФО и новых регионов РФ)	49
<i>Войтенко А. В., Подлеснова Р. И.</i> Погребально-поминальная обрядность старообрядцев села Кунича (Молдова) в этнолингвистическом аспекте.	60
<i>Гимаев Я. А.</i> Лексический потенциал новых заимствованных слов в русском языке. ..	71
<i>Губина В. В., Артамонов В. Н.</i> Основание оценочного значения в произведении А. П. Чехова «Мнения по поводу шляпной катастрофы»	88
<i>Колесникова С. М., Ван Шань.</i> Особенности функционирования экологических терминов в текстах электронных русских СМИ.	96
<i>Сивова Т. В.</i> Цвет каштана в системе терминов цвета: от стереотипного к рекламному ..	103

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Афанасьева Н. С.</i> Литературные отношения Я. Б. Княжнина и Н. П. Николева: к вопросу о мотивах литературной полемики.	115
<i>Перевалова Е. М.</i> «Город без имени» В. Ф. Одоевского: «фантастика мысленного эксперимента» и нарративная структура текста.	124

РЕЦЕНЗИИ

<i>Папуша И. С.</i> Лингвистический витализм идей профессора В. В. Бабайцевой. Рецензия на коллективную монографию: многоаспектность единиц языка и речи: к столетию со дня рождения Веры Васильевны Бабайцевой / отв. ред. И. В. Высоцкая. М.: Флинта, 2025. 304 с.	134
---	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Малинская Т. В.</i> Международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы современной русистики: переходность и синкретизм».	139
---	-----

CONTENTS

200TH ANNIVERSARY OF THE BIRTH OF M. E. SALTYSKOV-SHCHEDRIN

Introducing the Theme of the Issue.	6
<i>V. Kulakova</i> . "The Construction of the Fourth Wall by M. E. Saltykov-Shchedrin: Syntactic Constructions	8
<i>I. Pavlova</i> . The Concepts of <i>Child</i> / <i>Children</i> and <i>Childhood</i> in M. E. Saltykov-Shchedrin's Works	21

LINGUISTIC STUDIES

<i>E. Beglova</i> . Female Onyms in the Lexical Composition of Phraseological Units, Proverbs, and as Winged Words	36
<i>N. Vishnyakova</i> . Features Of Metaphors Meaning Spatial Disintegration in Contemporary Russian Poetry (Based on Texts from the Southern Federal District, Siberian Federal District, and the New Regions of the Russian Federation)	49
<i>A. Voytenko, R. Podlesnova</i> . The Funeral and Memorial Rites of the Old Believers Living in Kunicha Village (Moldova) from an Ethnolinguistic Perspective	60
<i>Ya. Gimaev</i> . Lexical Potential of the New Borrowed Words in the Russian Language	71
<i>V. Gubina, V. Artamonov</i> . Reasons For Assessment in A. P. Chekhov's Story "Opinions on a Hat Disaster"	88
<i>S. Kolesnikova, Wang Shan</i> . Functioning Features of Environmental Terms in Russian Electronic Media	96
<i>T. Sivova</i> . Chestnut Colour in the Colour Term System: From Stereotypical to Advertising Terms	103

LITERARY STUDIES

<i>N. Afanasyeva</i> . Literary Relations of Ya. B. Knyazhnin and N. P. Nikolev: On the Motives of Literary Polemics	115
<i>E. Perevalova</i> . "The Nameless City" by V. F. Odoevsky: "The Fiction of a Mental Experiment" and the Narrative Structure of the Text	124

REVIEWS

<i>I. Papusha</i> . Linguistic Vitalism of Prof. V. V. Babaytseva's Ideas. Collective Monograph Review: Vysotskaya, I. V., ed. (2025). Multidimensionality of Language and Speech Units: On the Centenary of Vera V. Babaytseva's Birth. M.: Flinta publ.	134
---	-----

SCIENTIFIC LIFE

<i>T. Malinskaya</i> . International Scientific Conference "Current Problems of Modern Russian Studies: Transition and Syncretism."	139
--	-----

200 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ М. Е. Салтыкова-Щедрина

27 февраля 2026 г. исполняется 200 лет со дня рождения Михаила Евграфовича Салтыков-Щедрин – крупнейшего представителя русской общественной мысли и литературы XIX в., автора острых сатирических произведений, журналиста, члена редколлегии журнала «Современник» и редактора «Отечественных записок», государственного деятеля, служившего вице-губернатором в Рязани и Твери.

Салтыков-Щедрин называли «беспощадным диагностом нашего общества», «прокурором русской жизни». Действительно, его главные произведения: «История одного города», «Господа Головлёвы», «Современная идиллия», «За рубежом», «Дикий помещик», «Повесть о том, как один мужик двух генералов прокормил», «Медведь на воеводстве» и др. – обличают горькую правду современной автору действительности, доведённую благодаря фантастическим сюжетам реальность жизни представителей разных слоёв населения России середины XIX в. до абсурда, в летописи вымышленного города, в семейной саге, в сказке или притче.

Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин вне времени. Его творческое наследие сохраняет актуальность и в наши дни, а юбилей писателя является важным поводом для осмысления расставленных писателем акцентов при описании взаимоотношений власти и общества, ответственности чиновников, эффективности управления государством.

В публикациях, посвящённых 200-летию М. Е. Салтыкова-Щедрина, ставится задача исследовать то, как создаются и как применяются синтаксические способы, детерминирующие условия рефлексии у читателя его произведений; представить индивидуально-авторскую интерпретацию концептов дитя / дети и детство в художественных текстах сатирика, проанализировать их ценностное наполнение, продемонстрировать на основе проделанных наблюдений своеобразие мировосприятия писателя, его идейно-художественных, этических установок и социально-исторических взглядов.

*Шаповалова Татьяна Егоровна,
доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой
современного русского языка имени профессора П. А. Леанты
Государственного университета просвещения,
академик Международной академии наук педагогического образования,
главный редактор научного журнала «Отечественная филология»*

Научная статья

УДК 81'367.4

DOI: 10.18384/2949-5008-2026-1-8-20

ВОЗВЕДЕНИЕ ЧЕТВЁРТОЙ СТЕНЫ М. Е. САЛТЫКОВЫМ-ЩЕДРИНЫМ: СИНТАКСИЧЕСКИЕ КОНСТРУКТЫ

Кулакова В. А.

Государственный университет просвещения, г. Москва, Российская Федерация

e-mail: kbera96@gmail.com

Поступила в редакцию 16.12.2025

Принята к публикации 19.12.2025

Аннотация

Цель. Определить, как создаются и как применяются синтаксические способы, детерминирующие условия рефлексии у читателя, в текстах М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Процедура и методы. К произведениям сатирика применяется особый подход, основанный на базе идей Х. У. Гумбрехта: переосмыслиется аспект анализа прагматической установки и языковой организации текста писателем; главным аспектом становится эффект присутствия, который отмечался учёным. На материале сказок «Коняга», «Дикий помещик», «Дурак», «Богатырь» и фрагменте романа «Господа Головлёвы» путём целенаправленной выборки отбирались синтаксические единицы, содержащие темпоральное и локальное значения, а также риторические компоненты с задачей установить их организацию в тексте и соотношение с потребностями автора.

Результаты. Определены сходные для создания коммуникации *автор – читатель* факторы, условно сравниваемые с четырьмя стенами театра: в них необходимы декорации (три стены как темпоральные и локальные компоненты) и незримая четвёртая. Последняя в литературном тексте предстаёт в качестве автора-рассказчика, который может обращаться напрямую к читателю, ломая её, применяя риторические высказывания. По итогам исследования можно констатировать определённые идиостилевые черты писателя: использование темпоральных детерминантов с неопределённой семантикой в начале произведения, необходимых для размытия временных границ в сознании читателя, описание локально ограниченных мест пребывания персонажей, что можно считать сюжетообразующим приёмом, и применение риторических высказываний для потенциального ломания, или разрушения, четвёртой стены, а также тонкий внутренний психологизм писателя.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты наблюдений над идиостилем М. Е. Салтыкова-Щедрина являются важным дополнением к исследованию стиля писателя. Метод анализа авторского текста, созданный в работе, может быть использован при изучении произведений других писателей.

Ключевые слова: детерминант, идиостиль, коммуникация, риторическое высказывание, сатира, четвёртая стена

Для цитирования:

Кулакова В. А. Возведение четвёртой стены М. Е. Салтыковым-Щедриным: синтаксические конструкции // Отечественная филология. 2026. № 1. С. 8–20. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2026-1-8-20>.

Original research article

THE CONSTRUCTION OF THE FOURTH WALL BY M. E. SALTYKOV-SHCHEDRIN: SYNTACTIC CONSTRUCTIONS

V. Kulakova

Federal State University of Education, Moscow, Russian Federation

e-mail: kbera96@gmail.com

Received by the editorial office 16.12.2025

Accepted for publication 19.12.2025

Abstract

Aim. To determine how syntactic devices which determine conditions of reader reflection are created and applied in the works of M. E. Saltykov-Shchedrin.

Methodology. A special approach, based on the ideas of H. U. Gumbrecht, is applied to the satirist's works. The proprietary analysis of the pragmatic attitude and linguistic organization of the text is reconsidered – the effect of *presence*, noted by H. U. Gumbrecht, becomes a key aspect. Using the fairy tales “The Nag,” “The Wild Landowner,” “The Fool,” “The Bogatyr,” and a fragment from the novel “The Golovlyov Family,” syntactic units containing temporal and local meanings, as well as rhetorical components, were selected through targeted sampling to establish their organization within the text and their relationship to the author's needs.

Results. The factors serving for creating author-reader communication have been identified, conventionally compared to the four walls of a theater: they require a set (three walls as temporal and local components) and an invisible fourth wall. The latter is represented in the literary text by the author-narrator, who can directly address the reader, breaking it down through rhetorical statements. Based on the research, certain idio-stylistical traits of the writer can be identified: the use of temporal determinants with undefined semantics at the beginning of the fairy tales and novels, necessary to blur temporal boundaries in the reader's mind; the description of locally limited locations of characters, which can be considered a plot-forming device; the use of rhetorical statements to potentially break (or destroy) the fourth wall; and the writer's subtle inner psychologism.

Research implications. The results of the observations on M. E. Saltykov-Shchedrin's idio-style are an important addition to the study of the writer's style. The method of analyzing the author's text developed in this study can be applied to analysis of the works of other writers.

Keywords: determinant, idio-style, communication, rhetorical statement, satire, fourth wall

For citation:

Kulakova, V. A. (2026). “The Construction of the Fourth Wall by M. E. Saltykov-Shchedrin: Syntactic Constructions. In: *Russian Studies in Philology*, 2026, 1, 8–20. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2026-1-8-20>.

Введение

Взаимодействие людей остаётся одним из самых удивительных и загадочных процессов. За время существования человечества языковое / речевое общение признаётся самым полноценным и приоритетным: ни визуальные коды, ни до сих пор как не опровергнутая, так и не доказанная телепатия не могут составить ему

полноправной замены. В дискурсе – как в вербальном, так и текстовом – всесторонне раскрывается коммуникативная задача, назначение которой состоит в формировании информационного и (или) эмоционального отклика у его участников. Художественные произведения в таком случае оказываются вовлечены в неё, становясь средством трансляции авторских настроений и мотивов.

В качестве такого средства литературный текст выступает опосредованно и специфически, т. к. он позволяет коммуникативной задаче повиснуть в воздухе – существовать вне времени или хотя бы тот срок, сколько хранится созданное произведение. В таком случае взаимодействие с художником слова остаётся возможным в течение многих лет и даже веков, пробуждая новые читательские отклики.

Одним из писателей, чей авторский стиль сохраняется ярко узнаваемым, является М. Е. Салтыков-Щедрин: благодаря его острому сатирическому слогу и неизгладимой иронии создавались такие тексты, содержание которых свидетельствовало о бесстрашии, изобретательности и в каком-то роде изворотливости их творца. Не щадящий власти, моральных устоев людей, скрывающихся под масками лицемерия и праведничества, он стремился отобразить самые насущные проблемы своего времени, пытаясь полемизировать с потенциальным читателем. Последнее ему удавалось вполне успешно. Любопытны его письма, такие как ответы в редакцию «Вестника Европы» и сообщение редактору журнала лично, в которых он спорил с критикой его «Истории одного города». Авторский слог и манера доказательности (весьма мягкая!) явно демонстрируют желание автора полемизировать, однако одностороннее общение, если его и устраивало, то не в полной мере, о чём будет сказано ниже. Сатирик мастерски конструирует в своих произведениях такие события, в которых сконцентрированы недостатки общества, и, что интересно, не только осуждает их, но и стремится «вызвать» на разговор читателя. Именно об описании такого удивительного приёма речь пойдёт далее.

Объяснение понятия *присутствие* и последующего контакта в гуманитарных науках

Кажется неочевидным, как может осуществляться коммуникация, если один из её участников материально не представ-

лен. Диалог с искусством, будь то рисунок, скульптура, видеофильм или текст, строится по своим правилам – для него необходим заинтересованный зритель.

В связи с этим интересными представляются наблюдения Х. У. Гумбрехта, литературоведа и философа. В своём труде «Производство присутствия: чего не может передать значение» (“Production of Presence. What Meanings Cannot Convey”, 2004), обращая внимание на необходимость объекта в гуманитарных науках, который определить труднее, нежели в науках точных, он заключает, что для созерцания необходимо *присутствие*. Последнее в его работе предстаёт в качестве авторского концепта, согласно которому обязательны и важны не только наличие воспринимающего искусство, но и его собственная реакция на усвоенное: «словом “присутствие” (presence) обозначается (по крайней мере, по большей части) не временное, но пространственное отношение к миру и его предметам» [1, с. 10]. Он акцентирует внимание на существенном недостатке современной культуры, которая склонна «оставлять и даже забывать всякую возможность отношения к миру, основанного на присутствии», и призывает «твёрдо выступить против привычки систематически отвлекаться от присутствия, против безраздельно центрального положения, которое занимает толкование в гуманитарных науках» [1, с. 11–12]. В более поздней работе, однако, он замечает возрастание «интереса гуманитариев к “присутствию” ...», это связано с гораздо более глубоким изменением состояния человека, – изменением, которое ... в конечном счёте касается нашего исходного отношения к прошлому, будущему и настоящему» [2, с. 23].

Помимо понятия *присутствие* исследователя интересуют такие понятия, как обозначенное выше *толкование* и *значение*. В их перцепции науками он видит основную проблему, мешающую дальнейшим исследованиям: т. к. *значения* до сих пор видятся основными при гуманитарном исследовании, теряется роль исследователя, который неминуемо наделяет это значение

собственным *толкованием*: эпистемологическая традиция гуманитарных наук «в течение более чем столетия ставила нам препятствия на пути к познанию всего того, что нельзя описать как конфигурацию значения или же преобразовать в неё» [1, с. 98], и это привело к «утрате мира» – к тому, что восприятие действительности и её объектов при научном рассмотрении нарочито подлежит извращению от индивидуальной исследовательской оценки.

Относительно художественных произведений, которые предстают объектом искусства и также могут являться объектом анализа, Х. У. Гумбрехт замечает следующее. По его мнению, функция литературы в целом заключается не столько в описании или воссоздании, сколько в том, чтобы отобразить настоящую действительность. В своём следующем крупном труде «Атмосфера, настроение, дух: о скрытом потенциале литературы» (“Atmosphere, Mood, Stimmung: On a Hidden Potential of Literature”, 2012) он рассматривает язык как материальный компонент *мира*, т. е. то, что фактически способно запечатлеть жизнь. Он выдвигает два фундаментальных положения, связанных с художественными текстами:

1) *деконструкция*: т. к. прямой контакт между языком и реальностью невозможен, возникает потребность в разложении реальности на поддающиеся описанию события и факты;

2) *культурология*: художественные произведения становятся объектом эпистемологии [3, р. 2–3].

Представляется интересным, что исследователь видит в литературном тексте отображение действительности, причём как её материального, так и культурного пласта. Рассуждая о деконструкции, он отмечает, что такой процесс не может правдоподобно и буквально перенести материальный мир на бумагу: обязательно проявляется личность пишущего. Фактически это своеобразное дополнение к его пониманию понятия присутствия. Особенно увлекательно, что к подобному выводу пришёл М. Е. Салтыков-Щедрин, отвечая на кри-

тику романа «История одного города»: «искусство точно так же, как и наука оценивает жизненные явления единственно по их внутренней стоимости, без всякого участия великодушия или сострадания. Если б это было не так, то произошло бы нечто изумительное. Во-первых, люди не знали бы, что в написанной художником картине действительно верно и что смягчено, или скрыто, или прибавлено под влиянием великодушия письма».¹

Заключения Х. У. Гумбрехта подводят нас к идее, что оппозиция *толкование – значение* очень весома для гуманитарного исследования, потому что важен реципиент и его отклик. Учёным введена ещё одна сходная полярная пара *интерпретация – конституирование смысла*: «интерпретация обладает особой ценностью и имеет очень сложное значение, в том числе эстетическое. Поэтому, когда кто-то использует понятие интерпретации для обозначения любого вида конституирования смысла, это сбивает с толку. Именно по этой причине я в определённый момент пришёл к необходимости говорить отдельно о “конституировании смысла”» [4, с. 135]; «центральное институциональное положение толкования – то есть опознания и присвоения значений – ... поддерживается той положительной ценностью, которую наш язык автоматически связывает с понятием “глубины”» [1, с. 34]. Следовательно, сложный процесс восприятия текста, его деконструкции и декодирования неизбежно влечёт наложение мыслей воспринимающего на него. Подобное замечали при исследовании прагматики Д. Вилсон и Д. Спербер. Согласно их наблюдениям, «слова никогда полностью не кодируют то, что люди имеют в виду, и контекст всегда имеет несколько интерпретаций, поэтому понимание – это процесс вывода, управляемый точными ожиданиями релевантности» [5, р. 2]. Они задаются вопросом, как далеко может зайти такое «лингвистическое декодирование» и увести от изначального смысла, и

¹ Салтыков-Щедрин М. Е. Полное собрание сочинений: в 20 т. Т. 18.1. М.: Художественная литература, 1975. С. 85.

приходят к выводу, что подсознательное восстановление прагматического назначения воспринимающего позволяет ему определить эти границы, руководствуясь предположительным пониманием коммуникативной задачи – цели, которую потенциально имел говорящий или пишущий.

Перелом четвёртой стены как раскрытие внутреннего мира

Одним из приёмов, всё чаще употребляющихся в том числе и в современных медиа, является общение персонажей – героев фильмов, спектаклей, других произведений – со зрителями и читателями. Он именуется *ломанием*, или *разрушением, четвёртой стены* и подразумевает непосредственную коммуникацию между воспринимающим искусство и несуществующим образом, созданным определённым автором. В видеоряде этот приём удаётся благодаря визуальному обращению к смотрящему, но в тексте он не всегда очевиден, т. к. авторское *я* от персонажа отделить достаточно трудно.

Само наименование приёма связывается с театральным опытом, где декорации формировали три стены, а одна – невидимая – оставалась между играющими и наблюдающими: «актёр, перевоплощаясь, перестаёт быть собой и становится как бы тем персонажем, которого он изображает. Возникает иллюзия, достижение которой и является “основной целью обычного театра”. Зритель как бы присутствует в качестве свидетеля в помещении, случайно лишённом четвёртой стены» [6, с. 18]. Ломанием последней именуется «сопровождающееся отчётливым жестом» действие, когда отбрасывается «иллюзия, будто бы события на сцене происходят в действительности, без присутствия публики», и актёр «может обращаться непосредственно к публике» [6, с. 143–144]. Происходит эффект своеобразного отчуждения от произведения, и артист снимает маску персонажа, говоря со зрителем.

Для текста существуют свои принципы построения подобной ситуации общения. Этому призван, например, стилистиче-

ский приём *апострофа*: «обращение к отсутствующему лицу как к присутствующему или к неодушевлённому предмету как к одушевлённому».¹ Однако здесь подразумевается коммуникация не с читателем, а с указанным лицом, следовательно, не случается описанного выше *производства присутствия*: действие совершается в пределах четырёх стен. Поэтому интересен другой приём, в котором случается олицетворение говорящего лица и авторского *я*, – включение *риторических высказываний*: «в художественном тексте, где речь является неактуализованной, где автор отрешён от ситуации “я – здесь – теперь”, субъект говорящий как автор риторического высказывания может совпадать с грамматическим субъектом действия, состояния, качества», и он «в этом случае эксплицирован специализированными морфологическими средствами выражения» [7, с. 62]. Следовательно, определённые языковые структуры могут способствовать вовлечению читателя в осмысление произведения с обозначенной точки зрения и в своеобразную полемику с автором, который, выстраивая текст подобным образом, заставляет задуматься и переосмыслить прочитанное. Определение и последующее разделение авторского *я* и героев его произведений не всегда в таком случае требует абсолютной точности, т. к. оценочной характеристикой проникнуто всё произведение: «отношение автора к персонажам – важнейшая часть художественного произведения. В нём отражаются ценности, которые разделяет автор, и антиценности, которые он не принимает» [8, с. 13]. Таким образом, для рассмотрения выстраиваемых границ в произведении и их нарушения стоит обратить внимание на такие компоненты и структуры, организующие пространство в произведении (три стены) и указывающие на возможную потенциальную коммуникацию (ломание четвёртой).

¹ Большой толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] // Грамота.ру: [сайт]. URL: <https://gramota.ru/meta/apostrofa> (дата обращения: 10.11.2025).

«Стены» Салтыкова-Щедрина

Произведения сатирика во многом строятся по сходным правилам: в них отображаются ограниченные локации, обозначение которых зачастую играет существенную роль. Такое наблюдается не всегда. Во многих сказках: «Премудрый пискарь», «Карась-идеалист», «Самоотверженный заяц» и др. – место действия не указывается, но и четвёртая стена в них, как правило, не ломается.

Сатирический слог здесь также чрезвычайно важен. Его применение обусловлено потребностью усилить оценку действительности, присуждаемую ей автором. Прямолинейность и обличительность юмора достигали пика или приглушались по мере необходимости – он всегда был подчинён больше рациональному уму автора, нежели его эмоциональному порыву. Писатель, отвечая на критику, обличающую его произведение (роман «История одного города») как написанный лишь ради забавы тест, замечал: «представителем смеха для смеха может быть назван рецензент, голословно обвиняющий в смехе для смеха ... Я же, благодаря моему создателю, могу каждое своё сочинение объяснить, против чего они направлены, и доказать, что они именно направлены против тех проявлений произвола и дикости, которые каждому честному человеку претят».¹ Прямая зависимость между описываемым и авторским откликом очевидна, именно она влияла на степень применения насмешки: «в эволюции сатиры Щедрина проявляется не только закон прямой взаимообусловленности, но и неравномерности развития идейных убеждений, содержания и формы» [9, с. 269].

Обращает на себя внимание аксиологическая сторона подобного рода рассуждений. С лингвистической точки зрения она предстаёт в категории оценочности как интегральной характеристики языка, связанной с выражением отношения говорящего

к чему-либо. Согласно Т. В. Маркеловой, «у иронической оценки есть свои субъект и объект, в коммуникативном пространстве – адресат и адресант, но они имеют свою специфику по сравнению с прямой оценкой: ироническая оценка строится на контрасте речевых намерений “голоса автора” и “голоса персонажа”, т. е. различных форм несобственно-прямой или несобственно-авторской речи: вербально выраженного одобрения и не выраженного, но вытекающего из подтекста неодобрения (осуждения)» [10, с. 151]. Исследователем выдвигается «палитра оценочных дискурсивных отношений»: *смех – насмешка – ирония – сарказм – сатира* [10, с. 160], в которой рассматриваемый в настоящей работе феномен – последний в градации – представлен самым интенсивным. В таком случае в каждом из сатирических произведений Салтыкова-Щедрина можно обнаружить исключительную оценку действительности. Сам писатель замечал: «Изображая жизнь, находящуюся под иглом безумия, я рассчитывал на возбуждение в читателе горького чувства, а отнюдь не веселонравия... Для меня хронология не представляет стеснений, ибо... я совсем не историю предаю осмеянию, а известный порядок вещей».²

Далее предложены к рассмотрению наблюдения над несколькими произведениями писателя, в которых отчётливо и ярко проявлялся его юмор, утасаживающий вследствие его длительной и тяжёлой болезни, политической ситуации и запрета журнала «Отечественные записки», редактором которого он был. Не без основания следует подчеркнуть последнее – всё же более чем вероятно, что именно общения с читателем писатель очень искал.

Коняга (1885). В сказке виртуозно представляется пространство действия, являющееся, по сути, и своеобразным персонажем произведения. Обессилевшие конь и мужик, являющиеся центральными героями произведения, оказываются в безвыходном, беспросветном положе-

¹ Салтыков-Щедрин Н. М. Полное собрание сочинений: в 20 т. Т. 18.1. М.: Художественная литература, 1975. С. 75.

² Там же. С. 76.

нии, т. к. их задача – вспахивать поле, которому нет конца и края. Вводится оно в текст произведения сразу же в качестве субъекта: «цепенеет ... **громада полей**»¹; «Нет конца **полям**; всю **ширь** и **даль** **они** заполнили; даже там, где земля с небом слилась, и там **всё поля**. Золотящиеся, зеленеющие, обнажённые – **они** железным кольцом охватили деревню». Конь оказывается заперти полосы полей, которой нет конца; действие её постоянно, что подтверждается темпоральным детерминантом: «**Из века в век** цепенеет грозная, неподвижная **громада полей**, словно силу сказочную в плену у себя **сторожит**», имеющим значение 'всегда, постоянно; на протяжении длительного времени'.² С учётом того, что «темпоральный детерминант в двусоставном предложении характеризует определённое синтаксическое лицо с точки зрения его активности», и «степень участия детерминанта в выражении синтаксического лица, агенсного значения зависит не только от лексического значения глаголов-сказуемых, но и от лексического значения существительных, выступающих в роли именного компонента детерминанта» [11, с. 92], стоит обратить внимание на семантику глагола. Временная синтаксема *из века в век* является формой-идиомой и репрезентирует непрерывное действие, заключающееся в сказуемом *цепенеет*, словом со значением 'погружаться в сонливое состояние; утрачивать остроту и чёткость восприятия'.³ Таким образом, семантика и детерминанта, и сказуемого несёт в себе неопределённость, нескончаемость, непонятность и бесконечность. Но автору недостаточно такого преувеличения. Чтобы его усилить, писатель вводит этот же детерминант ещё раз, опуская, но явно под-

разумевая тот же субъект действия: «**Из века в век**, словно силу сказочную в плену у себя **сторожит**». Следовательно, нет конца ни полю, ни рабскому подчинению: так создаётся максимально преувеличенный, неадекватный пространственно-временной континуум, необходимый для формирования сатиры. Но на этом её построение не заканчивается; после рассуждений о потенциале поля автор требует отклика от читателя, его *присутствия*, а потому включает в текст несколько риторических высказываний: «Кто освободит эту силу из плена? кто вызовет её на свет?» В первый раз он сам даёт на них ответ: «Двум существам *выпала на долю эта задача: мужику да Коняге*». Далее следует более полное превращение поля в персонажа – оно «берёт в кабалу» коня: «И *обнажённое, и цветущее, и цепенеющее под белым саваном – оно властно раскинулось вглубь и вширь, и не на борьбу с собою вызывает, а прямо берёт в кабалу*». Такое сказуемое подчёркивает полную, рабскую зависимость коня от поля, олицетворяя последнее с работодателем. Подчёркивается это дважды: «Для всех поле раздолье, поэзия, простор; для Коняги оно – **кабала**». Но писатель не обходится только одним этим, хотя и весьма ярким, отождествлением-олицетворением, представляя ещё одно: «Поле, как **головног, присосалось к нему бесчисленными щупальцами и не спускает его с урочной полосы**». Сравнение с моллюском снабжается также сказуемым с выразительной семантикой, подчёркивающей невозможность освобождения от паразита. В сказке, таким образом, наличествуют четыре персонажа: «каторжный» Коняга, мужик, Пустоплясы – кони-бездельники, введённые для контраста, явно олицетворяющие нерабочий класс, и не-явное поле. Своим произведением автор намекает на необходимость изменения уклада жизни и равенства, показывая, что такое положение не может длиться вечно. Подытоживают размышления риторические высказывания, подчёркивающие потребность писателя пробудить мысли в читателе: «Но что такое сама эта жизнь?

¹ Здесь и далее цит. по: Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин // Интернет-Библиотека Алексея Комарова: [сайт]. URL: <https://ilibrary.ru/author/saltykov-schedrin/index.html> (дата обращения: 12.11.2025).

² Большой толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] // Грамота.ру: [сайт]. URL: <https://gramota.ru/meta> (дата обращения: 10.11.2025).

³ Там же.

зачем она опутала Конягу узами бессмертия? откуда она пришла и куда идёт? – вероятно, когда-нибудь на эти вопросы ответит будущее...» Вопросы, поставленные в конце сказки, являются как логическими (явно прослеживается убеждение), так и обличительными; автор демонстрирует свою точку зрения и старается направить потенциального читателя на тот ход размышлений, который ему представляется верным.

Дикий помещик (1869). В следующей анализируемой сказке пространство весьма схоже: если в «Коняге» перед читателем оно представало полем, то здесь оно ограничивается «всем пространством владений глупого помещика», на котором вдруг не стало мужика. По своей сути оно исполняет ту же самую функцию – перед читателем предстаёт место, в котором происходит угнетение крестьян. Произведение открывается ситуативным локальным «сказочным» детерминантом: **«В некотором царстве, в некотором государстве жил-был помещик, жил и на свет глядячи радовался»**. Смысл подобного зачина состоит как в создании нарочито-волшебного настроения, явно контрастирующего с содержанием и тем самым создающего сатирический фон, так и размытием временной и локальной семантики. Как и в «Коняге», детерминант нацелен сбить читателя с толку, обозначив неясность времени происходящего и его продолжительность, однако в любом случае становится очевидным, что описываются современные писателю события, а от того детерминирующие комплексы лишь добавляют сатирический эффект. Владения, в отличие от поля, не предстают в сказке в качестве отдельного персонажа и поэтому не имеют субъектной роли в произведении. Повторы для усиления также применяются: подчёркивается ограниченность пространства посредством морфологизованных прямых дополнений: **«все мои владения от мужика очистил»**, **«все владения мои от мужика очистил»**. Не случайно такое акцентирование внимания на месте действия. В начале произведения указывается, что у помещи-

ка **«Всего у него было довольно: и крестьян, и хлеба, и скота, и земли, и садов»**, что как бы косвенно свидетельствует о его райской жизни. В повествование потому специально добавляются описания снов, в которых фигурируют новые локации: сначала уезд, затем берега Тигра и Ефрата. Вероятно, упоминание местности Междуречья здесь отсылает читателя к мыслям о первых цивилизациях, невероятно продвинутых, но исчезнувших с лица земли. Но и этого автору недостаточно, и добавляется, хотя и весьма косвенно, ещё одно символическое место. В конце сна помещик обращается к неожиданному персонажу: **«Ева, мой друг!»** Таким образом, в снах прослеживается своеобразный путь от уезда до рая, и таким представляется возможный мир, если в нём начнут происходить изменения, не ведомые глупым помещикам. Сам же герой произведения претерпевает обратную эволюцию в **«медведя не медведя, человека не человека»**. От такого страдают и капитан-исправник, и весь уезд. Подтверждается отсылка на рай ещё одной интересной аналогией. Через губернский город в то самое время, когда всё стало совсем плохо, **«летел отроившийся рой мужиков и осыпал всю базарную площадь. Сейчас эту благодать обрали, посадили в плетушку и послали в уезд»**. Поразителен выбор именно летящего роя мужиков, который может ассоциироваться и как нашествие саранчи, которое бог наслал на Египет в Библии, т. е. что-то плохое, и как манна небесная, т. е. обратное предыдущему. Мастерски показывается контраст от присутствия или отсутствия мужика, **«рассеянного по лицу земли»**, в уезде и демонстрируется полярность таких изменений: возвращение такое приветствуется, но хорошо ли оно для общества? Подобно прибытию роя саранчи, наличие каторжных людей усугубляет ситуацию в стране. Писатель создаёт ситуацию присутствия, превращая читателя в не постороннего наблюдателя, но заинтересованного, присутствующего на месте слушателя, применяя диалогическую ситуацию: **«Что же делалось, однако, с помещиком?» – спросят**

меня читатели. На это я могу сказать, что хотя и с большим трудом, но и его изловили». Отчасти иронический риторический вопрос фигурирует здесь, способствующий усилению эмоций (т. к. ответ на него даётся саркастический и совершенно не исчерпывающий) и формированию отклика у читателя.

Господа Головлёвы (1875–1880).

Сложный, обличающий мироустройство современного автору мира и тонкопсихологический роман писателя строится по схожему сценарию. В нём создаётся одно главное, притягивающее других персонажей место действия, в котором случаются основные сюжетные события, и им предстаёт усадьба Головлёво. В тексте романа есть и другие локации, однако эта перетягивает на себя всё внимание читателя, концентрируя в себе проблему распада семьи, дворянства и усадьбы как таковой. Особенно ярко последняя описана в первой части романа «Семейный суд», и именно она рассмотрена далее.

Обозначение времени происходящего дано в начале произведения (в самом первом предложении) посредством темпорального детерминанта с семантикой неопределённости: *«Однажды бурмистр из дальней вотчины...»* Чертой идиостиля автора, как показывают примеры, является размывание временных границ повествования. Такая расплывчатость создаёт сатирический эффект, как бы подчёркивая, что описываемые события не имеют никакой связи с действительностью, хотя и несомненна их причастность к последней. Поместье Головлёво не обезличено, олицетворено, в первом своём описании выступает субъектом: *«Барская усадьба смотрела из-за деревьев так мирно, словно в ней не происходило ничего особенного; но на него её вид произвёл действие медузиной головы. Там чудился ему гроб. Гроб! гроб! гроб!»* Степан Владимирович по требованию маменьки и обстоятельствам своей жизни возвращался домой, туда, где, как он считал, его жизнь оборвётся, в чём и был прав. Как в «Коняге» поле сравнивается с моллюском, так и здесь у усадьбы находится сход-

ство с медузой: их «щупальца» способны затянуть и больше не отпустить. Непохоже на глупого помещика, Степан не может сбежать из ограниченной автором локации в своих снах, писатель словно нарочно не даёт ему сделать этого, подтверждая следующими словами: персонаж *«погрузился в безрассветную мглу, в которой нет места не только для действительности, но и для фантазии ... Словно чёрное облако окутало его с головы до ног ... В этом загадочном облаке потонул для него весь физический и умственный мир...»* Нарочитое ограничение представляется необходимым для того, чтобы подчеркнуть как безвыходность ситуации для Степана, так и представить контраст с частью «Выморочный», где другой персонаж – Порфирий – сможет погружаться в фантазийные игры воображения, именуемые «запоем праздномыслия». Незримо ломает четвёртую стену в этот раз писатель. Глава оканчивается письмом Арины Владимировны, матери Степана, Порфирию, где она совершенно неправильно толкует причину смерти её сына, видя её в отсутствии почитания родителей, хотя ей было её собственное отношение. Сравнивает она детей с крепостными, заключая: *«таковы правила, кои всякий живущий в сём мире человек затвердить должен, а рабы, сверх того, обязаны почитать господ»*, и оправдывая себя: *«все почести отшедшему в вечность были отданы сполна, яко сыну»*. Так подводит писатель к вопросу больше своему, нежели Арины Петровны: *«Жаль сына, но роптать не смею, и вам, дети мои, не советую. Ибо кто может сие знать? – мы здесь ропщем, а его душа в горних увеселяется!»* Такими словами завершается первая глава, и риторическое обращение здесь, достаточно ироническое ввиду предшествующего сравнения, должно навести читателя на мысль, что не столь важно, что будет на том свете, рабской трудовой и родительской повинности в мире быть не должно.

Дурак (1885). Небольшая, но ёмкая по своему содержанию сказка использует схожую локальную и временную организованность. Размыто и сказочно обозна-

чается период в начале произведения: **«В старые годы, при царе Горохе это было: у умных родителей родился сын дурак»**. Темпоральная детерминантная группа здесь необычна: «соединяться в группу могут детерминанты либо одного, либо разных значений, формируя его семантическую структуру, создавая элементарное простое предложение – монопредикативное полипропозитивное» [12, с. 56]. В данном случае оба из них имеют одно значение, что свидетельствует о том, что автор снова использует отмеченный ранее приём размывания временных границ. Действие происходит «в квартале», из которого никто не выходит: *«А мы вот засели по Пошехоньям: не развиваемся, да зато и не завираемся – так-то прочнее»*. Пошехонья противопоставляются «петербургским мурыям», и образованность воспринимается как недостаток. В одном из таких Пошехоний у двух «умных» родителей появляется сын-дурак, и вся ирония заключается в том, что именно он искренний и добрый человек, в отличие от остальных. Пролить свет на это мог лишь проезжий – персонаж, который рассказал родителям об особенностях их сына: *«несомненно, что настанет минута, когда наплыв жизни силою своего гнёта заставит его выбирать между дурачеством и подлостью. Тогда он поймёт. Только не советовал бы я вам торопить эту минуту, потому что как только она пробьёт, не будет на свете другого такого несчастного человека, как он»* (выделено автором. – В. К.). Ребёнок всё же сбегает, нарушая границы дозволенного и установленной автором локации. Четвёртая стена надламывается, когда задаются риторические вопросы, остающиеся без ответа: *«Где он скитался? что видел? понял или не понял? – никто ничего дознаться от него не мог. Пришёл он домой и замолчал»*. И, что важно, в самом конце: *«Во всяком случае, проезжий был прав: так до смерти и осталась при нём кличка: дурак»*. Вероятно, соглашается с проезжим автор, а предшествующими вопросами призывает читателя понять, что по таким же Пошехоньям странствовал дурак, так и

понял, что неумными были люди, воспитавшие его.

Богатырь (1886). В сказке место действия очерчивается в самом первом предложении посредством введения пространственного детерминанта *в некотором царстве: «В некотором царстве Богатырь родился»*. Других уточнений и описаний пространства не обнаруживается, однако наблюдается его последующее сужение, важное для повествования. Изначально богатырь не ограничен местом действия: посредством неморфологизованного обстояательства места его мать «пустила на все четыре стороны», обозначив как вседозволенность действий, так и абсолютную ненужность сына. Два последующих обстояательства места сузят пространство до предела: он *«в лес ударился»*, затем *«залез ... в дупло и заснул»*. Последнее обстоятельство вводится ещё три раза практически без изменений: *«он, вместо того, в дупле проспал»*, *«в дупле проспал»*, *«в дупле спал»*. Выбор такого места пребывания изобретателен: дупло означает не только «пустоту в стволе дерева, образовавшуюся на месте выгнившей древесины»¹ (следовательно, богатыря можно охарактеризовать как гнилого человека). По словарю В. И. Даля, у этого слова ранее было и другое значение: «плотный и глупый человек»² (которое впоследствии, вероятно, закрепилось за словом дуб). В завершении рассказа в последнем предложении обстоятельство места превращается в прямое морфологизованное дополнение, соединённое со сказуемым: *«подошёл в ту пору к Богатырю дурак Иванушка, перешиб дупло кулаком»*. Такое изменение синтаксической роли подчёркивает уничтожение того, под образом которого был представлен богатырь: Щедрин косвенно призывает народ к осознанию своей силы и ответственности, к активному противодействию вла-

¹ Большой толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] // Грамота.ру: [сайт]. URL: <https://gramota.ru/meta/apostrofa> (дата обращения: 10.11.2025).

² Даль В. И. Дуплѣ // Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 1. М.: В тип. А. Семена, 1863. С. 446.

сти. Мастерски накладываются друг на друга в произведении субъект (богатырь) и объект (дупло), представляя единым *глупым* целым. Представлены весьма чётко сатирическое обличение власти и призыв к действию, но автора здесь напрямую, к сожалению, не видно.

Заключение

Можно ли свести понятие четвёртой стены к феномену лингвистическому? Вполне вероятно. В нём сосредотачивается взаимодействие художника слова и читателя, превращая произведение литературное частично в эпистолярное, даже эпистолярно-риторическое, призывающее к активному размышлению. У Салтыкова-Щедрина ломание стен сопровождается иронической насмешкой: сатирический слог писателя позволяет сконцентрировать в таком приёме невероятный эмоциональный удар, несомненно влекущий за собой разрушение здравого смысла и содержащий фрагменты авторской оценки.

Пространственная ограниченность в литературных произведениях сатирика явно нацелена на обозначение своеобразной персональной зоны комфорта. Обрамление континуума посредством обстоятельств проектирует особую авторскую действительность, благодаря которой действующие лица произведения начинают играть красками контрастов.

Мысль художника слова, запечатлённая на бумаге, являясь объектом исследования, открывает особые смыслы: в её дискурс включаются новые участники, получающие индивидуальный эмоциональный отклик. Идиостилевая компонента автора репрезентируется своеобразно и по-своему риторически – вероятно, его личность, не только языковая, но и настоящая, реальная, нашла отражение в текстовом коде, и перед нами находится откровение интровертной, замкнутой границами собственного разума души? В письмах можно прочесть: «Знаете ли, я начинаю думать, что моими писаниями никто не интере-

суется ... Это вопрос очень интересный, кто теперешний русский читатель? Во всяком случае, он читает в одиночку, как древле в одиночку ... ни с кем не делясь своими впечатлениями. Это штука почти безнадежная, и на старости лет тяжело её переживать».¹

В работе была предпринята попытка присутствовать, по Х. У. Гумбрехту, в своеобразном дискурсе, представив, как такая возможность создаётся. В проанализированных произведениях Салтыкова-Щедрина были отмечены использование темпоральных детерминантов с неопределённой семантикой в начале произведения, служащих размыванию временных границ, описание конкретно очерченных мест пребывания персонажей, что является сюжетообразующей категорией в его произведениях, а также применение риторических высказываний для установления контакта с потенциальным собеседником.

Исследование возможной коммуникации между автором и зрителем (читателем) остаётся востребованным и интригующим; так, в интернет-среде начинает появляться термин *пятая стена*, который однозначного определения пока не имеет. В театре в целом он приобретает окраску персональную – так некоторые исследователи именуют рецепцию зрителя: «это чёрный экран сознания зрителя. Это пустая плёнка, на которой проявляется третье изображение. Оно развивается как индивидуальное прозрение».² В развлекательном медиа он появился в одном из популярных сериалов для взрослой аудитории с особым новым прочтением: так описывалось общение актёров дубляжа посредством персонажей в мультипликационной серии, т. е. на экране зритель видел всё тех же героев, но «общались» между собой озвучивающие их люди: «если существует ещё один уровень мета-анализа, помимо

¹ Салтыков-Щедрин Н. М. Полное собрание сочинений: в 20 т. Т. 18.1. М.: Художественная литература, 1975. С. 195.

² Авдеева Е. Во Франции выходит книга о «пятой стене» у Кастеллуччи и Мило Пау [Электронный ресурс] // ТеатрЪ: [сайт]. URL: <https://oteatre.info/kniga-o-pyatoy-stene> (дата обращения: 10.11.2025).

базового прочтения сути истории как конт-ролируемого, искусственного произведе-ния, возможно, он заключается в потере этого контроля – в том, чтобы позволить ей стать историей о истории, которая “со-шла с рельсов”». ¹ Вполне вероятно, что в

скором времени *ломанием пятой стены* станет именоваться коммуникация авто-ров и критиков посредством создаваемых персонажей, а лингвистическая наука смо-жет установить принципы построения по-добных механизмов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гумбрехт Х. У. Производство присутствия: чего не может передать значение / пер. С. Зенкина. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 184 с.
2. Гумбрехт Х. У. Будущее чтения? Воспоминания и размышления о генеалогическом подходе / пер. Н. Поселягина // Новое литературное обозрение. 2014. № 4. С. 17–26.
3. Gumbrecht H. U. *Atmosphere, Mood, Stimmung: On a Hidden Potential of Literature*. Stanford: Stanford University Press, 2012. 152 p.
4. Щитцова Т., Гумбрехт Х. У. Постлингвистический поворот в философии и задачи гуманитаристики в современную эпоху // *Topos*. 2022. № 2. С. 125–152. DOI: 10.24412/1815-0047-2022-2-125-152.
5. Wilson D., Sperber D. *Meaning and Relevance*. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. 395 p.
6. Брехт Б. О театре: сборник статей. М.: Издательство иностранной литературы, 1960. 366 с.
7. Канафьева А. В. Риторическое высказывание в синтаксическом строе современного русского языка. М.: Московский государственный областной университет, 2021. 170 с.
8. Герасименко Н. А. Отношение Пушкина к персонажам поэмы «Полтава»: Мария и Мазепа // *Отечественная филология*. 2024. № 3. Т. 2. С. 8–15. DOI: 10.18384/2949-5008-2024-3-2-8-15.
9. Бушмин Е. С. Эволюция сатиры Салтыкова-Щедрина. М.: Наука, 1984. 384 с.
10. Маркелова Т. В. Категория иронической оценки: лингвопоэтический аспект // *Актуальные проблемы русистики и поэтики текста: сборник научных статей*. М.: Московский педагогический го-сударственный университет, 2024. С. 149–164.
11. Шаповалова Т. Е. Семантика и структура категории синтаксического лица в простом предложении с временным детерминантом / Шаповалова Т. Е. Этюды о времени: избранные статьи. М.: Московский государственный областной университет, 2022. С. 88–93.
12. Шаповалова Т. Е. Темпоральная семантика поэтического высказывания. М.: Московский го-сударственный областной университет, 2020. 167 с.

REFERENCES

1. Gumbrecht, H. U. (2006). *Production of Presence: What Meaning Cannot Convey*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie publ. (in Russ.).
2. Gumbrecht, H. U. (2014). The Future of Reading? Memories and Reflections on a Genealogical Approach. In: *New Literary Observer*, 4, 17–26 (in Russ.).
3. Gumbrecht, H. U. (2012). *Atmosphere, Mood, Stimmung: On a Hidden Potential of Literature*. Stanford: Stanford University Press.
4. Shchitsova, T. & Gumbrecht, H. U. (2022). The Post-Linguistic Turn in Philosophy and the Tasks of Humanities in the Modern Era. In: *Topos*, 2, 125–152. DOI: 10.24412/1815-0047-2022-2-125-152 (in Russ.).
5. Wilson, D. & Sperber, D. (2012). *Meaning and Relevance*. Cambridge: Cambridge University Press.
6. Brecht, B. (1960). *About the Theatre: Collection of Articles*. Moscow: Foreign Literature publ. (in Russ.).
7. Kanafyeva, A. V. (2021). *Rhetorical Statement in the Syntactic Structure of the Modern Russian Language*. Moscow: Moscow Region State University publ. (in Russ.).
8. Gerasimenko, N. A. (2024). Pushkin's Attitude to the Characters of the Poem "Poltava": Maria and Mazepa. In: *Russian Studies in Philology*, 3, pt. 2, 8–15. DOI: 10.18384/2949-5008-2024-3-2-8-15 (in Russ.).
9. Bushmin, E. S. (1984). *Evolution of Saltykov-Shchedrin's Satire*. Moscow: Nauka publ. (in Russ.).
10. Markelova, T. V. (2024). The Category of Ironic Evaluation: The Linguistic-Poetic Aspect. In: *Relevant*

¹ Baldwin K. "Rick and Morty" Just Invented a "Fifth Wall" (and Busted Right Through It) [Электронный ресурс] // PopDust: [сайт]. URL: <https://www.popdust.com/never-ricking-morty-2645917867> (дата обращения: 10.11.2025).

Problems of Russian Studies and Text Poetics: Collection of Scientific Articles. Moscow: Moscow State Pedagogical University publ., pp. 149–164 (in Russ.).

11. Shapovalova, T. E. (2022). Semantics and Structure of the Category of Syntactic Person in a Simple Sentence with a Temporal Determinant. In: Shapovalova, T. E. *Etudes on Time: Selected Articles*. Moscow: Moscow Region State University, pp. 88–93 (in Russ.).
12. Shapovalova, T. E. (2020). *Temporal Semantics of Poetic Utterance*. Moscow: Moscow Region State University (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кулакова Вероника Александровна (г. Москва) – кандидат филологических наук, редактор издательского центра Государственного университета просвещения;

ORCID: 0009-0004-1690-2938; e-mail: kbera96@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Veronika A. Kulakova (Moscow) – Cand. Sci. (Philology), Editor, Publishing Center, Federal State University of Education;

ORCID: 0009-0004-1690-2938; e-mail: kbera96@gmail.com

научная статья

Удк 801.562

DOI: 10.18384/2949-5008-2026-1-21-35

КОНЦЕПТЫ *ДИТЯ / ДЕТИ* И *ДЕТСТВО* В ТВОРЧЕСТВЕ М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА

Павлова И. Б.

Институт мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук, г. Москва,
Российская Федерация

e-mail: antologia1@yandex.ru

Поступила в редакцию 02.12.2025

Принята к публикации 10.12.2025

Аннотация

Цель. Представить индивидуально-авторскую интерпретацию концептов *дитя / дети* и *детство* в произведениях сатирика, проанализировать их ценностное наполнение, продемонстрировать на основе проделанных наблюдений своеобразие мировосприятия Салтыкова-Щедрина, его идейно-художественных, этических установок и социально-исторических взглядов.

Процедура и методы. Методологической базой статьи являются историко-литературный, контекстуальный, сопоставительный методы исследования концептов *дитя / дети* и *детство* в произведениях М. Е. Салтыкова-Щедрина. Автор опирается также на теорию архетипов К. Г. Юнга.

Результаты. Истолкование писателем концептов *дитя / дети* и *детство* обусловлено идеальными установками просветителя, моралиста, социального сатирика. Вопрос о детях и детстве драматичен, зависит от утвердившихся в обществе принципов воспитания, состояния института семьи, меры свободы человеческой личности. В образе ребёнка писатель выделяет две ипостаси: страдательную и связанную с надеждой на будущее торжество социальной гармонии. Рассмотрение концептов *дитя / дети* и *детство* способствует углублению представлений об эстетических и общественных взглядах автора, его гуманистических идеалах, сформировавшихся на основе философии эпохи Просвещения, утопического социализма, Евангельского этизма, демократических идей 1840–1860 гг. Анализ произведений Салтыкова-Щедрина разных лет свидетельствует, что писатель, наряду с другими художниками-реалистами второй половины XIX в., внёс достойный вклад в художественную реализацию констант *дитя / дети* и *детство* и тем самым в концептосферу русской классической литературы.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования могут быть использованы при изучении вопросов об идеалах в сатире, а также касающихся историко-философских, социально-этических принципов Салтыкова-Щедрина, своеобразия его художественного мира, а также идейно-эстетических сближений и отталкиваний в трактовке концептов *дитя / дети* и *детство* со С. Т. Аксаковым, Ф. М. Достоевским, Л. Н. Толстым.

Ключевые слова: архетип, «золотой век», идеалы будущего, концепты *дитя / дети* и *детство*, социальный морализм

Для цитирования:

Павлова И. Б. Концепты *дитя / дети* и *детство* в творчестве М. Е. Салтыкова-Щедрина // Отечественная филология. 2026. № 1. С. 21–35. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2026-1-21-35>.

Original research article

THE CONCEPTS OF *CHILD / CHILDREN* AND *CHILDHOOD* IN M. E. SALTYSKOV-SHCHEDRIN'S WORKS

I. Pavlova

Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
e-mail: antologia1@yandex.ru

Received by the editorial office 02.12.2025

Accepted for publication 10.12.2025

Abstract

Aim. To examine the individual author's interpretation of the concepts of *child / children* and *childhood* in the works of the satirist, to analyze their value content, to demonstrate, on the basis of the observations made, the uniqueness of Saltykov-Shchedrin's worldview, his ideological, artistic, ethical attitudes and socio-historical views.

Methodology. The article's methodological basis is a historical, literary, contextual, and comparative study of the concepts of *child / children* and *childhood* in the works of M. E. Saltykov-Shchedrin. The author also draws on C. G. Jung's theory of archetypes.

Results. The writer's interpretation of the concepts of *child / children* and *childhood* is shaped by the ideals of an educator, moralist, and social satirist. The issues connected with children and childhood are dramatic, dependent on the established principles of upbringing in society, the state of the institution of the family, and the extent of human freedom. In the image of the child, the writer distinguishes two hypostases – suffering and hope for a future triumph of social harmony. The analysis of the concepts of *child / children* and *childhood* helps to deepen understanding of the author's aesthetic and social views, his humanistic ideals, formed on the basis of the philosophy of the Age of Enlightenment, utopian socialism, evangelical ethnicism, and the democratic ideas of the 1840s–1980s. An analysis of Saltykov-Shchedrin's works written in different years shows that the writer, along with other realist artists of the second half of the 19th century, made a worthy contribution to the artistic realization of the constants of the *child / children* and *childhood* and, thus, to the conceptual sphere of Russian classical literature.

Research implications. The results of the study can be used in studying the issues of ideals in satire, as well as those concerning the historical-philosophical, social-ethical principles of Saltykov-Shchedrin, the originality of his artistic world, as well as ideological and aesthetic convergences and repulsions in the interpretation of the concepts of *child / children* and *childhood* which can be observed in the works of S. T. Aksakov, F. M. Dostoevsky, L. N. Tolstoy.

Keywords: archetype, “golden age”, ideals of future, concepts of *child / children* and *childhood*, social moralism

For citation:

Pavlova, I. B. (2026). The Concepts of *Child / Children* and *Childhood* in M. E. Saltykov-Shchedrin's Works. In: *Russian Studies in Philology*, 1, 21–35. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2026-1-21-35>.

Введение

Исследования в области когнитивной поэтики свидетельствуют, что репрезентантами концепта в художественном тексте выступают словесный образ и мотив. Анализ образа *дитя / дети*, состояния детства в произведениях Салтыкова-Щедрина

показывает, что они тесно связаны с его идеальными установками, позволяет глубже вникнуть в идейно-эстетический мир писателя-сатирика, исследовать истоки его мировоззрения, пафос творчества, выводит на уровень обобщений, касающихся национального своеобразия русской классической литературы.

Ядро концепта может быть представлено архетипом – пресуществующей формой. Создатель теории архетипов, основатель аналитической психологии К. Г. Юнг в работе «Божественный ребёнок» писал: «Существенным аспектом мотива ребёнка является его свойство будущности. Ребёнок – это потенциальное будущее. Поэтому возникновение мотива ребёнка в психологии индивида означает, как правило, предвосхищение грядущего развития, даже если на первый взгляд кажется, что речь идёт о ретроспективном изображении. Ведь жизнь – это исхождение, течение в будущее, а не волна, откатывающаяся назад от запруды» [1, с. 361]. Касаясь специальной феноменологии архетипа ребёнка, он выделял такие черты, как заброшенность, непреодолимость: «Мотив “меньше малого, но больше большого” присовокупляет к бессилию дополнительные, так же как и чудесные деяния “ребёнка”. Эта парадоксальность принадлежит сущности героя и проходит красной нитью через всю его жизненную судьбу» [1, с. 364]. Ещё одной особенностью является гермафродитизм, т. е. «объединение самых сильных и бросающихся в глаза противоположностей». Четвёртый признак – единство начального и конечного: «сознание – со всех сторон защищённое психическими силами и ведомое или же находящееся под угрозой и обманутое – есть праопыт человечества. Этот опыт спроецировался на архетип ребёнка, который выражает целостность человечества. Он есть нечто покинутое и брошенное, но одновременно нечто божественно-могущественное, начало – невидимое и сомнительное, а также – триумфальный конец. “Вечный” ребёнок в человеке – это неопикуемый опыт, нечто неприспособленное, изъят – и – божественная прерогатива, нечто неуловимое, что составляет последнюю ценность и бесценность личности» [1, с. 379]. Таким образом, в одном из самых древних архетипов *дитя* сосредоточены мотивы заброшенности, непреодолимости, гермафродитизма, будущности, исхода и конца. Свойства ребёнка на глубинном уровне

присущи каждой человеческой личности. «Все – “дитё”»¹, – восклицает прозревший герой романа «Братья Карамазовы» Митя.

В докладе «Об отношении аналитической психологии к поэтико-художественному творчеству» (1922) Юнг поднял вопрос о возможности использования категории архетипа в литературоведческом анализе. Он признал эту возможность допустимой, но до определённой степени. По его мнению, *«только та часть искусства, которая охватывает процесс художественного образотворчества, может быть предметом психологии, а никоим образом не та, которая составляет собственное существо искусства»*, это положение, «наряду с вопросом о том, что такое искусство само по себе, может быть предметом лишь эстетически-художественного, но не психологического способа рассмотрения» [2, с. 214].

Относительно трактовки христианской этикой, эстетикой, символикой фигуры дитяти С. С. Аверинцев в монографии «Поэтика ранневизантийской литературы» указывал, что в Евангельских словах о детях «все привычные ценности перевёрнуты: единственный путь к тому, чтобы стать большим, – сделаться маленьким. Не ребёнок должен учиться у взрослых – взрослые должны учиться у детей, уподобиться детям, “обратиться”, повернуться к тому, от чего они отвернулись, выходя из детства. Образ *дитяти* – норма человеческого существования как такового. Не презрительное “величие души” (μεγαλοφροσύνη) классического героя, но трепетность страха и надежды, готовность всё принимать как подарок и милость, ничего не считая своим, – таков новый идеал». «Итак, – продолжает исследователь, – христианин видит себя младенцем. Важно, что и Христос, этот “педагог”, ... сам предстаёт как младенец – в евангельских рассказах о Его рождении, в песнопениях на рождественские сюжеты, в легендах о Его явлениях верующим, в памятниках изобразительного искусства. Но этот Младенец – предвечный

¹ Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 15. Л.: Наука, 1976. С. 31.

Логос, существовавший до начала времён, а потому как бы старец (“Ветхий днями”, как именует Бога ветхозаветная “Книга Даниила”): Он древнее неба и земли» [3, с. 178–179]¹.

При концептуальном анализе художественного произведения такие семантические константы, как *дитя* / *дети* и *детство*, часто сопутствуют друг другу. Их парадигмы близки, но лексико-смысловое поле детства шире, тесно связано со временем [5, с. 126]. В творчестве Салтыкова-Щедрина концепты *дитя* / *дети* и *детство* часто бывают сплетены.

Дитя / дети и состояние детства в изображении Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, С. Т. Аксакова

Образ *дитя*, описание детства, в которых отразились мифологические, религиозные, национальные, социальные, индивидуально-авторские представления, широко представлены в произведениях русских писателей-реалистов XIX в. Их сближало убеждение в том, что изучение миропонимания, мышления, духовной жизни, эмоциональной сферы ребёнка позволяет познать сущность человеческой природы, ценностных ориентиров общества. Исключительное значение этот образ приобрёл для Достоевского, стал одним из ключевых в идейно-художественной системе писателя. Образ *дитя* принципиально важен для него при решении вопроса о «случайном семействе», о невозможности примирить страдания невинных детей (слезинку замученного ребёнка) и миро-

вую гармонию, что нашло отражение как в художественном творчестве писателя, так и в его публицистике. Ребёнок, в понимании Достоевского, «образ Христов на земле», и «именно в детские годы закладывается фундамент личности» [6, с. 157].

Пристальное внимание к детской душе испытывал Толстой, взгляды которого на ребёнка во многом сформировались под влиянием литературы XVIII в. и прежде всего женевского мыслителя: «Во всех веках и у всех людей ребёнок представляется образом невинности, доброты, правды и красоты. Человек рождается совершенным, есть великое слово, сказанное Руссо, и слово это, как камень, остаётся твёрдым и истинным. Родившись, человек представляет собой первообраз гармонии, правды, красоты и добра».² По его убеждению, ребёнок воплощает в себе образец нравственной чистоты, а детство – идеальная форма существования. «Счастливая, счастливая, невозвратимая пора детства!» – это земной рай. Ребёнок выступает своеобразной мерой добра и зла. В творчестве Толстого мотив детства занимает важное место как исключительный по своему значению этап становления личности.³ В 1860-е гг. писатель с энтузиазмом посвятил себя вопросам педагогики.

«Детские годы Багрова-внука» С. Т. Аксакова – образец полноты, радости бытия. Салтыков-Щедрин говорил, что Аксаков обогатил русскую литературу «драгоценным вкладом».⁴ В палитре художника много светлых красок. Автор описывает познание ребёнком мира, процесс формирования детской души, лич-

¹ Чрезвычайно богат философским и поэтическим содержанием образ *дитя* у Гераклита: «Вечность есть дитя, играющее, которое расставляет шашки: царство [над миром] принадлежит ребёнку» [4, с. 393]. По мнению А. Ф. Лосева, многозначность образа проявляется в том, что он свидетельствует о принципиальной хаотичности и случайности, исключающей всякое разумное устройство мира. «Однако этот злой, неразумный, слепой хаос здесь представлен как игра в шашки, т. е. как замысловатая творческая целесообразность, как разумное и сознательное построение». «Наконец, эта игра мирового хаоса с самим собою есть нечто совершенно природное, естественное, безболезненное, невинное и чистое» [4, с. 393].

² Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. Т. 8. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1936. С. 332.

³ Как отмечает исследователь А. Саяпова, базовое понятие о формировании личности в трилогии Толстого «Детство», «Отрочество», «Юность» «определяется убеждением в том, что мир вообще, и человеческий в частности, находится в состоянии непрерывного возникновения и уничтожения» [7, с. 320].

⁴ Салтыков-Щедрин М. Е. Пошехонская старина // Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений: в 20 т. Т. 17. М.: Художественная литература, 1975. С. 337.

ности, способной к сильным чувствам, глубоким переживаниям, склонной к созерцательности.

Подобно Достоевскому, Толстому, Аксакову, Салтыков-Щедрин ясно осознал семантическое богатство образов *дитя/дети* и *детство*. Их разработка осуществлялась писателем в связи с проблемой добра и зла в социальном аспекте, судьбой института семьи, с вопросом о воспитании и образовании, о важности для детей приобщения к природному миру, к народно-поэтической стихии, которое способствует развитию духовно-нравственных, эстетических понятий. Подход художника к действительности был обусловлен его социологическими интересами и сатирическим дарованием – способностью видеть мир в «сгущениях зла», стремлением бичевать смехом, обличать общественные, нравственные несовершенства. В его творчестве дан всеобъемлющий анализ социальной психологии целых классов, сословий. Образы *дитя/дети* и *детство* трактуются им с позиций сатирика, общественного моралиста, гуманистические идеалы которого сформировались на основе философии эпохи Просвещения, утопического социализма, Евангельского этизма, демократических идей 1840–1860 гг.

***Дитя / дети и детство*
в художественном мире
М. Е. Салтыкова-Щедрина**

Салтыков-Щедрин принадлежал к тем писателям, которых «до боли сердечной» волновала участь детей. Она решалась им в контексте драматических размышлений о современной России и её будущем, о кризисе семейного союза, о самореализации человеческой личности. Н. К. Михайловский в книге «Литературные воспоминания и современная смута» так охарактеризовал отношение сатирика к детям, к потомству: «Для него нет драмы страшнее разлада между отцами и детьми, нет стимула пробуждения чести и совести сильнее родительской и сыновней любви. Согласно

общей своей литературной физиономии, в которой сочеталась могучая непосредственность, с одной стороны, и сила неусыпного бодрствующего сознания – с другой, Салтыков обобщал личное чувство кровной связи с своими детьми до обширных горизонтов “веры в будущее”, преемственной связи с потомством вообще. Конечно, у этой несокрушимой веры в будущее были и другие корни, и, прежде всего, энергическая, деятельная натура самого сатирика, черпавшая в своей собственной силе уверенность в достижимости своих идеалов. Но несомненно, что дети, не только свои, кровно родные, а и чужие, дети вообще занимали во всём мирозерцании Салтыкова исключительно видное место, которое оправдывалось для него и непосредственным чувством отца, и высшими теоретическими соображениями» [8, с. 86–87].

В творчестве писателя-сатирика судьбы детей отражают неблагоприятные окружающего мира и семейного союза, господствующих педагогических систем, реакция ребёнка на происходящее вокруг него служит укором «порядку вещей», духовно-нравственному состоянию общества. Для Салтыкова-Щедрина дитя самый уязвимый, страдательный член социума и символ духовной чистоты, воплощение надежд на будущее.

Уже в первом произведении сатирика, получившем широкое признание, – цикле «Губернские очерки», появляются образы детей, которые опосредованно оказывают влияние на духовную жизнь, социальную позицию взрослого человека. В главе «Ёлка» рассказывается, как герой-повествователь получил благодаря ребёнку урок истинно христианского отношения к людям. Желая испытать чувство удовлетворения от благотворительности и встретить патриархальность, он подобрал на улице мальчика. Но оказалось, что не повествователь, а его крепостной слуга проявил подлинную человечность по отношению к испорченному нуждой ребёнку, сыну бедного кузнеца, которому нечем было разговестись. Этот случай имел се-

рьёзные последствия для героя, заставил задуматься об участи людей, пребывающих в темноте и нищете, и о том, в чём же заключается долг перед ними демократически настроенных представителей образованных слоёв. В преддверии Рождества получают разрешение важнейшие вопросы о цели жизни, о путях её преобразования, происходит внутреннее обновление героя-рассказчика. В описанном случае мальчик, встреча с которым стала глубоко поучительной для рассказчика, предстаёт обиженным, обделённым существом, жертвой несправедливой жизни, под влиянием которой в нём развились дурные наклонности.

Дети в произведениях Салтыкова-Щедрина не изображаются остро сатирически, за исключением юного Порфирия Головлёва, известного в семействе под именами Иудушки, кровопивушки и откровенного мальчика. Взгляд писателя на дитя, уже затронутое житейским злом, близок позиции Достоевского, который в испорченности, озлобленности и ожесточённости ребёнка, «как правило, видел следствие пагубного влияния взрослых, а в детском, часто отчаянном протесте – голос совести и справедливости. Анализ детской психологии был необходим Достоевскому ввиду той высшей нравственной цели – “найти человека в человеке”, которую он ставил перед собой» [9, с. 70]¹.

Персонажи, упомянутые в Пасхальной главе цикла «Губернские очерки» «Христос воскрес!», изображены с теплотой, проникновенно. Наибольшее внимание рассказчик уделяет доброй купчихе Палагее Ивановне, в которой воплотились лучшие черты верующей русской женщины. Свою жизнь она посвятила делам милосердия и благотворительности. Арестанты, сидящие в городском остроге, получают от неё щедрую милостыню, благословляют её имя, называют «матушкой», «корми-

лицей». Автор описывает свою встречу с этой женщиной, которая вместе с шестилетней племянницей ходит по площади с мешком медных денег и раздаёт их нищим и странникам. Девочка подражает тётке, оделяя убогих кусочком калачика.

«– А ведь ваша Сашенька будет преобретая, – говорю я Палагее Ивановне.

– Ничего, барин, пушай приучается».² Детская душа чиста, восприимчива к добру и легко откликается на него, побуждаемая благим примером.³ Эта сцена перекликается по духу с эпизодом из «Записок из Мёртвого дома» Достоевского. Ссылнокалаторжный герой рассказывает о подаении, «постоянном и благодетельном» доходе арестантов, которое он получил от маленькой девочки. Что может быть естественнее и трогательнее, с точки зрения Салтыкова-Щедрина и Достоевского, чистосердечного ребёнка. Он нравственный ориентир для взрослого человека.

В написанном Салтыковым-Щедриным спустя двенадцать лет после «Губернских очерков» рассказе «Добрая душа» автор, вспоминая годы своей вятской ссылки, рисует проникновенный образ простой женщины, вдовы мещанина Анны Марковны, дом которой полон детьми, своими и чужими. Любовь к детям послужила соединительной связью между повествователем и ею. «Я не могу пройти мимо маленького ребёнка без того, чтоб не погладить его по головке или не дать ему пряничка».⁴ Этот образ генетически связан с доброй купчихой Палагеей Ивановной, жалеющей «несчастненьких». «А в глазах Анны Марковны после младенца не было в свете краше человека, как “несчастненький” или “узник”».⁵ В уста

¹ Русская классическая литература никогда не производит приговоров в отношении ребёнка, оказавшегося во власти зла, даже в том случае, если он совершил преступление, убийство, как в рассказе Чехова «Спать хочется».

² Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений: в 20 т. Т. 2. М.: Художественная литература, 1965. С. 114.

³ Подробно художественное воплощение темы детства и воспитания в «Губернских очерках» М. Е. Салтыкова-Щедрина раскрывается в одноименной статье О. А. Поляковой [10, с. 148–155].

⁴ Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений: в 20 т. Т. 7. М.: Художественная литература, 1969. С. 354.

⁵ Там же. С. 354.

героини повествователь вкладывает свои представления о природе ребёнка: человек не рождается дурным, дети по-своему умны, дитя зависит от условий окружающей его жизни. Лейтмотивы рассказа – доброта и младенец: «...нет на свете милее доброй души человеческой».¹

Светлый детский образ возникает в главе «Тётяшка-сластёна» хроники «Пошехонская старина». Старейший литератор Никанор Затрапезный вспоминает, как много лет назад беззаботно бегал по летнему саду со своей племянницей Сашенькой, которая предстаёт воплощением радости жизни, цветущей юности, чистоты. Но контекст этих воспоминаний окрашен грустью о невозвратимой, прекрасной поре детства, какой она представляется в идеале. Пребывание в гостях у тётяшки-сластёны противопоставлено жизни детей помещиков Затрапезных: это своего рода прикосновение к идиллии, к земному раю.

Сатирик, просветитель, социальный моралист Салтыков-Щедрин остро чувствовал, что окружающая действительность таит много опасностей, источников страданий для ребёнка, выступает враждебной ему, поэтому в его произведениях присутствуют коллективные и индивидуализированные образы детей-мучеников, страдалцев, жертв, которые вызывают глубокое сочувствие, скорбь. В рассказе «Миша и Ваня. Забытая история» из цикла «Невинные рассказы» это крепостные мальчики, решившиеся на самоубийство из-за непрерывных издевательств помещицы. Изображение Салтыковым-Щедриным акта отчаяния, предпринятого двумя несчастными детьми, было осмеяно Писаревым в статье «Цветы невинного юмора». В сцене самоубийства мальчиков в овраге, возможно, слышатся некоторые ноты мелодраматизма, но Писарев проигнорировал искренний демократизм автора, социальный критицизм, реальный случай, который послужил источником

рассказа, инкриминировал Салтыкову-Щедрину фальшь, «лирическое юродство».

То, что ребёнок из вырождающейся семьи особенно уязвим для зла и, как правило, обречён, свидетельствует горькая доля внушек Арины Петровны Головлёвой. Малолетних девочек после смерти матери бросил отец. Детей взяла к себе бабушка, сетуя, что дочь навязала ей своих «щенков». Особенно тяжкие раны были нанесены душам сестёр в Головлёве: «...здесь ничто не проходило им даром, ничто не укрывалось от пронизательного взора чёрствой и блаженной старухи: ни лишний кусок, ни изломанная грошовая кукла, ни изорванная тряпка, ни стоптанный башмак».² Любый проступок немедленно наказывался. «Головлёво – это сама смерть, злобная, пустоутробная; это смерть, вечно подстерегающая новую жертву. ... Все смерти, все отравы, все язвы – всё идёт оттуда».³ Немудрено, что, когда сестры выросли, они бежали из дома. Головлёвская жизнь толкнула их в провинциальный богемный омут, в котором обе погибли.

Мысль «страшно за детей» неоднократно возникает в письмах и творчестве Салтыкова-Щедрина. Остро поставлена проблема детства и воспитания в хронике «Пошехонская старина». В ней перед читателем развёртывается, по выражению повествователя, «подлинный детский мариолог». На страницах своего произведения писатель депоэтизирует детство дворянского ребёнка, показывает его искажение под воздействием семьи и окружающей среды. В «Семейной хронике» Аксакова, предшествующей «Детским годам Багрова-внука», есть эпизод, когда дед Степан Михайлович Багров с радостью отмечает в родословной книге рождение внука. Невозможно представить, чтобы герои романа-хроники «Господа Головлёвы», хроники «Пошехонская старина», рисующих глубокое искажение семейного начала, заботились о развитии своего генеа-

¹ Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений: в 20 т. Т. 7. М.: Художественная литература, 1969. С. 351.

² Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений: в 20 т. Т. 13. М.: Художественная литература, 1972. С. 249.

³ Там же.

логического древа, с сердечным трепетом вносили подобные записи в фамильные книги.

Атмосфера в доме помещиков Затрапезных была суровой, лишённой родственного тепла, среди детей господствовало неравенство: они делились на фаворитов и нелюбимых, и это глубоко развращало их. К плохому физическому уходу присоединялось дурное нравственное воспитание. Во всём укладе жизни господствовали проза, грубый материализм. Дети почти не соприкасались с природой. Её великая книга была закрыта для них, хотя они жили в сельской местности. А ведь эти впечатления должны помочь ребёнку заинтересоваться «великой тайною вселенской жизни», «пролить радость и умиление в детские сердца».

Предметом размышлений и горьких сравнений для Салтыкова-Щедрина становятся изображённые Аксаковым отношения ребёнка и природы, связанные для автора «Пошехонской старины» с вопросом о жизненной гармонии, совершенстве окружающего мира: «Бывают счастливые дети, которые с пелёнок ощущают на себе прикосновение тех бесконечно-разнообразных сокровищ, которые мать-природа на всяком месте расточает перед каждым, имеющим очи, чтоб видеть, и уши, чтобы слышать. Мне было уже за тридцать лет, когда я прочитал “Детские годы Багрова-внука”, и, признаюсь откровенно, прочитал почти с завистью. Правда, что природа, лелеявшая детство Багрова, была богаче и светом, и теплом, и разнообразием содержания, нежели бедная природа нашего серого захолустья, но ведь для того, чтобы и богатая природа осияла душу ребёнка своим светом, необходимо, чтоб с самых ранних лет создавалось то стихийное общение, которое, захватив человека с колыбели, наполняет всё его существо и проходит потом через всю его жизнь».¹

¹ Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений: в 20 т. Т. 17. М.: Художественная литература, 1975. С. 35.

Ю. А. Скиба в статье «Крепостническая эпоха в личном и творческом опыте С. Т. Аксакова и

Вспоминая свои ранние годы, Никанор Затрапезный считает важным отметить, что между его няньками не было ни одной сказочницы. Народная жизнь, её предания, поэзия оставались неизвестными маленьким Затрапезным. Весь уклад в доме был настолько подчинён утилитарным целям, что изгонялись не только воображение и любознательность, но даже предрассудки и приметы. К вопросам духовным подходили с точки зрения простой обрядности, сугубо формально. От молитвы ждали вещественных, практических результатов – таков был общий корыстный дух. Образование детей было вверено невежественным, грубым гувернанткам. Автор не только яркими красками описывает печальное положение детей в этой помещичьей семье, но специально посвящает VII главу хроники под названием «Дети. По поводу предыдущего» публицистическим рассуждениям о детстве, педагогике, «идеалах будущего». Для писателя-сатирика детство прежде всего социальный феномен. «Детский вопрос», как «женский» и «мужской», вырастает у Салтыкова-Щедрина до проблемы свободы человеческой личности, будущего, торжества идеалов равноправия и общественной справедливости.

Идейно-художественную концепцию детства Салтыкова-Щедрина и Достоевского сближает убеждение, что в детях воплощается грядущее, достижение высшей гармонии связано среди прочих условий и с их судьбами. В «Дневнике писателя» Достоевского за май 1876 г. есть запись: «А в младенце столько надежд!»² Писатели испытывали глубочайшую боль

М. Е. Салтыкова-Щедрина» подчёркивает «существенную разницу» в воспроизведении писателями уклада и нравов крепостнической поры. По мнению автора, «в творческой работе Аксакова и Салтыкова-Щедрина имело место разное соотношение личных впечатлений, сторонних фактов и художественного воображения, даже обращаясь к опыту Аксакова, Салтыков-Щедрин «всякий раз не развивает, а отталкивается от него, чтобы объяснить изображаемое по-своему, в сатирической версии» [11, с. 203].

² Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 23. Л.: Наука, 1981. С. 26.

за ребёнка, обречённого на страдания в собственном гнезде. Они считали, что дети обладают удивительными интуициями, но несформировавшийся характер, неразвитые интеллект и воля, отсутствие жизненного опыта делают их беззащитными перед лицом зла, податливыми ему. Именно это обусловило изуродованные судьбы молодого поколения Головлёвых, страдания братьев и сестёр Затрапезных, драмы детей героев Достоевского.¹

Примером необъективного отношения к личности и творчеству социального моралиста Салтыкова-Щедрина и заблуждений относительно поэтики сатиры и искусства риторики является статья Ж. В. Ганиева «Иронично о детской драме: М. Е. Салтыков-Щедрин – убеждённый сторонник буквы немилосердного закона». В ней автор упрекает писателя-публициста в нехристианском отношении к пострадавшей семилетней девочке (имеется в виду глава V сборника «Недоконченные беседы», посвящённая делу отца-истязателя С. Кронеберга и позиции адвоката В. Д. Спасовича). Ж. В. Ганиев высказывает мнение, что эта глава является риторической неудачей автора, что Салтыков-Щедрин подходит к теме холодно, формально, прибегает к иронии ради иронии, ему чуждо сочувствие к ребёнку [13, с. 8–16]. Отсылка к работе академика В. В. Виноградова «“Беседа” Салтыкова-Щедрина о деле Кронеберга и Спасовича» не представляется обоснованной. Учёный провёл стилистический анализ «эзопова языка» Салтыкова-Щедрина и выделил три темы, поднятые писателем-публицистом: «одна – об общественно-бытовых, социальных основах и судопроизводстве этого дела как типических явлениях современной действительности, другая – о компромиссе как оси мира, и третья – об адвокатуре и литературе. Все темы разви-

ваются в отрицательном, следовательно, ироническом и сатирическом плане» [14, с. 168]. Салтыков-Щедрин излагает речи Спасовича, комически обесмысливая их, показывая «чисто формальный, далёкий от подлинной “почвы фактов” характер адвокатской софистики и гнусность всей атмосферы суда» [14, с. 171]. Академик Виноградов делает следующий вывод: «обзор дела Кронеберга у Салтыкова-Щедрина в стиле официального доклада разоблачает механизмы формально-логической лжи адвоката, общую атмосферу суда как “отходной ямы”, – и вместе с тем полное соответствие судебной педагогики “духу общества”» [14, с. 171].

Содержание V главы ясно свидетельствует: сатирик обрушивает свой сарказм на лицемерное утверждение, что жертва сама виновата в совершённом над ней насилии.

Анализируя особенности психологии детства, В. В. Зеньковский пришёл к заключению, что основа религиозности ребёнка – непосредственное чувство Бога. Он обладает интуицией «простейшего аспекта Божества» [15, с. 240], но мышление и эмоциональная сфера ребёнка ещё незрелы. «Конечно, дитя имеет свой мистический опыт, оно живёт в непосредственных встречах с горней сферой, как бы метафизически ближе в Богу, чем мы, – но ведь детское сознание этим не владеет, лучи, идущие из горнего мира, проходят почти бесследно сквозь детскую душу, не имея точек опоры в детском сознании» [15, с. 242].

Дети для Салтыкова-Щедрина в идеале связаны с эволюцией, с будущим страны. Он оптимистически писал во второй главе «Дневника провинциала в Петербурге» о новых поколениях: «Да, мы лучше наших пращуров. Но лучше не сами по себе, а потому, что мы отцы детей наших, которые, несомненно, будут лучше и наших пращуров, и нас».² В то же время он придерживался мнения, что горький удел детей своего

¹ В связи с образом ребёнка-бессознательной жертвы у Достоевского отсылаем к статье И. Виноцкого «Девочка на коленях. Из истории русского руссоизма». Автор прослеживает, как образ девочки-невесты преломляется у разных отечественных авторов, отталкивавшихся в той или иной степени от «Исповеди» Ж.-Ж. Руссо [12, с. 40–67].

² Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений: в 20 т. Т. 10. М.: Художественная литература, 1970. С. 298.

рода –воздаяние «отцам», принадлежащим отживающему миру приспособленчества, беспринципности. Писатель-сатирик считал, что в этом таится источник захватывающей дух русской драмы, которую он развивал в рассказах «Непочтительный Коронат» из «Благонамеренных речей», «Болезненное место», в первой части цикла «В среде умеренности и аккуратности», в седьмом «Письме к тёте» (1882), в рассказе «Счастливец» (1887) из цикла «Мелочи жизни».

Образ *дитя* связан в творчестве Салтыкова-Щедрина и с темой религиозной, Евангельской. Он предстаёт у писателя в двух ипостасях: ребёнок страдающий и тянущийся к Правде. Особое место в безрадостной жизни внучки Арины Петровны Головлёвой Анниньки занимала служба Великого Четверга с чтением двенадцати Евангелий. Автор подчёркивает, что её особенно потрясло долготерпение Спасителя. После всенощной она взволнованная прибегала в девичью и рассказывала рабыням «страсти Господни». «Лились тихие рабы слёзы, слышались глубокие рабы воздыхания. Рабыни чуяли сердцами своего Господина и Искупителя, верили, что Он воскреснет, воистину воскреснет. И Аннинька тоже чуяла и верила. За глубокой ночью истязаний, подлых издёвок и покиваний для всех этих нищих духом виднелось царство лучей и свободы».¹ Истина приоткрывается ребёнку и смиренным, угнетённым.

Хотя условия детства, формирования основы личности героя-рассказчика Никанора Затрапезного в «Пошехонской старине» не были благоприятными, однако окружающая обстановка не изуродовала его. Животворящим лучом, осветившим юные годы рассказчика, стало Евангелие. Книга «Чтение из четырёх Евангелистов» не то чтобы развила в ребёнке религиозность, но разбудила его ум и нравственное чувство. Евангелие определило формирование личности мальчика, его

миросозерцания. Он уже не так легко мог поддаться окружающему укладу жизни. Пробуждение зачатков общечеловеческой совести помогало верной оценке собственных действий и окружающей действительности. Евангелие научило ребёнка видеть вокруг себя труждающихся и обременённых, униженных и оскорблённых, отверженных. Маленький Никанор не превратился в пламенного человеколюбца, но его отношение к слугам, обращение с ними в корне переменилось. Салтыков-Щедрин считал одним из великих достоинств Нового Завета его демократизм, любовь к людям, признание человеческого образа там, где существовал только поруганный образ раба, воспитывающую роль.

Образ Серёжи Русланцева из «Рождественской сказки» совмещает в себе идеальное и страдательное начало. Произведение начинается гимном Христу и Правде, проповедью, посвящённой Рождеству. Пастырское слово встречает живой отклик в душе мальчика, сына бедной вдовы-помещицы. Но маленький герой не может разрешить противоречие между Евангельскими идеалами и земной жизнью, полной несправедливости, осмыслить его оказалось отроку не под силу, всё существо его потрясено: Серёжа заболевает и погибает.

«– Мама! – лепетал он: – смотри; весь в белом... это Христос... это Правда... За Ним... К Нему...

Он опрокинулся на подушку, по-детски всхлипнул и умер.

Правда мелькнула перед ним и напоила его существо блаженством; но неокрепшее сердце отрока не выдержало наплыва и разорвалось».²

Приносит ли плоды мученичество за Правду, может ли вера пересоздать мир – художник поставил перед читателем этот вопрос, сумел передать ощущение его величайшей жизненной важности, во многом благодаря герою-ребёнку.

¹ Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений: в 20 т. Т. 13. М.: Художественная литература, 1972. С. 259.

² Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений: в 20 т. Т. 16. Кн. 1. М.: Художественная литература, 1974. С. 226.

Образы детей и детства органически связаны с темой семьи. Достоевского и Салтыкова-Щедрина сближает острота её разработки, социально-этической пафос. Так, Достоевский обратился к исследованию «случайного семейства» в романах «Подросток», «Братья Карамазовы», Салтыков-Щедрин предпринял анализ вырождающейся дворянско-помещичьей семьи в романе-хронике «Господа Головлёвы».¹ Оба художника на примере разных слоёв русского общества указывали на опасность чёрствости, бездуховности, цинизма, стяжательства, которые отравляют детей с колыбели, предопределяют участь молодого поколения и влекут за собой разрушение семейного начала.²

Ряд мыслителей XIX в. предпринимали попытки преобразовать христианство в идеологию, с помощью которой можно было бы разрешать конкретные социальные и этические проблемы современности. В работах французских утопистов социализм отождествлялся с «подлинным» христианством, примером тому является сочинение А. де Сен-Симона «Новое христианство» (1825). В период идейного становления Салтыков-Щедрин испытал серьёзное влияние взглядов социалистов-утопистов. Зрелый художник иронически относился к регламентации жизни в «земном рае», но для него навсегда остались притягательными «неумирающие общие положения» их теорий. Они прочно вошли в миросозерцание писателя, поддерживали в нём веру в будущее. Упования социалистов-утопистов о грядущей гармонии легли в основу общественных и нравственных идеалов, формирующих мировоззренческую си-

стему сатирика. Вспоминая годы молодости, он писал в цикле «За рубежом», что из Франции сороковых годов лилась в него и духовно близких ему людей вера в человечество, оттуда воссияла им уверенность, что ««золотой век» находится не позади, а впереди нас... Словом сказать, всё доброе, всё желанное и любвеобильное – всё шло оттуда».³ Такой импульс давало чтение произведений А. де Сен-Симона, Э. Кабе, Ш. Фурье, Луи Блана и Жорж Санд, в круг чтения молодого Салтыкова-Щедрина, посетителя «пятниц» Петрашевского, входили «Город Солнца» Т. Кампанеллы, «Les Evangiles, traduction nouvelle» предтечи христианского социализма Ф. Ламенне.

Образ «золотого века» – всеобщей гармонии, процветания, единства с природой и Вселенной людей, младенчески счастливых, и сопричастного ему ребёнка занимают важное место в системе взглядов Салтыкова-Щедрина и Достоевского.⁴ При этом необходимо подчеркнуть, что трактовка идей утопического социализма и перцепция этой мифологемы тем и другим писателем имели свою специфику [18]. Прошедший «школу идей» Белинского, кружка Петрашевского Достоевский утвердился на позициях христианско-социалистического идеала, носителем которого он считал русский народ. Отношение героев Достоевского и самого автора к «золотому веку» было сложным и допускающим разнообразные толкования, о чём свидетельствуют многочисленные исследования на эту тему. Идеальные устремления демократа, просветителя Салтыкова-Щедрина, его приверженность «неумирающим общим положениям» учения утопистов носили общегуманистический характер, уравнивались скептицизмом, рационализмом, трезво критическим отношением к истории, обществу и человеческой

¹ См.: [16, с. 141–145].

² Д. С. Мякишева в статье «Диалог Ф. М. Достоевского и М. Е. Салтыкова-Щедрина (на материале романа “Господа Головлёвы”)» пишет, что, по убеждению Достоевского, «семья способна возродиться и окрепнуть с помощью сил народного правослаvia, с чем был несогласен Салтыков-Щедрин» [17, с. 140]. Однако данное высказывание, хотя и не противоречит в целом взглядам двух писателей, представляется достаточно схематичным и упрощённым в отношении Достоевского и Салтыкова-Щедрина.

³ Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений: в 20 т. Т. 14. М.: Художественная литература, 1972. С. 111–112.

⁴ Источником этих представлений для обоих писателей стали как сочинения представителей утопической мысли, так и мировое культурное наследие, мифология.

личности. Писатель не был религиозен в общепринятом смысле этого слова, но он не был атеистичен. «Золотой век» для него связан с социальной гармонией, общественной нравственностью. В письме к Е. И. Утину от 2 января 1881 г. сатирик разъяснял свою позицию относительно регламентации подробностей устройства жизни в «рае на земле». По его убеждению, писатель, имеющий в виду не только интересы минуты, не обязывается выставлять иных идеалов, кроме тех, которые исстари волнуют человечество, это свобода, равноправность и справедливость. Что же касается практических идеалов, то они столь разнообразны, что останавливаться на них конкретно – значит добровольно стеснять себя.

Писатель подчёркивал, что мысль о грядущем «золотом веке» имеет содержание иносказательное: «Действительно, человек так устроен, что ему непременно хочется золотого века, и он во всяком призраке прогресса видит его приближение», но это будет лишь относительный «золотой век». «Что же касается до золотого века абсолютного, до той минуты успокоения и духовного и материального равновесия, когда человек найдёт подлинное основание счесть себя опочившим от трудов и исканий, то предположение о таком порядке вещей не имеет за собой ничего верного и решительного. По крайней мере, до сих пор творчество природы, как и личное творчество человека, представляются нам растяжимыми до неизвестных пределов».¹

В Салтыкове-Щедрине никогда не угасало стремление художественно воплотить национальные духовные чаяния. Те исторические условия, в которых протекала его деятельность, побудили писателя обратиться к моралистической утопии. Сказка «Пропала совесть» (1868) завершается появлением символического образа «маленького русского дитя», в чьём «сердце приютится Совесть. И хотя оно

слабо и незащищено, именно в нём заключена надежда писателя на победу Совести в будущем над всем злом мира».²

В рассмотренной выше главе «Дети. По поводу предыдущего» хроники «Пошехонская старина» Салтыков-Щедрин связывает тему детей, идеалов грядущего – «золотого века»: «Не погрязайте в подробностях настоящего, – говорил и писал я, – но воспитывайте в себе идеалы будущего; ибо это своего рода солнечные лучи, без оживотворяющего действия которых земной шар обратился бы в камень. Не давайте окаменеть и сердцам вашим, вглядывайтесь часто и пристально в светящиеся точки, которые мерцают в перспективах будущего. Только недальнозорким умам эти точки кажутся беспочвенными и оторванными от действительности; в сущности же они представляют собой не отрицание прошлого и настоящего, а результат всего лучшего и человеческого, завещанного первым и вырабатывающегося в последнем».³ В произведениях Салтыкова-Щедрина обозначено семантическое поле «дитя / дети, детство – Совесть, Правда – будущее, “золотой век”». Эта парадигма объединяет понятия, относящиеся к сфере идеалов художника-сатирика.

Заключение

В <«Записную тетрадь 1876–1877 гг.»> Достоевский заносит: «– Нет семьи, – говорит Щедрин».⁴ Далее следует: «“У нас нет

¹ Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений: в 20 т. Т. 7. М.: Художественная литература, 1969. С. 480.

² Если упования Салтыкова-Щедрина связаны с увлечённым образом «маленькое русское дитя», то в романе-эпопее Л. Толстого о близости души ребёнка к истине свидетельствует реалистический персонаж: шестилетняя крестьянская девочка Малаша в сцене военного совета в Филях. Романист описывает её восприятие происходящего, живое сочувствие Кутузову в те моменты, когда главнокомандующий мучительно принимает единственно правильное, судьбоносное для России и армии решение. Мудрый старец «дедушка» и ребёнок, воплощающий будущее, сопричастны воле провидения.

³ Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений: в 20 т. Т. 17. М.: Художественная литература, 1975. С. 72.

⁴ Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 24. Л.: Наука, 1982. С. 250.

семьи¹, – вспомнились мне слова одного из наших талантливейших сатириков, сказавшего мне это». ¹И, наконец, запись декабрьская: «Семейства нет. Щедрина, ласкающий ребёнка». ² В этих словах Достоевского отражена суть отношения писателя-сатирика к детям и детству, к будущему.

В образе *дитя / дети* в произведениях Салтыкова-Щедрина заложен глубокий драматизм: ребёнок – носитель светлого начала, добра, потенциальных возможностей, он служит примером для взрослого человека и повреждён грехом, обижен жизнью, он незащищён перед влияниями среды, разлагающей силой обстоятельств, легко становится жертвой умозрительных систем, его роль в семье и обществе нередко бывает страдательной, порой ему не находится места в жизни. Дитя интуитивно чувствует Христа, Правду (как показано в «Рождественской сказке»), но из-за отсут-

ствия духовного закала, незрелости разума обречено на поражение в мире, лежащем во зле. Однако, даже погибая, дитя остаётся надеждой человечества, его исходным состоянием и будущим.

Разработка писателем «детского вопроса» демонстрирует характер и способы репрезентации таких универсалий, как *дитя / дети* и *детство* в художественном мире Салтыкова-Щедрина, своеобразие его индивидуальной концептосферы, участвует в формировании целостного взгляда на творчество социального сатирика, на совокупность его общественных, эстетических взглядов, гуманистических идеалов. Писатель внёс достойную лепту в реализацию констант *дитя / дети* и *детство* и тем самым в концептосферу русской классической литературы с её высокими духовно-нравственными установками.

ЛИТЕРАТУРА

1. Юнг К. Г. Божественный ребёнок. Аналитическая психология и воспитание. М.: Олимп; АСТ, 1997. 400 с.
2. Юнг К. Г. Об отношении аналитической психологии к поэтико-художественному творчеству // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX–XX вв. Тракаты, статьи, эссе. М.: Московский государственный университет, 1987. С. 214–231.
3. Аверинцев С. С. Поэтика ранневизантийской литературы. СПб.: Азбука-классика, 2004. 480 с.
4. Лосев А. Ф. История античной эстетики. Ранняя классика. М.: АСТ, 2000. 624 с.
5. Цуркан В. В. Антология художественных концептов русской литературы XX века. М.: Флинта, 2013. 356 с.
6. Киселева И. А., Сахарчук Е. С. Идея родственной любви в романе Ф. М. Достоевского «Подросток» // Проблемы исторической поэтики. 2021. Т. 19. № 3. С. 150–169. DOI: 10.15393/j9.art.2021.9982.
7. Саяпова А. Приём остранения в трилогии Л. Н. Толстого «Детство», «Отрочество», «Юность» // Филология и культура. 2024. № 4 (78). С. 317–322.
8. Михайловский Н. К. Литературные воспоминания и современная смута. Т. 1. СПб.: Типолиграфия В. М. Вольфа, 1900. 504 с.
9. Розенблюм Л. М. Творческие дневники Достоевского // Литературное наследство. Т. 83. М.: АН СССР, 1971. С. 9–92.
10. Полякова О. А. Художественное воплощение темы детства и воспитания в «Губернских очерках» М. Е. Салтыкова-Щедрина // Вестник гуманитарного образования. 2024. № 3 (35). С. 148–155.
11. Скиба Ю. А. Крепостническая эпоха в личном и творческом опыте С. Т. Аксакова и М. Е. Салтыкова-Щедрина // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2024. Т. 34. № 1. С. 203–207.
12. Виноцкий И. Девочка на коленях. Из истории русского руссоизма // Достоевский и мировая культура. 2020. № 3. С. 40–67. DOI: doi.org/10.22455/2619-0311-2020-3-40-67.

¹ Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 24. Л.: Наука, 1982. С. 311.

² Там же. С. 314.

13. Ганиев Ж. В. Иронично о детской травме: М. Е. Салтыков-Щедрин как ритор – убеждённый сторонник буквы немилосердного закона // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2017. № 3 (27). С. 8–16.
14. Виноградов В. В. Избранные труды. О языке художественной прозы. М.: Наука, 1980. 360 с.
15. Зеньковский В. В. Психология детства. Лейпциг: Сотрудник, 1924. 348 с.
16. Маслова А. Г., Филиппова Т. С. Особенности изображения распада «дворянских гнёзд» в романе М. Е. Салтыкова-Щедрина «Господа Головлёвы» // Общество. Наука. Инновации: сборник материалов XXIII Всероссийской (национальной) научно-практической конференции, приуроченной к 60-летию ВятГУ: в 2 т. Т. 1 (Киров, 12 апреля – 22 июня 2023 г.). Киров: Вятский государственный университет, 2023. С. 141–145.
17. Мякишева Д. С. Диалог Ф. М. Достоевского и М. Е. Салтыкова-Щедрина (на материале романа «Господа Головлёвы») // Мировая литература глазами современной молодёжи. Цифровая эпоха: сборник материалов VIII международной молодёжной научно-практической конференции (Магнитогорск, 19–20 октября 2022 г.). Магнитогорск: Магнитогорский государственный технический университет, 2022. С. 139–145.
18. Золотыко О. В. Образ «золотого века» в творчестве Ф. М. Достоевского: дис. ... канд. филол. наук. М., 2017. 226 с.

REFERENCES

1. Jung, C. G. (1997). *Introduction to a Science of Mythology. (The Myth of the Divine Child and the Mysteries of Eleusis)*. Moscow: Olimp publ.; AST publ. (in Russ.).
2. Jung, K. G. (1987). On the Relation of Analytical Psychology to Poetic and Artistic Creativity. In: *Foreign Esthetics and Theory of Literature in the 19th–20th Centuries. Treatises, Articles, Essays*. Moscow: Moscow State University publ., pp. 214–231 (in Russ.).
3. Averintsev, S. S. (2004). *Poetics of Early Byzantine Literature*. St. Petersburg: Azbuka-Klassika publ. (in Russ.).
4. Losev, A. F. (2000). *History of Classical Esthetics. Early Classics*. Moscow: AST publ. (in Russ.).
5. Tsurkan, V. V. (2013). *Anthology of Artistic Concepts of Russian Literature of 20th Century*. Moscow: Flinta publ. (in Russ.).
6. Kiseleva, I. A. & Sakharchuk, E. S. (2021). The Idea of Family Love in F. M. Dostoevsky's Novel "The Adolescent." In: *The Problems of Historical Poetics*, 19 (3), 150–169. DOI: 10.15393/j9.art.2021.9982 (in Russ.).
7. Sayapova, A. (2024). The Device of Alienation in L. N. Tolstoy's Trilogy "Childhood", "Boyhood", and "Youth." In: *Philology and Culture*, 4 (78), 317–322 (in Russ.).
8. Mikhailovsky, N. K. (1900). *Literary Memories and Modern Turmoil. Vol. 1*. St. Petersburg: V. M. Wolf publ. (in Russ.).
9. Rosenblum, L. M. (1971). Dostoevsky's Creative Diaries. In: *Literary Heritage*. Vol. 83. Moscow: USSR Academy of Sciences publ., pp 9–92 (in Russ.).
10. Polyakova, O. A. (2024). Artistic Representation of the Theme of Childhood and Upbringing in M. E. Saltykov-Shchedrin's "Provincial Essays." In: *Herald of Humanitarian Education*, 3 (35), 148–155 (in Russ.).
11. Skiba, Yu. A. (2024). The Serfdom Era in the Personal and Creative Experience of S. T. Aksakov and M. E. Saltykov-Shchedrin. In: *Bulletin of Udmurt University. History and Philology Series*, 34 (1), 203–207 (in Russ.).
12. Vinitsky, I. (2020). The Girl on Her Knees. From the History of Russian Russoism. In: *Dostoevsky and World Culture*, 3, 40–67. DOI: doi.org/10.22455/2619-0311-2020-3-40-67 (in Russ.).
13. Ganiev, Zh. V. (2017) Ironically on Childhood Trauma: M. E. Saltykov-Shchedrin as a Rhetorician – a Convinced Supporter of the Merciless Law Letter. In: *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 3 (27), 8–16 (in Russ.).
14. Vinogradov, V. V. (1980). *Selected Works. On the Language of Fiction*. Moscow: Nauka publ. (in Russian).
15. Zenkovsky, V. V. (1924). *The Psychology of Childhood*. Leipzig: Sotrudnik publ. (in Russ.).
16. Maslova, A. G. & Filippova, T. S. (2023). The Depiction of the Disintegration of "Nests of Nobles" in M. E. Saltykov-Shchedrin's Novel "The Golovlyov Family." In: *Society. Science. Innovations: A Collection of Materials from the 23rd All-Russian (National) Scientific and Practical Conference Dedicated to the 60th Anniversary of Vyatka State University. Vol. 1 (Kirov, April 12 – June 22, 2023)*. Kirov: Vyatka State

- University publ., pp. 141–145 (in Russ.).
17. Myakisheva, D. S. (2022). Dialogue Between F. M. Dostoevsky and M. E. Saltykov-Shchedrin (Based on the Novel “The Golovlyov Family”). In: *World Literature through the Eyes of Modern Youth. Digital Age: Collection of Materials of the 8th International Youth Scientific and Practical Conference (Magnitogorsk, October 19–20, 2022)*. Magnitogorsk: Magnitogorsk State Technical University publ., pp. 139–145 (in Russ.).
 18. Zolotko, O. V. (2017). The Image of the “Golden Age” in the Works of F. M. Dostoevsky: [dissertation]. Moscow (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Павлова Ирина Борисовна (г. Москва) – доктор филологических наук, старший научный сотрудник Института мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук;
e-mail: antologial@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Irina B. Pavlova (Moscow) – Dr. Sci. (Philology), Senior Researcher, Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences;
e-mail: antologial@yandex.ru

Научная статья

УДК 81. 37

DOI: 10.18384/2949-5008-2026-1-36-48

ЖЕНСКИЕ ОНИМЫ В ЛЕКСИЧЕСКОМ СОСТАВЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ, ПАРЕМИЙ И В РОЛИ КРЫЛАТЫХ СЛОВ

Беглова Е. И.

Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Российская Федерация

e-mail: beglova-elena@yandex.ru

Поступила в редакцию 14.10.2025

Принята к публикации 01.12.2025

Аннотация

Цель. Определить роль женского имени в образных языковых единицах: фразеологических единицах, пословицах, поговорках, которые определяются одним термином – паремия.

Процедура и методы. Предметом исследования явился речевой материал, состоящий из фразеологических единиц, включая фразеологические выражения, крылатые слова, паремии, извлечённые из словарей русской фразеологии, а также словарей пословиц и поговорок. В сборе фразеологического материала и его исследовании были использованы методы наблюдения, сплошной выборки, статистический, сопоставительный, а также социолингвистический, лексико-семантический и историко-этимологический анализ.

Результаты. В процессе изучения лексических компонентов в составе фразеологических единиц, паремий и крылатых слов, аналогичных известным женским именам, с помощью социолингвистического, лексико-семантического и историко-этимологического анализа были выявлены причины употребления женских имён в функции лексических компонентов, источники их образования, этимология и семантика. Установлено, что основным источником женских имён в лексическом составе фразеологических единиц, а также появления крылатых слов являются мифы, библейские предания, художественные произведения, разговорная речь, кино и популярные телесериалы. Отмечено, что часть женских имён перешла в разряд нарицательных имён существительных, получив метафорическое значение. Семантика фразеологических единиц и паремий, содержащих женские имена в качестве лексических компонентов, а также женских имён, ставших крылатыми словами, обуславливается разными характеристиками женщины: внешностью, чертой характера, поведением в разных ситуациях, местом и ролью в обществе.

Теоретическая и /или практическая значимость. Исследованные фразеологические единицы, крылатые слова и паремии, содержащие женские онимы, зафиксированные в словарях и справочниках русского языка, обогащают теорию лингвокультурологии, социолингвистики, а также намечают перспективу систематического изучения аналогичных языковых единиц в синхронии и диахронии для выявления тенденций образования новых слов и значений, крылатых слов, фразеологических единиц, паремий. Подобные языковые единицы позволяют определить роль имени собственного в обогащении лексики и фразеологии современного русского литературного языка, а также они имеют большое значение для лексикографии.

Ключевые слова: женское имя, крылатое слово, метафора, паремия, точечная цитата, фразеологическая единица, фразеологический словарь, этимология

Для цитирования:

Беглова Е. И. Женские онимы в лексическом составе фразеологических единиц, паремий и в роли крылатых слов // Отечественная филология. 2026. № 1. С. 36–48. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2026-1-36-48>.

Original research article

FEMALE ONYMS IN THE LEXICAL COMPOSITION OF PHRASEOLOGICAL UNITS, PAROEMIAS, AND AS WINGED WORDS

E. Beglova

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russian Federation

e-mail: beglova-elena@yandex.ru

Received by the editorial office 14.10.2025

Accepted for publication 01.12.2025

Abstract

Aim. To determine the role of a female image in figurative language devices: phraseological units, proverbs, and sayings, which are defined by the term paroemia.

Methodology. The subject of the study was the phraseological material, which consists of phraseological units, including phraseological expressions, catchphrases, and proverbs extracted from dictionaries of Russian phraseology, as well as dictionaries of proverbs and sayings. Such methods as observation, continuous sampling, statistical analysis, comparative analysis, as well as sociolinguistic, lexical-semantic, and historical-etymological analysis were used in both collection and analysis of the phraseological material.

Results. Sociolinguistic, lexical-semantic, and historical-etymological analysis was used to identify the reasons for using female images as lexical components, the sources of their formation, etymology, and semantics when studying lexical components in the composition of phraseological units, paroemias, and catchphrases, that are similar to well-known female names. It was found that myths, biblical legends, literary works, colloquial speech, movies, and popular television series are the main sources of female images in the lexical composition of phraseological units, as well as the origin of catchphrases. It has been noted that some female images have become common nouns with a metaphorical meaning. The semantics of phraseological units and proverbs containing female names as lexical components, as well as female names that have become catchphrases, is determined by various characteristics of women: appearance, personality traits, behavior in different situations, and their place and role in society.

Research implications. The studied phraseological units, catchphrases, and paroemias containing female onyms, which are recorded in dictionaries and reference books of the Russian language, enrich the theory of linguoculturology and sociolinguistics, and also outline the prospects for a systematic study of similar linguistic units in synchrony and diachrony in order to identify trends the formation of new words and meanings, catchphrases, idioms, and proverbs. Such linguistic units allow us to determine the role of proper names in enriching the vocabulary and phraseology of the modern Russian literary language, and they are also of great importance for lexicography.

Keywords: female name, catchphrase, metaphor, parable, point quote, phraseological unit, phraseological dictionary, etymology

For citation:

Beglova, E. I. (2026). Female Onyms in the Lexical Composition of Phraseological Units, Paroemias, and as Winged Words. In: *Russian Studies in Philology*, 1, 36–48. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2026-1-36-48>.

Введение

Актуальность исследования этимологии фразеологических единиц (далее ФЕ) и паремий, их семантики и прагматики, национально-культурной специфики и пр. прослеживается во все периоды развития русского общества и соответственно языка. Например, определялась специфика употребления паремий в разных стилях речи: в эпистолярном стиле, в письмах А. С. Пушкина 1832–1836 гг.; исследовался принцип использования пословиц, их прагматика [1, с. 79–84] или изучалось отражение национально-культурной специфики в пословицах и поговорках российских немцев [2, с. 78–85] и др. В настоящее время особое внимание уделяется лексикографической фиксации паремий, что подтверждают научные статьи Т. Г. Никитиной и Е. И. Роголёвой. Так, в статье Т. Г. Никитиной предложен новый подход к составлению словарей паремий с учётом особенностей индивидуально-авторских преобразований паремий, появления новых пословиц [3]. Т. Г. Никитина и Е. И. Роголёва, обобщая опыт исследования русских пословиц с точки зрения их семантики и аксиологичности, обращают внимание на необходимость учёта традиционных и новых процессов при описании современного паремиологического материала [4, с. 70–92]. Вопросы словарной интерпретации русских паремий восточных славян рассматривались в монографии В. М. Мокиенко и Т. Г. Никитиной [5].

Ранее в статье [6, с. 206–213] мы описывали семантику, этимологию фразеологических единиц, отражающих свойства русской женщины: черты характера, характеристики по разным признакам, социальный статус женщины, внешность, возраст и др. В данной статье предметом нашего исследования явились ФЕ и паремии (пословицы и поговорки), содержащие женские имена – онимы, которые являются лексическими компонентами ФЕ и паремий. О понятии паремии и её функциях в речи мы писали в одной из своих статей, обратив внимание на харак-

терологическую, аксиологическую, эмоциональную, эвфемистическую функции в художественном тексте [7, с. 94–113]. Цель данной статьи заключается в том, чтобы определить роль женского имени в образных языковых единицах: фразеологических единицах, пословицах, поговорках, которые определяются нами также одним термином – паремия. Следует отметить то, что женские и мужские имена сами по себе вызывают интерес с разных точек зрения: популярности, семантики, этимологии, социальной обусловленности, национально-культурного своеобразия и т. п. [8, с. 36–43]. В составе ФЕ и паремий, являясь компонентом лексической структуры, они трансформируются семантически и аксиологически, что необходимо учитывать в перспективе.

Заметим, что в настоящее время русская фразеология активно исследуется с позиций гендерного аспекта в разных направлениях. Так, в статье С. С. Сафоновой, О. А. Чупряковой, Э. Р. Замалютдиновой были описаны слова и выражения, называющие или характеризующие женщину, в аспекте русской лингвокультуры [9, с. 84–89], А. Л. Кормильцева посвятила учебное пособие проблеме феноменов «маскулинности» и «фемининности», а также их вербализации во ФЕ, паремиях и афоризмах.¹ В данной статье мы исследовали фразеологические единицы и паремии, содержащие лексический компонент, являющийся женским именем, включая и фразеологические выражения, которые в своей классификации ФЕ по степени семантической слитности компонентов выделял известный лексиколог Н. М. Шанский. В понимании Н. М. Шанского, *фразеологические выражения* – это такие устойчивые по составу и употреблению фразеологические обороты, которые являются семантически членными и состоят из слов со свободными значениями; от фразеологических сочетаний они отличаются тем, что не содержат компонентов с ограниченным, связанным

¹ Кормильцева А. Л. Гендер во фразеологии: учебное пособие. Елабуга: Казанский федеральный университет, 2020. 63 с.

значением, а в речи воспроизводятся как готовые речевые единицы с постоянным лексическим составом и значением.¹ В связи с этим методом сплошной выборки мы отобрали фразеологические выражения не только из фразеологических словарей русского языка², но и из словарей крылатых слов и выражений.³

В сборе фразеологического материала и его исследовании были использованы методы наблюдения, сплошной выборки, статистический, сопоставительный, а также социолингвистический, лексико-семантический и историко-этимологический анализ.

Причины использования женских имён в поговорах, поговорках, ФЕ и крылатых словах

Во фразеологических словарях русского языка⁴ мы зафиксировали 27 ФЕ с компонентом, являющимся женским именем, в словарях крылатых слов и выражений⁵ –

21 крылатое слово, в словарях пословиц и поговорок⁶ – 10 паремий с пятью женскими именами: *Варвара*, *Василиса*, *Афимья*, *Федосья*, *Фетинья*. Считаем, что, прежде всего, необходимо обратить внимание на причины использования женских имён во ФЕ и паремиях.

По нашему мнению, первая причина – это проявление большого интереса человека к мифологии, библейским сказаниям, чем обосновывается популярность библейских и мифологических имён женщин-героинь, проявивших себя в чём-либо или чем-либо. Например, ФЕ, имеющие в лексическом составе женские имена из библейских преданий: с *Адама и Евы* – устаревшее; с давних пор⁷; *кающаяся Магдалина* – ироническое; неискренне, плаксиво кающееся лицо; этимология связана с именем героини евангельской легенды, которая была исцелена Иисусом от семи бесов, после чего она раскаялась в своей несправедливой жизни и стала верной его последовательницей⁸ и т. п.

Примеры ФЕ с женскими именами из мифов: *Ариаднина нить* – путеводная нить; способ, помогающий выйти из трудного положения; этимологически имя восходит к мифологическому имени дочери критского царя, которая помогла афинскому герою Тесею, отправившемуся в лабиринт убить чудовище, выйти из лабиринта Минотавра, полубыка-получеловека, которому ежегодно в жертву приносили семь девушек и семь юношей; она дала ему острый меч и клубок ниток, благода-

¹ Шанский Н. М. Лексика и фразеология современного русского языка. М.: Учпедгиз, 1957. 168 с. С. 121.

² Фразеологический словарь русского литературного языка конца XVIII–XX веков / под ред. А. И. Фёдорова. М.: ТОПИКАЛ, 1995. 608 с.; Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь. М.: Астрель: АСТ: Хранитель, 2007. 926 с.; Михельсон М. И. Русская мысль и речь. Своё и чужое. Опыт русской фразеологии: сборник образных слов и иносказаний: 2 т. Т. 1–2. М.: ТЕРРА, 1997.

³ Ашукин Н. С., Ашукина М. Г. Крылатые слова, литературные цитаты, образные выражения. 3-е изд. испр. и доп. М.: Художественная литература, 1966. 823 с.; Дядечко Л. П. Крылатые слова нашего времени. Толковый словарь. М.: НТ Пресс, 2008. 797 с.; Михельсон М. И. Ходячие и меткие слова: сборник русских и иностранных цитат, пословиц, поговорок, пословичных выражений и отдельных слов (иносказаний). М.: ТЕРРА, 1997. 624 с.

⁴ Фразеологический словарь русского литературного языка конца XVIII–XX веков / под ред. А. И. Фёдорова. М.: ТОПИКАЛ, 1995. 608 с.; Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь. М.: Астрель: АСТ: Хранитель, 2007. 926 с.; Михельсон М. И. Русская мысль и речь. Своё и чужое. Опыт русской фразеологии: сборник образных слов и иносказаний: в 2 т. Т. 1–2. М.: ТЕРРА, 1997.

⁵ Ашукин Н. С., Ашукина М. Г. Крылатые слова, литературные цитаты, образные выражения. 3-е изд. испр. и доп. М.: Художественная литература, 1966. 823 с.; Дядечко Л. П. Крылатые слова нашего вре-

мени. Толковый словарь. М.: НТ Пресс, 2008. 797 с.; Михельсон М. И. Ходячие и меткие слова: сборник русских и иностранных цитат, пословиц, поговорок, пословичных выражений и отдельных слов (иносказаний). М.: ТЕРРА, 1997. 624 с.

⁶ Даль В. И. Пословицы русского народа. Сборник: в 3 т. Т. 1–2. М.: Русская книга, 1993; Жуков В. П. Словарь русских пословиц и поговорок. 5-е изд-е, стер. М.: Русский язык, 1993. 537 с.

⁷ Фразеологический словарь русского литературного языка конца XVIII–XX веков / под ред. А. И. Фёдорова. М.: ТОПИКАЛ, 1995. С. 13.

⁸ Ашукин Н. С., Ашукина М. Г. Крылатые слова, литературные цитаты, образные выражения. 3-е изд. испр. и доп. М.: Художественная литература, 1966. С. 313.

ря чему он смог вернуться¹; *Век Астреи* – счастливая пора; смысл ФЕ связан с мифом: это время пребывания на земле героини мифов Астреи, которое было счастливым, а когда она покинула землю, образовалось созвездие зодиака Девы; под этим именем она сияет в этом созвездии²; *Дары Помоны и Флоры* – обилие плодов и цветов; данная ФЕ имеет метафорическое значение и восходит к женским персонажам римской мифологии: *Помона* – богиня плодов, *Флора* – богиня цветов³; *работа Пенелопы* – верность жены, нескончаемая работа; *Пенелопа* – это имя жены Одиссея, которая долгие годы находилась в разлуке с ним, но ждала его, отказывая в ухаживаниях другим мужчинам; она говорила мужчинам, претендующим на её руку и сердце, о том, что отложит новый брак до тех пор, пока не закончит работу над гробовым покровом своему свёкру. Хитрость её заключалась в том, что днём она ткала, а ночью распускала, и такая работа осуществлялась ежедневно⁴; *покрывало Изиды* – скрываемая истина, тайна; ФЕ содержит имя древнеегипетской богини *Изиды*, являющейся олицетворением природы и знающей много тайн⁵ и др.

Полагаем, что второй причиной можно считать тот факт, что женские онимы, которые были распространёнными в разговорной речи, становились лексическими компонентами поговорок, пословиц и ФЕ, т. к. они ориентировали собеседника на характеристику женщины, поскольку имя часто отражало определённую черту её характера, какой-либо другой признак или род занятий, социальный статус и пр. Считаем, что такого рода женские онимы можно квалифицировать как архетипич-

ные, т. е. присущие определённому типу женщин, содержащие её характеристики по разным типичным признакам. В эту группу можно включить название растений, например: *Иван-да-Марья* – однолетнее травянистое растение семейства норичниковых с двойной окраской соцветий; марьянник⁶; *Марьян корень* – специальное, многолетнее растение семейства лютиковых.⁷ В данных названиях растений используется имя разговорного варианта *Марья* в отличие от книжного варианта *Мария*, что свойственно русской народной речи. Эти имена, распространённые в народной речи, имеют положительную оценку и имплицитно выражают благородные отношения между мужчиной и женщиной, включая чувство любви. Или: ФЕ *Арина бесплодная* – диалектное, курское; *ироническое*; о безнадёжно глупой женщине, дуре⁸ и др.

Третьей причиной активности женских имён в паремиях и ФЕ можно считать проявление особого внимания мужчины к женщине, которое заключается в отношении к женщине как противоположному полу, обладающему иными характеристиками, нежели мужчина (гендерный подход). Это может быть, с одной стороны, выражение чувства любви, а также восхищения, с другой – пренебрежения, неодобрения, осуждения, осмеяния. Это и демонстрация шутливости отношения к женщине, положительной или отрицательной оценки её действий, черт характера. Например: *Камелия. Дама с камелиями* – женщина асоциального поведения, павшая жертвой своего чувства⁹; в основе названного имени лежит метафора по сходству с героиней одноимённого рома-

¹ Ашукин Н. С., Ашукина М. Г. Крылатые слова, литературные цитаты, образные выражения. 3-е изд. испр. и доп. М.: Художественная литература, 1966. С. 27.

² Там же. С. 87.

³ Там же. С. 183.

⁴ Ашукин Н. С., Ашукина М. Г. Крылатые слова, литературные цитаты, образные выражения. 3-е изд. испр. и доп. М.: Художественная литература, 1966. С. 566.

⁵ Там же. С. 526.

⁶ Фразеологический словарь русского литературного языка конца XVIII–XX веков / под ред. А. И. Фёдорова. М.: ТОПИКАЛ, 1995. С. 215.

⁷ Там же. С. 255.

⁸ Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь. М.: Астрель: АСТ: Хранитель, 2007. С. 31.

⁹ Ашукин Н. С., Ашукина М. Г. Крылатые слова, литературные цитаты, образные выражения. 3-е изд. испр. и доп. М.: Художественная литература, 1966. С. 181.

на А. Дюма, которая очень любила камелии; *Василиса премудрая* – фольклорное; мудрая, рассудительная и нравственная девушка, женщина.¹ ФЕ является метафорой по признаку интеллектуального сходства с героиней русских народных сказок, имеющей аналогичное имя, – *Василиса Премудрая*; *Людоедка Эллочка* – необразованная, но красивая женщина, использующая в речи вульгарные и придуманные ею самой слова; *Эллочка Щукина*, героиня романа И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» (1927), в своём лексиконе имела 30 слов.²

Итак, использование женских имён в паремиях и ФЕ можно объяснить проявлением внимания к женщине как с гендерных позиций, так и с позиций её значимости в семье, социального и должностного статуса, внешности, черт характера (психологического типа) и пр.

Источники и этимология ФЕ, крылатых слов и паремий

Рассуждая о причинах употребления женских онимов в лексическом составе ФЕ, мы уже обратили внимание на их этимологию. Собранный нами фразеологический материал свидетельствует о том, что источниками распространённых женских имён в паремиях, ФЕ, крылатых выражениях, а также появления *крылатых слов*, являющихся женскими именами, послужили мифы, библейские истории, сказки, художественные произведения, разговорная речь, а также кино и телесериалы.

Приведём примеры, подтверждающие сказанное нами выше.

ФЕ, появившиеся как крылатые выражения из телесериалов: *просто Мария* – портниха, швея или учительница труда. Данная ФЕ образована в результате метафорического переноса значения на основе

характеристики героини аналогичного названия мексиканского телесериала (1989).³

ФЕ из художественного текста: *леди Макбет* – книжное; властная, женщина, которая упорно и любым путём стремится добиться своей цели.⁴ ФЕ является метафорой на основе сходства в поведении с героиней повести Н. С. Лескова «Леди Макбет Мценского уезда» (1864). *Сонечка Мармеладова* – женщина асоциального поведения; ФЕ является прецедентным именем героини романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» (1866)⁵; образовано метафорическим способом: на основе сходства по роду занятия; *Коробочка* – человек, живущий мелочными интересами, скопидом⁶; крылатое имя этимологически соотносится с аналогичным именем героини поэмы Н. В. Гоголя «Мёртвые души», оно образовалось на основе метафорического переноса по сходству поведения; крылатое выражение *Ах, боже мой! Что станет говорить княгиня Марья Алексеевна* означает трусливую зависимость от морали⁷; являясь цитатой из комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума», крылатое выражение возникло в результате метафорического переноса значения. *Ящик Пандоры* – источник несчастий, бед; *Пандора* – имя героини поэмы Гесиода «Труды и дни», которую Зевс отправил на землю с ларцом, где были заперты все человеческие несчастья; проявив любопытство, Пандора открыла ларец и рассыпала несчастья.⁸ *Офелия! О, нимфа! Помяни грехи мои в молитвах* – прось-

³ Дядечко Л. П. Крылатые слова нашего времени. Толковый словарь. М.: НТ Пресс, 2008. С. 386.

⁴ Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь. М.: Астрель; АСТ; Хранитель, 2007. С. 379.

⁵ Дядечко Л. П. Крылатые слова нашего времени. Толковый словарь. М.: НТ Пресс, 2008. С. 622.

⁶ Ашукин Н. С., Ашукина М. Г. Крылатые слова, литературные цитаты, образные выражения. 3-е изд. испр. и доп. М.: Художественная литература, 1966. С. 336.

⁷ Ашукин Н. С., Ашукина М. Г. Крылатые слова, литературные цитаты, образные выражения. 3-е изд. испр. и доп. М.: Художественная литература, 1966. С. 33.

⁸ Там же. С. 770.

¹ Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь. М.: Астрель; АСТ; Хранитель, 2007. С. 80.

² Ашукин Н. С., Ашукина М. Г. Крылатые слова, литературные цитаты, образные выражения. 3-е изд. испр. и доп. М.: Художественная литература, 1966. С. 370.

ба о прощении грехов; является цитатой из трагедии В. Шекспира «Гамлет» (1837)¹; Сады *Армиды* – нечто чудесное; в поэме итальянского поэта «Освобождённый Иерусалим» герой Ринальдо попал в сады волшебницы *Армиды*.²

ФЕ, источником которых явились сказки: *Лиса Алиса* – 1) о женщине по имени *Алиса*, 2) о рыжеволосой женщине.³ Значение ФЕ возникло на основе метафоры, связанной с героиней сказки А. Н. Толстого «Золотой ключик» (1936). В данной ФЕ важно созвучие имени *Алиса* с названием животного *лиса*, в результате чего приёмом паронимической аттракции создаётся языковая игра, с помощью которой порождается шутливая окраска. *Царевна Несмеяна* – скромная девушка, женщина⁴; в русской народной сказке это было имя дочери царя, которая никогда не смеялась.

Имена, частотные в разговорной речи и диалектах: *Евина* внучка – устаревшее, ироническое; женщина, обладающая какими-либо качествами, характерными именно для женщины, например, проявляющая излишнее любопытство.⁵ *Ева* – синоним к словосочетанию «любопытная женщина»; это религиозное женское имя из библейского мифа⁶; *Милитриса Кирбитьевна* – отрицательная характеристика женщины; имя героини народной сказки о Бове-королевиче, которая была злой, капризной и коварной.⁷

Имена богинь, героинь мифов также являются активным источником ФЕ и крылатых слов, например: *начинать с яиц Леды* – в греческой мифологии *Леда* – это дочь царя Этолии – Фестия, поразившая своей красотой Зевса, явившегося ей в образе лебедя. Плодом их любви была дочь Елена, которая родилась из одного яйца *Леды*, а из второго яйца родились её братья-близнецы *Кастор* и *Поллукс*.⁸ Или: *Минерва (Паллада), вышедшая из головы Юпитера (Зевса)* – кто-то или что-то, появившееся сразу в готовом виде; в римской мифологии покровительница наук и искусств, отождествляемая с греческой богиней Афиной-Палладой, которая родилась из головы Юпитера.⁹ *Весы Фемиды* – правосудие; в греческой мифологии *Фемиды* – это богиня правосудия, которая изображается с повязкой на глазах (символ беспристрастности), держащей в одной руке меч, а в другой – весы¹⁰; например, ФЕ с тем же именем: *жрецы Фемиды* – судьи; *храм / алтарь Фемиды* – суд и др.

Итак, основными источниками ФЕ и крылатых слов являются мифы, библейские предания, художественные тексты, разговорная речь с её диалектизмами, а также кино и телесериалы. В основе значений ФЕ и крылатых слов лежит главным образом метафорический перенос значения.

Крылатые слова, являющиеся женскими именами, как «точечные цитаты»

Во фразеологических словарях русского языка¹¹ и в словарях крылатых слов и

¹ Ашукин Н. С., Ашукина М. Г. Крылатые слова, литературные цитаты, образные выражения. 3-е изд. испр. и доп. М.: Художественная литература, 1966. С. 493.

² Там же. С. 594.

³ Дядечко Л. П. Крылатые слова нашего времени. Толковый словарь. М.: НТ Пресс, 2008. С. 360.

⁴ Ашукин Н. С., Ашукина М. Г. Крылатые слова, литературные цитаты, образные выражения. 3-е изд. испр. и доп. М.: Художественная литература, 1966. С. 713.

⁵ Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь. М.: Астрель; АСТ; Хранитель, 2007. С. 102.

⁶ Ашукин Н. С., Ашукина М. Г. Крылатые слова, литературные цитаты, образные выражения. 3-е изд. испр. и доп. М.: Художественная литература, 1966. С. 213.

⁷ Там же. С. 394.

⁸ Там же. С. 432.

⁹ Там же. С. 395.

¹⁰ Там же. С. 693.

¹¹ Фразеологический словарь русского литературного языка конца XVIII–XX веков / под ред. А. И. Фёдорова. М.: ТОПИКАЛ, 1995. 608 с.; Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь. М.: Астрель; АСТ; Хранитель, 2007. 926 с.; Михельсон М. И. Русская мысль и речь. Своё и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний: в 2 т. Т. 1. М.: ТЕРРА, 1997. 800 с.; Михельсон М. И. Русская мысль и речь. Своё и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний: в 2 т. Т. 2. М.: ТЕРРА, 1997. 832 с.

выражений¹ мы зафиксировали большое количество выражений-цитат с женскими именами и отдельно крылатых слов, являющихся женскими именами, получившими переносное значение на основе метафоры.

Следует отметить тот факт, что женские имена, ставшие отдельными крылатыми словами или входящие в лексический состав ФЕ и паремий, – это прецедентные библейские или мифологические имена. Как правило, имя, этимологически являясь метафорой, становится типичным для группы женщин, заключая в себе оценку её действий, поведения, внешности и пр.

Собранный нами языковой материал показывает, что большая часть крылатых слов, являющихся женскими именами, которые можно отнести к «точечным цитатам», по происхождению связаны с мифами и библейскими преданиями. Следуя точке зрения Н. А. Николиной, мы считаем, что термином «точечные цитаты» обозначаются, прежде всего, имена и фамилии персонажей художественных произведений, мифов, библейских преданий.² Например, из словаря крылатых слов и выражений³ мы выписали 3 крылатых онима, образованных от имён героинь греческих и римских мифов: *Антигона* – девушка, большую часть своей жизни посвятившая уходу за больным стариком; этимология отсылает к героине греческих мифов – дочери слепого фиванского царя Эдипа, последовавшая за ним в изгнание и не оставившая его до смерти⁴; *Венера* – кра-

сивая женщина; прецедентное имя *Венера* в переносном значении связано с именем женщины в римской мифологии – богини любви и красоты⁵; *Диана* – это целомудренная девушка, луна; в римской мифологии богиня луны, покровительница охоты и женского целомудрия⁶; в данном случае наблюдается метафорический перенос значения; 2 женских онима мы выписали из словаря М. И. Михельсона⁷: *Аркадия* – счастливая, *Армида* – обольстительная красавица.⁸

Продemonстрируем крылатые слова-онимы, произошедшие от имён героинь библейских преданий: *Ева* – оним имеет переносное значение «любопытная женщина»; *Ева* – это первая женщина, которую сотворил Бог; она, проявив любопытство, вкусила запретный плод дерева, за что была изгнана богом из рая.⁹ *Кающаяся Магдалина* – ироническое; неискренне, плаксиво кающееся лицо¹⁰; этимология связана с именем героини евангельской легенды: *Магдалина*, исцелённая Иисусом от семи бесов, стала его верной последовательницей.

Продemonстрируем крылатые слова, служащие именами женщин, соотносимые с именами героинь сказок: *Золушка*. *Сандильона* – девушка, много работающая по дому, безропотно выполняющая всю трудную работу; имя соотносится с именем героини сказки; это девушка, которую не любила мачеха и её дочь, загружая её домашней чёрной работой¹¹; во француз-

¹ Ашукин Н. С., Ашукина М. Г. Крылатые слова, литературные цитаты, образные выражения. 3-е изд. испр. и доп. М.: Художественная литература, 1966. 823 с.; Дядечко Л. П. Крылатые слова нашего времени. Толковый словарь. М.: НТ Пресс, 2008. 797 с.; Михельсон М. И. Ходячие и меткие слова: сборник русских и иностранных цитат, пословиц, поговорок, пословичных выражений и отдельных слов (иносказаний). М.: ТЕРРА, 1997. 624 с.

² Николина Н. А. Филологический анализ текста: учебное пособие. М.: Академия, 2003. С. 225.

³ Ашукин Н. С., Ашукина М. Г. Крылатые слова, литературные цитаты, образные выражения. 3-е изд. испр. и доп. М.: Художественная литература, 1966. 823 с.

⁴ Ашукин Н. С., Ашукина М. Г. Крылатые слова, литературные цитаты, образные выражения. 3-е изд.

испр. и доп. М.: Художественная литература, 1966. С. 25.

⁵ Там же. С. 91.

⁶ Там же. С. 195.

⁷ Михельсон М. И. Ходячие и меткие слова: сборник русских и иностранных цитат, пословиц, поговорок, пословичных выражений и отдельных слов (иносказаний). М.: ТЕРРА, 1997. С. 9.

⁸ Там же. С. 9.

⁹ Ашукин Н. С., Ашукина М. Г. Крылатые слова, литературные цитаты, образные выражения. 3-е изд. испр. и доп. М.: Художественная литература, 1966. С. 213.

¹⁰ Там же. С. 313.

¹¹ Ашукин Н. С., Ашукина М. Г. Крылатые слова, литературные цитаты, образные выражения. 3-е изд. испр. и доп. М.: Художественная литература, 1966. С. 259.

ском фольклоре имя Золушка звучит как Сандильона.

Или крылатые слова-онимы, соотносимые с именами героинь художественных произведений: *Дульциня* – от латинского слова *dulcis* – нежный, сладостный; шутовское нарицательное имя возлюбленной¹; имя героини романа Сервантеса «несравненная Дульциня Тобосская», возлюбленная героя романа, хотя женщина была грубой, неграмотной крестьянкой; *Кассандра* – человек, который предостерегает от опасности, предчувствуя её, но ему обычно не верят²; метафорический смысл имя получило от имени героини произведения Гомера «Илиада» – дочери троянского царя Приама, обладающей даром прорицания; *Вертер* и *Шарлотта* – влюблённые; этимология связана с одноимёнными персонажами романа Гёте «Страдания молодого Вертера» (1774, русский перевод 1781) (молодой бюргер Вертер страстно был влюблён в невесту своего друга Шарлотту)³ и др.

Как показывают приведённые выше примеры, ставшие крылатыми словами, они представляют собой «точечные цитаты», которые ориентируют адресата на интертекстуальность, позволяющую адресату рефлексировать и порождать ассоциации с культурными, историческими, литературными, библейскими, бытовыми фактами, событиями, лицами и пр. Это их основная функция: концентрируя смысл в имени, пробуждать ассоциативную память на основе общих фоновых знаний, демонстрируя национальный культурный код.

Следует особо подчеркнуть то, что этимология крылатых слов и выражений непосредственно связана с цитатой или «точечной цитатой», которые, являясь интертекстуальными элементами, «чужим текстом», получили переносное значение на основе метафоры, т. е. сходству по

внешнему виду, действию, характеру, поведению, признаку и пр.

Мы считаем, что по своей сути крылатые слова-онимы можно расценивать как имплицитные тексты, отсылающие к «чужому тексту» для полного понимания образа, ситуации, эмоциональной тональности и т. п., того текста, в который они включаются. При этом крылатое слово, являясь «точечной цитатой», или полная цитата (фразеологическое выражение) обогащают смысловую сторону текста любого функционального стиля: публицистического, художественного, разговорного.

Женские имена, перешедшие в нарицательные имена существительные

Необходимо обратить внимание на то, что часть женских имён в современной речи употребляется как нарицательные существительные для характеристики определённых качеств женщины, черт её характера, профессии, например: *фурия* – злая, всем недовольная женщина; в римской мифологии каждая из трёх богинь мщения⁴; *цирцея* – коварная обольстительница, красавица, пользующаяся этой красотой для осуществления задуманного⁵; *иносказательное*: обворожительная красавица⁶; это имя героини произведения Гомера – коварной волшебницы; *ксантинна* – сварливая женщина, жена; этимологически данное имя восходит к имени жены греческого философа Сократа (469–399 гг. до н. э.), которая, по воспоминаниям современников Сократа, на самом деле, была заботливой женой⁷; *терпсихора* – балерина, балет⁸; в греческой мифологии одна из девяти муз – покровительница танцев и др.

⁴ Там же. С. 702.

⁵ Там же. С. 716.

⁶ Михельсон М. И. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний: в 2 т. Т. 2. М.: ТЕРРА, 1997. С. 486.

⁷ Ашукин Н. С., Ашукина М. Г. Крылатые слова, литературные цитаты, образные выражения. 3-е изд. испр. и доп. М.: Художественная литература, 1966. С. 345.

⁸ Там же. С. 662.

¹ Ашукин Н. С., Ашукина М. Г. Крылатые слова, литературные цитаты, образные выражения. 3-е изд. испр. и доп. М.: Художественная литература, 1966. С. 209.

² Там же. С. 312.

³ Там же. С. 95.

Отмечаются имена, которые, являясь лексическим компонентом ФЕ, становятся нарицательными и обозначают какое-либо явление, действие и пр., например: *колесо фортуны* – случайное везение или неудача; этимология: в римской мифологии *Фортуна* – богиня случая, счастья и несчастья; она изображалась с повязкой на глазах, стоящей на шаре или колесе и держащей в одной руке руль, а в другой – рог изобилия¹; *сады Армиды* – нечто чудесное, волшебство; в поэме итальянского поэта «Освобождённый Иерусалим» герой Ринальдо попал в сады волшебницы Армиды²; *сады Семирамиды* – что-то великолепное. Имя *Семирамида* носила ассирийская царица, которая соорудила висячие сады в Вавилоне, их считали одним из «семи чудес света».³

Или наблюдаются слова, бывшие женскими именами, ставшие нарицательными существительными, которые можно расценивать как «точечные цитаты», например: *талия* – комедия⁴; в греческой мифологии имя *Талия* было у одной из девяти муз – покровительницы комедии; *фемиды* – правосудие; восходит к имени греческой богини *Фемиды*⁵; *мельпомена* – символ сценического искусства; в греческой мифологии *Мельпомена* – муза трагедии⁶; *немезида* – возмездие за преступление; в греческой мифологии *Немезида* – это богиня справедливости и возмездия, карающая всех, кто совершил преступление⁷; *шахерезада* – что-то великолепное, необычайное; имя *Шахерезада* имела героиня арабской сказки, а позже так стал называться и сам сборник арабских сказок «Тысяча и одна ночь»⁸; *венера* – красивая женщина; прецедентное имя *Венера* в переносном значе-

нии связано с именем женщины в римской мифологии – богини любви и красоты⁹ и др.

Можно выделить особую группу женских имён, которые употребляются в купе с мужским именем и являются «точечными цитатами», например: *Филемон и Бавкида* – неразлучные супруги. Этимология отправляет к древнему сказанию: названные имена имели престарелые супруги, которые как-то раз приняли у себя Юпитера и Меркурия, пришедших под видом утомлённых путников; другие люди этой местности не пустили их к себе в дом, тогда разгневанные боги затопили эту местность за негостеприимство, а хижина Филемона и Бавкиды осталась нетронутой и была превращена в храм, а сами супруги стали жрецами. По их желанию, они умерли одновременно; боги превратили Филемона в дуб, а Бавкиду в липу.¹⁰ Или *Пигмалион и Галатей* – человек, который силой своего чувства, своей волей способствует перерождению чувства другого; статуя молодой девушки Галатеи, в которую богиня Афродита заставила влюбиться Пигмалиона, презрительно относившегося к женщинам¹¹, и др.

Таким образом, часть женских имён перешла в разряд нарицательных существительных, получив метафорическое значение.

Женские имена в лексической структуре паремий

Следует заметить, что в словарях наблюдаются паремии, содержащие женские имена, свойственные разговорной речи. Они главным образом именуют простых женщин. Так, в некоторых паремиях отражена внешность женщины или черта её характера, например: 1. *Постоянная дама Варвара, с поволокою глаза; Василиса – кислый квас (с лубочной картины)*.¹² 2. *Фетинья* – белые белила; *Афимья* – алые

¹ Ашукин Н. С., Ашукина М. Г. Крылатые слова, литературные цитаты, образные выражения. 3-е изд. испр. и доп. М.: Художественная литература, 1966. С. 701.

² Там же. С. 594.

³ Там же. С. 594.

⁴ Там же. С. 653.

⁵ Там же. С. 693.

⁶ Там же. С. 385.

⁷ Там же. С. 449.

⁸ Там же. С. 750.

⁹ Там же. С. 91.

¹⁰ Там же. С. 697.

¹¹ Там же. С. 508.

¹² Даль В. И. Пословицы русского народа. Сборник: в 3 т. Т. 1. М.: Русская книга, 1993. С. 611.

румяна (с лубочной картины).¹ Или выражается отношение к женщине с учётом её социального или семейного положения, например: *Гостья Федосья! Сиди на печи да жуй калачи!*²

Наиболее часто в паремиях встречается имя *Варвара*. Здесь считаем уместным обратиться к этимологии одной поговорки, смысл которой может объяснить появление других паремий. Поговорка *Пойти к Варваре на расправу* в словаре русской фразеологии имеет стилистические пометы «устаревшее, шутливое»; основное значение – привлекаться к ответу за преступление, нарушение закона. Происхождение поговорки отсылает к историческому факту. В 1517 г. в Москве была построена церковь во имя святой Варвары, позже Иван Грозный выстроил между церквями Максима и св. Варвары «Купецкий» двор, а спустя некоторое время на его месте была сооружена тюрьма строгого режима; арестованных доставляли к церкви св. Варвары и вершили суд, т. е. расправу. Шутливая окраска появилась в результате созвучия слов *расправа* и *Варвара*.³ В историко-этимологическом словаре русской фразеологии⁴ указано, что за именем *Варвара* закрепился переносный метафорический смысл «нечистый на руку, вор», на что повлияла не только этимология, но и дата Дня святой Варвары – 17 декабря, когда ночь начинала укорачиваться. В этом же словаре находим следующие паремии с именем *Варвара*, соотносящиеся с названным смыслом: 1. *Варвара ночь украла*. 2. *Поймали Варвару у чужого амбара*. 3. *Проворна Варвара на чужие карманы*. 4. *Варвара мне тётка, а правда – сестра*.⁵

Аналогичное значение, имплицитно заключённое в имени *Варвара*, подтверждается фиксацией следующих поговорок в словаре В. И. Даля: 1. *Пошёл было по хлеб к Варваре, да нашёл у себя в анбаре*. 2. *Прогнали Варвару из чужого анбара*.⁶

Таким образом, в паремиях используются распространённые народные имена женщин, отражающие отношение к женщине, характеризующие её внешность, род занятий и пр. Такого рода имена частотны в русском фольклоре как презентация национального культурного кода.

Заключение

Подводя итоги исследования фразеологического и паремиологического материала, следует обратить внимание на следующие моменты.

Мы назвали три основные причины употребления женских имён в паремиях и ФЕ: 1) проявление большого интереса человека к мифологии, библейским преданиям, в которых персонажами были женщины, чьи имена стали популярными по причине их роли в обществе, проявлению в каком-либо роде деятельности, черте характера, особенностей поведения, внешности и т. п.; 2) проявление особого внимания к женщине со стороны мужчины (гендерный аспект); 3) некоторые женские имена были актуальными в разговорной речи, а за каждым именем со временем закрепилась характеристика женщины по черте её характера, роду занятий, поведению, социальному статусу и др.

Женские имена, являясь лексическими компонентами ФЕ и паремий, отражают типичные характеристики женщины: род занятий, черты характера, внешность, социальный статус и др.

Отдельные имена стали крылатыми словами, получив метафорическое значение. Часть женских имён перешла в разряд нарицательных имён существительных глав-

¹ Даль В. И. Пословицы русского народа. Сборник: в 3 т. Т. 1. М.: Русская книга, 1993. С. 611.

² Даль В. И. Пословицы русского народа. Сборник: в 3 т. Т. 2. М.: Русская книга, 1993. С. 623.

³ Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь. М.: Астрель: АСТ: Хранитель, 2007. С. 79.

⁴ Там же. С. 80.

⁵ Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь. М.: Астрель: АСТ: Хранитель, 2007. С. 80; Михельсон М. И. Ходячие и меткие слова: сборник русских и иностранных цитат, пословиц, погово-

рок, пословичных выражений и отдельных слов (иносказаний). М.: ТЕРРА, 1997. С. 32.

⁶ Даль В. И. Пословицы русского народа. Сборник: в 3 т. Т. 2. М.: Русская книга, 1993. С. 622.

ным образом на основе метафорического переноса по смыслу.

Источником происхождения ФЕ, паремий, крылатых слов, включающих женские имена, являются мифы, библейские предания, художественные произведения, разговорная речь, кино и телесериалы.

Этимология появления образных изречений, включающих женские онимы, – крылатых слов, ФЕ и паремий – связана с метафорическим переносом значения на основе сходства по признаку, действию, внешности, черте характера, социальному статусу, поведению, интеллектуальному признаку и др.

Семантика ФЕ, паремий, содержащих женские имена, и крылатых слов-онимов, являющихся женскими именами, обусловлена разными характеристиками женщины: её интеллектом, нравственностью, внешностью, чертой характера, местом и

ролью в обществе, поведением в разных ситуациях и др.

Особо отметим тот факт, что необходимо исследовать фразеологический и паремиологический материал, включающий имена собственные, в частности имена человека, в качестве лексических компонентов в диахронии и синхронии для выявления тенденций образования новых крылатых слов и нарицательных существительных, образованных от онимов, а также изменения оценки и семантики уже известных ФЕ, паремий, крылатых слов, которые могут развить многозначность. Кроме того, подобные языковые единицы позволяют определить роль имени собственного в обогащении лексики и фразеологии современного русского литературного языка, а также они имеют большое значение для лексикографии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Джанумов С. А. Народные пословицы и поговорки в письмах А. С. Пушкина 1832–1836 годов // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2014. № 3. С. 79–84.
2. Жилина Ю. С. Национально-культурная специфика в пословицах и поговорках российских немцев, содержащих реалии // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2021. № 4 (71). С. 78–85. DOI: 10.26456/vtfilol/2021.4.078.
3. Никитина Т. Г. Русские пословицы в современной речи: к концепции комплексной лексикографической репрезентации // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16. Вып. 11. С. 3654–3658. DOI: 10.30853/phil20230561.
4. Никитина Т. Г., Роголёва Е. И. Русские пословицы в лингвоаксиологической и лексикографической интерпретации: традиции и инновации // Вопросы лексикографии. 2022. № 24. С. 70–92. DOI: 10.17223/22274200/24/4.
5. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Славянский мир в паремиологической интерпретации: аксиологические доминанты и их лингвокультурнографическая репрезентация. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2022. 358 с.
6. Беглова Е. И. Образ русской женщины сквозь призму фразеологизмов и текстов малых речевых жанров // Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского. Серия: Филология. 2023. № 2. С. 206–213. DOI: 10.52452/19931778_2023_2_206. DOI: 10.52452/19931778_2023_2_206.
7. Беглова Е. И. Роль паремии в художественных текстах разных исторических периодов // Социальные и гуманитарные знания. 2025. Т. 11. № 1. С. 88–101. DOI: 10.18255/2412-6519-2025-1-88-101.
8. Королева И. А. Речевой портрет современной русской женщины: ономастический фрагмент // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: филология, педагогика, психология. 2022. № 3. С. 36–43.
9. Сафонова С. С., Чупрякова А. А., Замалютдинова Э. Р. Наименование женщины в русской фразеосистеме // Филология и культура. 2017. № 4 (50). С. 84–89.

REFERENCES

1. Dzh anumov, S. A. (2014). Folk Proverbs and Sayings in the Letters of A. S. Pushkin from 1832 to 1836. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 3, 79–84 (in Russ.).

2. Zhilina, Yu. S. (2021). National and Cultural Specificity in Proverbs and Sayings of Russian Germans Containing Realia. In: *Herald of Tver State University Series: Philology*, 4 (71), 78–85. DOI: 10.26456/vtfilol/2021.4.078 (in Russ.).
3. Nikitina, T. G. (2023). Russian Proverbs in the Modern Speech: Towards the Concept of Complex Lexicographic Representation. In: *Philology. Theory & Practice*, 16 (11), 3654–3658. DOI: 10.30853/phil20230561 (in Russ.).
4. Nikitina, T. G. & Rogaleva, E. I. (2022). Russian Proverbs in Linguistic and Axiological and Lexicographical Interpretation: Traditions and Innovations. In: *Russian Journal of Lexicography*, 24, 70–92. DOI: 10.17223/22274200/24/4 (in Russ.).
5. Mokienko, V. M. & Nikitina, T. G. (2022). *The Slavic World in Proverbial Interpretation: Axiological Dominants and Their Linguistic and Cultural Representation*. St. Petersburg: St. Petersburg State University publ. (in Russ.).
6. Beglova, E. I. (2023). The Image of a Russian Woman through the Prism of Phraseologisms and Texts of Small Speech Genres. In: *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod. Series: Philology*, 2, 206–213. DOI: 10.52452/19931778_2023_2_206. DOI: 10.52452/19931778_2023_2_206 (in Russ.).
7. Beglova, E. I. (2025). The Role of Paremia in Literary Texts of Different Historical Periods. In: *Social and Humanitarian Knowledge*, 11 (1), 88–101. DOI: 10.18255/2412-6519-2025-1-88-101 (in Russ.).
8. Koroleva, I. A. (2022). Speech Portrait of a Modern Russian Woman: An Onomastic Component. In: *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Philology, Pedagogy, Psychology*, 3, 36–43 (in Russ.).
9. Safonova, S. S., Chupryakova, A. A. & Zamaljutdinova, E. R. (2017). The Name of a Woman in the Russian Phraseological System. In: *Philology and Culture*, 4 (50), 84–89 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Беглова Елена Ивановна (г. Нижний Новгород) – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранного языка и культуры речи Нижегородской академии МВД Российской Федерации, Почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации; e-mail: beglova-elena@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Elena I. Beglova (Nizhny Novgorod) – Dr. Sci. (Philology), Prof., Prof., Department of Foreign Language and Culture of Speech, Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia; Honorary Worker of Higher Professional Education in the Russian Federation; e-mail: beglova-elena@yandex.ru

Научная статья

УДК 81'2

DOI: 10.18384/2949-5008-2026-1-49-59

ОСОБЕННОСТИ МЕТАФОР НАРУШЕНИЯ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ЦЕЛОСТНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ПОЭЗИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ ЮФО, СФО И НОВЫХ РЕГИОНОВ РФ)

Вишнякова Н. М.

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

e-mail: nadinvishnyakova@yandex.ru

Поступила в редакцию 05.08.2025

После доработки 09.10.2025

Принята к публикации 10.10.2025

Аннотация

Цель. Выявить специфику метафор нарушения пространственной целостности в современной русской поэзии на материале текстов авторов ЮФО, СФО и новых регионов РФ, охарактеризовать их когнитивные и аксиологические особенности.

Процедура и методы. Проведён когнитивно-дискурсивный анализ поэтических контекстов, содержащих метафоры разрушения, с учётом региональных особенностей.

Результаты. Установлено, что преимущественно изучаемые метафоры отражают уязвимость территорий, социальные потрясения, процессы индустриализации и разрушение природной среды в регионах. В частности, иносказательные конструкции в поэзии ЮФО связаны с исторической памятью и сакрализацией жертвы, в СФО – с экологическими катастрофами и философским осмыслением хронотопа, в новых регионах – с актуальными военными конфликтами. Доминирующими признаками таких метафор являются антропоморфизация пространства, мифопоэтические аллюзии и символическая репрезентация социальных потрясений.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты работы расширяют представления о роли пространственных метафор в поэтическом дискурсе, конкретизируют их связь с культурными и историческими контекстами.

Ключевые слова: антропоморфизация, метафора, разрушение, русский язык, поэтический текст, пространство, целостность

Для цитирования:

Вишнякова Н. М. Особенности метафор нарушения пространственной целостности в современной русской поэзии (на материале текстов ЮФО, СФО и новых регионов РФ) // Отечественная филология. 2026. № 1. С. 49–59. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2026-1-49-59>.

Original research article

FEATURES OF METAPHORS MEANING SPATIAL DISINTEGRATION IN CONTEMPORARY RUSSIAN POETRY (BASED ON TEXTS FROM THE SOUTHERN FEDERAL DISTRICT, SIBERIAN FEDERAL DISTRICT, AND THE NEW REGIONS OF THE RUSSIAN FEDERATION)

N. Vishnyakova

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

e-mail: nadinvishnyakova@yandex.ru

© СС BY Вишнякова Н. М., 2026.

Received by the editorial office 05.08.2025

Revised by the author 09.10.2025

Accepted for publication 10.10.2025

Abstract

Aim. To identify the specifics of spatial integrity violation metaphors in contemporary Russian poetry based on texts by authors from the Southern Federal District, Siberian Federal District, and new regions of the Russian Federation, with particular attention to their cognitive and axiological aspects.

Methodology. A cognitive-discursive analysis of poetic contexts containing destruction metaphors was conducted, considering regional peculiarities.

Results. The study revealed that the predominant metaphors in Southern Federal District poetry are associated with historical memory and the sacralization of sacrifice; in Siberian Federal District poetry, they are linked to ecological disasters and philosophical interpretations of chronotope; while in the new regions, they reflect current military conflicts. The dominant features of such metaphors include the anthropomorphization of space, mythopoetic allusions, and the symbolic representation of social upheavals.

Research implications. The findings expand the understanding of the role of spatial metaphors in poetic discourse and clarify their connection to cultural and historical contexts.

Keywords: anthropomorphization, metaphor, poetic text, space, destruction, integrity, Russian language

For citation:

Vishnyakova, N. M. (2026). Features Of Metaphors Meaning Spatial Disintegration in Contemporary Russian Poetry (Based on Texts from the Southern Federal District, Siberian Federal District, and the New Regions of the Russian Federation). In: *Russian Studies in Philology*, 1, 49–59. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2026-1-49-59>.

Введение

Изучение метафор разрушения особо значимо в контексте анализа ценностных и когнитивных структур языка. Поскольку пространство является одной из базовых категорий человеческого мышления, его метафорическое осмысление через утрату объектом целостности позволяет выявить механизмы восприятия кризисов, трансформаций и социальных потрясений.

Исследование концептуальных оппозиций, в частности дихотомии «созидание / разрушение», находит своё отражение в современной лингвистике и когнитивистике. Учёные анализируют языковые явления как ключевые элементы ценностной картины мира, отражающие онтологические и экзистенциальные противоречия. Так, Е. Стоянова подчёркивает, что метафора разрушения тесно связана с метафорой созидания. Разрушение часто воспринимается как этап, предшествующий созданию (например, упадок старого мира и построение нового). Это особенно актуально для

концептуализации советской и постсоветской эпох, когда разрушение и строительство были тесно взаимосвязаны [1]. С этим соотносятся также выводы Дж. Лакоффа и М. Джонсона, в рамках строительной метафоры рассматривающих разрушение, например, когда общество или государство воспринимается как здание, которое может быть построено, перестроено или разрушено [2, с. 138]. Тесная связь понятий отмечена и М. В. Румянцевой, утверждающей, что члены оппозиции не взаимоисключают друг друга, а дополняют, поскольку «разрушение есть обратная сторона созидания» [3, с. 59].

Разрушительное начало характеризует Л. В. Балашовой в военных метафорах, которые часто используются для описания межличностных отношений, а в современной речи также применяются для описания социального отчуждения или упадка государств. Особенно исследователя беспокоит то обстоятельство, что в политическом дискурсе деструктивная лексика

эксплуатируется чаще конструктивной [4, с. 471].

В рамках обсуждения представления о строительстве и возведении в русской языковой картине мира А. Д. Шмелёв указывает на общее значение терминов созидания – «внесение порядка в нечто изначально неупорядоченное, создание порядка из хаоса» [5, с. 122]. В свою очередь, Г. Т. Каримова анализирует глаголы разрушения и созидания как инструменты воздействия, отмечая изменение их оценочной нагрузки в зависимости от контекста [6], О. А. Горбань в смысловой структуре глаголов движения характеризует признак изменения состояния, соотносимый в некоторых случаях со смертью и последующей трансформацией [7, с. 207]. В зависимости от подхода исследователи также выделяют глаголы деструктивных изменений [8, с. 267] и физического преобразования [9, с. 359]. Ряд работ Л. Б. Здановской посвящён осмыслению аксиологической природы созидания и разрушения. Автор анализирует, как эти противоположные концепты отражаются в русском языковом пространстве и формируют ценностные ориентиры нации, основанные на экзистенциальных противоречиях (добро / зло, жизнь / смерть) [10–12]. В свою очередь, П. Ж. Балхимбекова и Н. Жумай затрагивают тему культурно обусловленных различий в восприятии созидания и разрушения, говоря о роли концептов в западной и восточной культурах [13, р. 29].

Таким образом, мы можем наблюдать, что исследователи, как правило, анализируют метафоры разрушения в контексте инвариантной бинарной оппозиции «хаос / космос».

Настоящее исследование посвящено анализу метафор нарушения пространственной целостности в поэтических текстах авторов Южного федерального округа (далее – ЮФО), Сибирского федерального округа (далее – СФО) и новых регионов РФ (далее – НР). Работа направлена на выявление когнитивных и ценностных структур, стоящих за метафорическими образами разрушения, а также на опреде-

ление их региональной специфики. С этой целью характеризуются особенности метафор нарушения целостности разных пространственных сфер (воздушное, водное, земное); выявляются когнитивные модели, лежащие в основе данных метафор; устанавливаются региональные различия в использовании метафор разрушения; анализируется связь метафор с актуальными социальными, экологическими и военными контекстами.

Основу методологии составляет когнитивный метафорический анализ Дж. Лакоффа и М. Джонсона [2], позволяющий выявить базовые когнитивные модели, связывающие пространственные деформации с абстрактными концептами (разрушение, кризис, трансформация). Так, в работе были проанализированы метафоры, которые базируются на схемах <пространство – это тело>, <город – это воин>, <земля – это жертва> и т. д., соответствующих принципам антропоморфизации и мифологизации пространства.

Материалом исследования послужили содержащие метафоры нарушения целостности контексты, извлечённые из современных поэтических текстов авторов, местом рождения / проживания которых являются территории ЮФО, СФО или новых регионов РФ (журналы «Отчий край», «Южный маяк», «Сибирские огни», «День и ночь», «Бийский вестник», «Белая скала» «Азъ-Арт», «Вещь», «Российский колокол» и др.). Количественно они составили 6,5% (162 случая) от общей выборки изучаемых пространственных метафор.

Результаты и обсуждение

Нарушение, эксплицируемое в метафорических пространственных образах, может быть как физическим (например, разрушение, раны, трещины), так и символическим (например, утрата гармонии, ухудшение состояния). В первом случае метафоризоваться могут как реальные материальные разрушения (*искалечена аллея, избитый город, мёртвая речка*), так и различные другие пространственные из-

менения, выраженные в терминах деформации (*небо лопается арбузом, надкушена луна, обтрепалась туча*). Во втором создании образа обеспечивается посредством процессов дематериализации пространственных объектов и вместе с тем топологизации явлений нефизического порядка (*любовь разрушена, разорённая даль мечт, во мне погибает империя*).

Специфика метафор нарушения целостности воздушного, водного и земного пространства

Общим в метафорах нарушения целостности становится изменение исходного или промежуточного состояния явления или объекта. Оно варьируется в зависимости от пространственной зоны, которой принадлежит выразитель области цели иносказательного выражения. Важную роль здесь играет отношение к действительности.

Так, изменения в **воздушном пространстве** могут быть объяснены сменной времени суток или сопутствующими атмосферными явлениями, при которых небо меняет цвет или форму, в нём раздаются звуки, оно опустошается в результате выпадения осадков, например: «*Скончалось небо на исходе дня*» (В. Скиф. *** // Бийский вестник. 2023. № 3) – мифологически ночь часто связывают с представлениями о завершении бытия, здесь это усиливается олицетворением с онтологической основой; «*Снятся небо в ключьях облаков*» (Б. Бурмистров. *** // Российский колокол. 2023. № 1–2) – подразумевается, что исходный объект был единым целым, но подвергся фрагментации под воздействием ветра; «*Для хорошей, праздничной погоды / Расстреляли в небе облака*» (В. Попов. *** // Азъ-Арт. 2021. № 4) – выпадение / невыпадение атмосферных осадков в данном случае связано с процессом опустошения облачной массы; «*Лебеди распорют небосвод*» (О. Домрачева. «По воде бегущие круги» // Сибирские огни. 2020. № 4); «*И самолёты разрезают воздух*» (Н. Герман. «Белый

стих» // День и ночь. 2023. № 6) – видимое временное «деление» неба даёт возможность метафоризации клиновидных узоров в небе от птиц и инверсионных следов от транспорта. Конкретные небесные тела метафоризируются по иным принципам, в числе которых могут быть: искажение исходного визуально-параметрического восприятия пространственного объекта из-за другого, его загораживающего, – «*Литы раскололи солнце*» (В. Чайкина. *** // Вещь. 2023. № 27); изменение состояния небесного тела в силу циклических процессов, например фазы луны – «*Глядим, как сыр луны / грызут ночные мыши*» (А. Бутко. «Последняя весна» // День и ночь. 2022. № 4). Материал показал, что метафоры нарушения воздушной пространственной целостности наименее представлены и не репрезентируют реальное физическое разрушение, что, конечно, связано с условной неизменностью этой сферы на протяжении всего существования человечества и цикличностью происходящих в её пределах процессов. Так, несмотря на то, что иносказательные отождествления, которые используются для описания собственно воздушного пространства (небо) либо наблюдаемых в нём тел, объектов (облака, луна, звёзды, солнце и др.), часто связаны с нарушением целостности (разрыв, трещина, рана), насильственным действием (распарывание, расстрел) или болезнью (близорукость, слепота, простуда), основной сходства оказывается исключительно визуально-параметрическая (подробнее о метафорических основах сходства см.: [14]), поскольку своих функциональных признаков условно разрушаемые объекты не теряют, что выражено глаголами (лопается, обтрепалась, распорот, расстреляли, разрезал, треснуло, порвал и др.), именами (рана, осколок, помятый, ключья и др.).

Метафоры нарушения целостности **водного пространства** могут быть разделены на 3 типа по отношению к действительности в порядке степени трансформации: 1) временное изменение водной поверхности под воздействием объектов извне (*море режут килем, зюйд-вест распускает*

морскую пряжу); 2) загрязнение водного пространства (*река из стали с тяжкой примесью минералов; стонут моря, и сквозят нефтеносные раны; гарью дышит ерик*); 3) иссушение водного пространства (*мёртвая речка, мёртвый Нил, родник усыпили, море мёртвое Арал*). Как мы видим, это может быть выражено предикативными формами физического воздействия и состояния, прилагательными и именными формами со значением физического состояния и качества. Несмотря на то, что метафоры нарушения целостности водного пространства могут подчёркивать текучесть, способность к восстановлению объектов и цикличность, часть иносказательных конструкций связана с экологическими проблемами иссушения и загрязнения.

Наиболее сложная и разветвлённая система случаев нарушения пространственной целостности представлена в метафорах *земного пространства* (природные ландшафты, транспорт, сооружение, городская и сельская инфраструктура и т. д.). В большинстве из них воплощена идея реального физического разрушения, обусловленного последствиями:

1. Цивилизационных процессов. В конструкциях такого типа актуализируются естественные и искусственные пространственные объекты, первые из которых претерпевают процесс разрушения, а вторые становятся результатом созидания, например: *«единственный испытанный мной страх – хруст джунглей, увязающих в бетоне»* (С. Пашевская. «Его лицо» // Южный маяк. 2021. № 2). Здесь урбанизация представлена как процесс, уничтожающий природные ландшафты; естественное теряет свою целостность под давлением городской инфраструктуры. Схожую ситуацию иллюстрирует контекст: *«Перебинтованная грязными дорогами, / Степь глухо застонала у крыльца»* (Л. Ярмушевич. «***» // Белая скала. 2020. № 1), где лексика изменения естественного ландшафта подчёркивает также насильственное вмешательство человека в природу, страдания природы, одновременно

актуализируя 2 процесса: частичное повреждение степи и проложение дорог. Кроме того, ряд иносказательных выражений может иметь отношение к индустриализации и эксплуатации ресурсов: *«Надышаться лесом, пока не вымер»* (В. Безверхая. «Мы с тобой шатались...» // Южный маяк. 2022. № 3); *«И земля отверстой раной вторит»* (Г. Васильев. «Старателям...» // День и ночь. 2020. № 5). Они эксплицируют, что человек будет продолжать деформировать природу до её полного уничтожения, особенно акцентировано это способом передачи – олицетворением пространства, подчёркивающим, что человек губит и себя, разрушая среду.

2. Природных и техногенных катастроф и катаклизмов. Основываясь на хронологических особенностях выборки стихотворений – период с 2020 по 2025 г., мы можем связать доминирование метафор разрушения под влиянием военных и иных конфликтов с запросами общества. Так, земное пространство часто воплощено в образе человека с телесными повреждениями, становящегося объектом воздействия извне: *земля, как раненый боец; перебитая жила окопа; окраины биты и изранены; город избитый, как русский в плену* и др. Сооружения и населённые пункты могут уподобляться трупам: *«В Тротиловый век брюхом кверху всплывают дома»* (А. Мамаенко. «Тротиловый век» // Южный маяк. 2021. № 2); *«Чёрные скелеты / Обгоревших зданий»* (Ю. Артюхович. «Три цвета» // Отчий край. 2020. № 1); *«Мёртвый город, в котором была рождена»* (Ю. Артюхович. «Ангел мой...» // Отчий край. 2020. № 1). В таких случаях они наделяются признаками живого (некогда) организма, претерпевающего насильственную смерть. В некоторых контекстах актуализируется химическое воздействие на пространственные объекты: *«Хиросимой выцвела земля»* (И. Нечипорук. «Боль» // Дон. 2023. № 4–6); *«Плачутся околицы в фосфорных огнях»* (И. Нечипорук. «Весна по расписанию» // Дон. 2023. № 4–6). Часть метафор

иллюстрирует проникновение инородного тела в пределы пространственного объекта и тем самым создание деструктивного прецедента: *лес минами изранен; окоп снарядами прошит; кряж, покрытый оспами воронок*. Приём олицетворения используется и при описании конфликтогенных зон и территорий: *стонет ослепший от свастик Креццатик, Афган – рваная рана страны, Донецк кормит своей плотью железных птиц*. Такие метафоры наблюдаются и при характеристике событий разных исторических периодов: «Кони **монгольские** топчут / Стени подростковую грудь» (А. Дорохова. *** // Отчий край. 2021. № 1); «(Россия. – Н. В.) переболела набегами / От **кочевого господства**» (В. Замышляев. «Наша Родина – Гиперборея» // Белая скала. 2020. № 4). Природные и природно-техногенные катастрофы представлены, как правило, землетрясениями и пожарами: *земля разойдётся по швам; свои ожоги лес бинтует мхом; отголоски квартир после пожара; сердце деревни сгорело; Русь, как погорелица*.

3. Естественной деформации. В таких метафорах время действует как агент распада, последний изображается через биологическую когнитивную модель: *дом гниёт и сутулится; труп потёртого дивана*. Пространство одновременно и ветшает, и обладает памятью об исходном облике. Отождествление объектов с человеком создаёт эффект ностальгических переживаний, передаваемых поэтами. Сближения с мифологическим топосом дают иной результат, например: *зброшенный райский сад, седой и слепой рай*. В таких контекстах деформация, эксплицированная в терминах естественной, приобретает признаки навязанной объекту, который по своей сути идеален и бесконечен, а потому не может быть подвергнут процессам обветшания (как старое здание, вещь) или старения (как человек). Это противоречие снимает десакрализация пространства, посредством которой автор интенсифицирует своё негативное отношение к локации, акцентируя её бесполезность.

4. Циклических процессов разрушения / созидания. В метафорах такого типа деформации может проявляться материнский архетип, животворящее начало земли (*материнские боли земли; земля не зияла ранами, и родили хлеб поля*), мотив мифа о первоначальном хаосе и разделении сущностей (*сшейте рану меж землёй и небом, миллионы нитей белоснежных*). Здесь доминирует мотив возможности восстановить гармонию через символическое действие (исцеление, разрешение от бремени), и можно с уверенностью сказать, что указанные метафоры работают в мифопоэтической плоскости.

Интересен и случай, когда оружие в метафорической конструкции служит созидательным целям: *Земля набухла, размякла и внезапно застыла, пронзённая изнутри мириадами тонких древесных копий и стрел*» (Э. Адахов. «Лес» // День и ночь. 2024. № 6). Здесь отмечено космогоническое начало – процесс появления деревьев на Земле посредством образов деревянных метательных приспособлений, в реальных условиях являющихся инструментами разрушения.

5. Социально-политической деформации. Эта группа метафор отражает кризис государственности, утрату национальной идентичности, моральную деградацию власти и общества. Преимущественно такие высказывания объединены антропоморфизацией государства и формированием образа живого организма в агонии с акцентом на саморазрушении, например: *идёт ко дну страна-самоубийца, страна сама себя склевала*. Кроме того, возможна эксплуатация деструктивной лексики в одном контексте с объединяющим политическим символом: «Серпом и молотом страна расколота» (Вербя *** // Отчий край. 2024. № 3). Так, посредством метафоры разрушения – использования наименований элементов государственной символики как наименований оружия – происходит десакрализация идеологии.

Метафоры нарушения земного пространства создаются преимущественно существительными-наименованиями про-

странств, разрушаемых в их пределах объектов (некоторые из них сравниваются с органами или телами), орудий разрушения, глаголами со значением физического состояния, воздействия на объект.

Таким образом, результаты исследования показывают, что наиболее велик потенциал создания метафор нарушения целостности на базе земного пространства. Во многом это связано со свойствами объекта, на который накладываются признаки. Так, воздушное пространство даёт возможность иносказательно характеризовать себя в терминах условного разрушения – временного и видимого, отличного от исходного состояния (изменение погоды, цикличное уменьшение / увеличение размеров небесных тел, воздействие извне). Водное пространство также может быть краткосрочно деформировано под влиянием внешних сил (ветра, транспорта или субъекта), но здесь возможна и метафоризация на базе изменения уровня воды до полного исчезновения объекта. Данный вывод применим к метафорам, основанным на физических свойствах пространства. Однако в эсхатологическом дискурсе (например, библейские или экокатастрофические нарративы) разрушение водной / воздушной среды приобретает черты абсолютной необратимости, что требует отдельного анализа.

Физическое разрушение как источник метафор символической утраты целостности

Реальное физическое разрушение может стать источником образа нематериальной деформации – внутреннего кризиса, разрыва связей, чувств потерянности и утраты. Использование для создания метафор пространственных выразителей (руины, сооружения, транспорт) может объясняться тем, что они визуальны конкретны, имплицитно содержат потенциал проявления семантики динамики (разрушение – восстановление), нередко имеют культурные и символические коннотации. Так, экзистенциальный кризис выража-

ется в образах грандиозных, но разрушенных локаций: *мы пепел храма; руины Смысла бытия; на руинах личной башины; во мне погибает империя; если ты разрушен; извлечь себя из-под обломков*. Хрупкость времени и памяти эксплицируют схожие деформированные, чаще неконкретные локации: *руины бывшего лета, на обломках разрушенной памяти, в развалинах памяти роюсь*. Разрыв связей между людьми, эпохами или состояниями воплощается в стёртых метафорах сожжённых или расшатанных мостов. Изначально положительные состояния и чувства в контексте разрушения могут быть выражены в образах повреждённых или непригодных для эксплуатации пространственных объектов (*твой дырявый ковчег, наш корабль любви на запчасти, любовь* (как дом. – Н. В.) *можно на слом*). Таким образом, метафоры нематериального разрушения становятся инструментами концептуализации кризиса, иносказательность восполняет то, что не может быть отражено посредством прямых номинаций. Так, кризис чувств и утрата связей осмысляются через пространственный опыт.

Сопоставительный анализ метафор разрушения в поэтических текстах СФО, ЮФО и новых регионов РФ

Метафоры нарушения пространственной целостности в изученных региональных текстах отражают негативный опыт (войны, конфликты, экологические катастрофы) и уязвимость пространства (городского, природного, национального) (табл. 1).

Несмотря на разный региональный контекст, иносказательные конструкции такого типа в текстах ЮФО, СФО и НР объединяют: антропоморфизация пространства (земля, города и природа отождествляются с живыми существами, разрушение локации часто соотносится с телесными травмами), эксплуатация терминов насильственного повреждения при характеристике явлений иного порядка в воздушной и водной сферах, религиозные

Таблица 1 / Table 1

Специфика метафор разрушения по регионам в соответствии с ключевыми аспектами / Specifics of Destruction Metaphors by Region According to Key Aspects

Регион Аспект	ЮФО	СФО	НР
1. Семантический (доминирующие смыслы)	Историческая память, последствия войны, разрушенные города, раненый ландшафт, сакрализация пространства – <i>разрушение как историческая жертва</i>	Природная и техногенная катастрофа, заброшенность, метафизическое разрушение, холод и одиночество – <i>разрушение как экологический и экзистенциальный кризис</i>	Война, раненые города, кровоточащая земля, сопротивление – <i>разрушение как физическое и моральное зло текущей войны</i>
2. Когнитивный (основные метафорические модели)	Город – воин, город – жертва, архитектура и ландшафт – израненное тело	Природа – жертва цивилизации, пространство – живая сила	Разрушенные города – память и боль, земля – тело, война – болезнь
3. Лексический	<u>Лексика разрушения:</u> подорванный, разбитый, пробитый, треснуло, расколота, опалённая, обгоревшие, выцвела, побитый, прохуdivшийся. <u>Разрушаемые локации:</u> небо, река, ерик, земля, степь, страна, окраины, город, дом, храм, окна. <u>Усиливающие компоненты:</u> неодолимый, глухие, фосфорные, чёрные, мёртвый, рваные, дырявые, брюхом кверху	<u>Лексика разрушения:</u> искалечена, разрезает, расстреляли, распорото, сожжены, разобрать, разрывает, рассыпается, склевала. <u>Разрушаемые локации:</u> небосвод, небо, земля, речка, тайга, лес, город, села, просёлок, аллея, мост, дороги, улицы, дома. <u>Усиливающие компоненты:</u> ослепшие, мёртвая, больная, полуживые, зияющая, убитый, неприступной, беспомощно, хрупки, многострадальные	<u>Лексика разрушения:</u> кровоточит, распоротые, обугленные, разорённая, разрушенная, рваная, разрезал, вымер, перебинтованная, пробитый, разорвали, расплавлено, переломанные. <u>Разрушаемые локации:</u> небо, земля, степь, терриконы, нагорья, скалы, страна, город, Мариуполь, Донецк, дома, храм, дворики. <u>Усиливающие компоненты:</u> перебинтованная, бездыханное, рваные, саднят
4. Этнолингвистический (культурные коды и символы)	Православие (<i>храм, окна домов – раны в руках Христа</i>), исторические реалии (<i>неодолимый волжский город, монгольские кони топчут грудь степи, серпом и молотом страна расколота</i>), местные локации (<i>ерик, Поволжье, степь</i>)	Сибирский анимизм (<i>кричит тайга, лес бинтует мхом ожоги</i>), абстрактные символы разобщения (<i>мир рассыпается, пространство гнёт и плющит, мостик к прошлому расшитан</i>), местные локации (<i>лес, тайга</i>)	Конкретные военные объекты (<i>линия фронта, окоп, воронки, миномёт, железные птахи</i>), ойконимы (<i>Донецк, Горловка, Луганск, Широкино, Мариуполь</i>), местные локации (<i>скалы, нагорье, кряж, терриконы, степь</i>)
5. Лингвопрагматический (потенциальные коммуникативные цели)	Героизация прошлого, консолидация вокруг исторической памяти, оправдание жертвенности	Привлечение внимания к экологическим проблемам, рефлексия о времени, критика социальной отчуждённости и разобщения	Документирование военных преступлений, мобилизация сопротивления, поиск международной поддержки

и мифологические аллюзии (сакрализация боли); в контекстах может присутствовать как потенциал восстановления пространства (созидательный компонент), так и мотив необратимости разрушения.

Метафоры ЮФО часто связаны с урбанистическими повреждениями: мёртвый город, обгоревшие здания, город под прицелом. В них прослеживается связь с конкретными историческими событиями, например Сталинградской битвой. Нарушение целостности может выступать и религиозным символом предзнаменования несчастий – «Храм рухнул незадолго до войны, как будто опустился на колени» (Е. Иванникова. «Александр Невский» // Отчий край. 2021. № 2); апокалипсиса – «Земля разойдётся по швам, словно рвется тетради» (А. Кафтанов. «Заживо» // Отчий край. 2020. № 3); сакрализации «своего» пространства – «Здесь сквозь окна домов, как сквозь раны в руках Христа» (А. Кафтанов. «Письма с причалов» // Отчий край. 2020. № 3). Таким образом, специфика метафор разрушения в поэтических текстах авторов региона состоит в акценте на исторической памяти и героизации подвига.

Тексты СФО преимущественно отражают взаимодействие человека с суровой природой, экологические катастрофы, социальную маргинализацию и философское осмысление хронотопа. В отличие от военной образности ЮФО, здесь преобладают метафоры холода, болезней природы, разрушающего времени и изоляции (дом гниёт, деревни с вервием на вые, Кама в коме, нефтеносные раны, полуживые города). Время и пространство могут быть представлены абстрактными силами, деформирующими реальность: «Тисками времени пространство гнёт и плющит» (Г. Васильев. «Письма из города» // День и ночь. 2020. № 5). Таким образом, Сибирь оказывается пространством, в котором происходит как физическое разрушение (результат намеренного / ненамеренного насилия со стороны человека), так и экзистенциальное.

Метафорические единицы в поэзии новых регионов РФ отражают непосредственные последствия вооружённого конфликта, рефлексию над травмирующим событием разрушения и сопротивление. Доминирует лексика военных разрушений (руины, обугленные, разорванные и др.) и телесных повреждений или недостатков (*терриконы с саднящими боками, осы воронок, кровотечение земли, раненые дворы*). Метафоры здесь эмоционально заряжены, часто связаны с конкретными городами (Донецк, Горловка, Мариуполь) и событиями текущего конфликта. Так, в иносказательных единицах из текстов новых регионов РФ наблюдается не столько героизация прошлого (как в ЮФО) или философское принятие (как в СФО), сколько связь с видимым и осязаемым нарушением пространственной целостности вследствие актуальных военных действий.

Необходимо также отметить, что метафоры разрушения в текстах всех трёх регионов в той или иной степени отражают последствия войн, естественной деформации, экологических катастроф и цивилизационных процессов. В данной работе предпринята попытка анализа совокупного иносказательного образа нарушения целостности для каждого из регионов. Основное внимание уделено ключевым метафорическим схемам, посредством которых возможно объяснение этих процессов.

Заключение

Метафоры нарушения пространственной целостности в поэзии ЮФО, СФО и новых регионов РФ становятся средством осмысления кризисных явлений – экологических катастроф и военных конфликтов. Они фиксируют физическое разрушение, и переводят его в символический план, отражая травмы и надежды общества. Региональные различия в использовании этих метафор показывают, как локальный исторический опыт формирует уникальные образные системы, сохраняя память о пережитых потрясениях и пред-

лагая пути их художественного преодоления.

Метафоры пространственного разрушения функционируют в рамках бинарной оппозиции «хаос / космос» и тесно связаны с концептами созидания, трансформации и кризиса. В поэтических текстах разрушение может быть физическим (разрушенные города, загрязнённые водоёмы, раненые ландшафты) и символическим (распад социальных связей, экзистенциальный кризис, утрата идентичности).

Кроме того, была установлена зависимость потенциала построения и воздействующей силы метафоры разрушения от пространственной сферы (небесной, земной или водной), чаще всего выступающей областью цели высказывания.

Метафоры разрушения служат средством отражения социальных кризисов.

В современной поэзии подчёркивается актуальность экологической и военной проблематики. Срез метафор нарушения пространственной целостности создаёт единство, отражающее то, как воспринимается и фиксируется современными поэтами состояние меняющегося мира. В результате выявления региональных различий в восприятии разрушения пространства становится возможным понимание локальной идентичности.

Перспективами исследования могут стать сравнительный анализ с метафорами других регионов РФ, изучение метафор разрушения в контексте посттравматического дискурса и анализ динамики метафор разрушения в зависимости от исторических событий в текстах определённых периодов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Стоянова Е. Метафора сквозь призму лингвокультурной ситуации. Шумен: Епископ Константин Преславски, 2013. 276 с.
2. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живём. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
3. Румянцева М. В. Когнитивные особенности дуального художественного концепта *море-океан* в творчестве Б. В. Шергина // СибСкрипт. 2024. Т. 26. № 1. С. 49–61. DOI: <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-26-1-49-61>.
4. Балашова Л. В. Русская метафорическая система в развитии: XI–XXI вв. М.: Рукописные памятники Древней Руси; Знак, 2014. 632 с.
5. Шмелёв А. Д. В поисках мира и лада // Ключевые идеи русской языковой картины мира: сборник статей. М.: Языки славянской культуры, 2005. С. 110–132.
6. Каримова Г. Т. Прагматика глаголов разрушения и созидания в дискурсе медицинской рекламы // Учёные записки Казанского университета. 2011. Т. 153. Кн. 6. С. 212–218.
7. Горбань О. А. Древнерусские глаголы движения в системе языка и в тексте. Волгоград: Волгоградский государственный университет, 2002. 332 с.
8. Гаврилова В. И. Квазипассивное значение русских возвратных глаголов как отражение закономерного, извечно данного порядка вещей // Логический анализ языка. Космос и хаос: Концептуальные поля порядка и беспорядка. М.: Индрик, 2003. С. 256–285.
9. Киро-Хервилья Э. Словообразовательные особенности глаголов физического преобразования в русском языке // Логический анализ языка. Космос и хаос: Концептуальные поля порядка и беспорядка. М.: Индрик, 2003. С. 356–365.
10. Здановская Л. Б., Исаева Л. А. Историческая фактуализация теории оппозитивности (на примере дихотомии Созидание – Разрушение) // Современные исследования социальных проблем. 2023. Т. 15. № 1. С. 171–186. DOI: [10.12731/2077-1770-2023-15-1-171-186](https://doi.org/10.12731/2077-1770-2023-15-1-171-186).
11. Здановская Л. Б. Лингвоаксиологические основы концептуальной оппозитивности (на примере дихотомии созидание / разрушение) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16. № 7. С. 2205–2213. DOI: [10.30853/phil20230342](https://doi.org/10.30853/phil20230342).
12. Здановская Л. Б. Репрезентация концептуальной оппозитивности в персонифицированной модели языковой личности // Современные исследования социальных проблем. 2023. Т. 15. № 2. С. 219–234. DOI: [10.12731/2077-1770-2023-15-2-219-234](https://doi.org/10.12731/2077-1770-2023-15-2-219-234).
13. Balkhimbekova P. Zh., Zhumay N. Semantics and Functioning of Phraseological Phrases with the Components “Create / Destroy” (создавать / разрушать) in Russian // Bulletin of Karaganda University.

Philology Series. 2025. Vol. 30. № 1 (117). P. 27–41. DOI: <https://doi.org/10.31489/2025ph1/27-41>.

14. Вишнякова Н. М. Виды метафорических основ сходства в конструкциях с пространственными компонентами // Девятые Моисеевские чтения: материалы Международной научной конференции, посвящённой памяти кандидата филологических наук, доцента Бориса Александровича Моисеева (Оренбург, 22 ноября 2024 г.). Оренбург: Оренбургская книга, 2025. С. 66–70.

REFERENCES

1. Stoyanova, E. (2013). *Metaphor through the Prism of the Linguistic-Cultural Situation*. Shumen: Bishop Konstantin Preslavski publ. (in Russ.).
2. Lakoff, G. & Johnson, M. (2004). *Metaphors We Live By*. Moscow: Editorial URSS publ. (in Russ.).
3. Rumyantseva, M. V. (2024). Cognitive Features of the Bipolar Artistic Concept of *Sea-Ocean* in B. V. Shergin's Works. In: *SibScript*, 26 (1), 49–61. DOI: <https://doi.org/10.21603/sib-script-2024-26-1-49-61> (in Russ.).
4. Balashova, L. V. (2014). *Development of the Russian Metaphorical System: 11th–21st Centuries*. Moscow: Rukopisnye pamyatniki Drevnei Rusi publ.; Znack publ. (in Russ.).
5. Shmelev, A. D. (2005). In Search for Peace and Harmony. In: *Key Ideas of the Russian Linguistic Picture of the World*. Moscow: Yazyki slavyanskoi kultury publ., pp. 110–132 (in Russ.).
6. Karimova, G. T. (2011). Pragmatics of Verbs Meaning Destruction and Creation in the Discourse of Medical Advertising. In: *Scientific Notes of Kazan University*, 153 (6), 212–218 (in Russ.).
7. Gorban, O. A. (2002). *Old Russian Verbs Meaning Motion in the Language System and in the Text*. Volgograd: Volgograd State University publ. (in Russ.).
8. Gavrilova, V. I. (2003). Quasi-Passive meaning of Russian Reflexive Verbs as a Reflection of the Lawful, Eternally Given Order of Things. In: *Logical Analysis of Language. Cosmos and Chaos: Conceptual Fields of Order and Disorder*. Moscow: Indrik publ., 256–285 (in Russ.).
9. Kero-Hervilya, E. (2003). Word-Formation Features of Verbs Meaning Physical Transformation in Russian. In: *Logical Analysis of Language. Cosmos and Chaos: Conceptual Fields of Order and Disorder*. Moscow: Indrik publ., pp. 356–365 (in Russ.).
10. Zdanovskaya, L. B. & Isaeva, L. A. (2023). Historical Factuality of the Opposition Theory (On the Example of the Creation – Destruction Dichotomy). In: *Russian Social and Humanitarian Studies*, 15 (1), 171–186. DOI: 10.12731/2077-1770-2023-15-1-171-186 (in Russ.).
11. Zdanovskaya, L. B. (2023). Linguistic-Axiological Foundations of Conceptual Opposition (Based on the Creation / Destruction Dichotomy). In: *Philology. Theory & Practice*, 16 (7), 2205–2213. DOI: 10.30853/phil20230342 (in Russ.).
12. Zdanovskaya, L. B. (2023). Representation of Conceptual Opposition in the Personified Model of Linguistic Personality. In: *Modern Studies of Social Issues*, 15 (2), 219–234. DOI: 10.12731/2077-1770-2023-15-2-219-234 (in Russ.).
13. Balkhimbekova, P. Zh. & Zhumay, N. (2025). Semantics and Functioning of Phraseological Phrases with the Components “Create / Destroy” (sozdavat' / razrushat') in Russian. In: *Bulletin of Karaganda University. Philology Series*, 30, 1 (117), 27–41. DOI: <https://doi.org/10.31489/2025ph1/27-41> (in Russ.).
14. Vishnyakova, N. M. (2025). Types of Metaphorical Bases of Similarity in Constructions with Spatial Components. In: *The Ninth Moiseev Readings: Proceedings of the International Scientific Conference dedicated to the memory of Cand. Sci. (Philology)*, Assoc. Prof. Boris Aleksandrovich Moiseev (Orenburg, November 22, 2024). Orenburg: Orenburg Book publ., pp. 66–70 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Вишнякова Надежда Михайловна (г. Волгоград) – аспирант кафедры русской филологии и журналистики Волгоградского государственного университета;
ORCID: 0009-0003-3408-0395; e-mail: nadinvishnyakova@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vishnyakova N. Mikhaylovna (Volgograd) – Postgraduate Student, Department of Philology and Journalism, Volgograd State University;
ORCID: 0009-0003-3408-0395; e-mail: nadinvishnyakova@yandex.ru

Научная статья

УДК 81'2

DOI: 10.18384/2949-5008-2026-1-60-70

ПОГРЕБАЛЬНО-ПОМИНАЛЬНАЯ ОБЯДНОСТЬ СТАРООБЯДЦЕВ СЕЛА КУНИЧА (МОЛДОВА) В ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Войтенко А. В.¹, Подлеснова Р. И.^{2,3*}

¹Государственный университет просвещения, г. Москва, Российская Федерация

²Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана, г. Москва, Российская Федерация

³Московский государственный лингвистический университет, г. Москва, Российская Федерация

*Корреспондирующий автор, e-mail: rufin.porowi4@yandex.ru

Поступила в редакцию 25.08.2025

После доработки 17.10.2025

Принята к публикации 30.10.25

Аннотация

Цель. Дать этнолингвистическое описание погребально-поминального обряда старообрядцев села Кунича (Молдова), исследовать специфику лексикографической фиксации церковной и народной терминологии ритуала (допогребальные действия, похоронный день, цикл поминовения).

Процедура и методы. Исследование основано на полевых записях интервью с носителями идиома и культурной традиции (июль – август 2022 и 2023 гг.). Применены методы лингвистического анализа (семантический, сопоставительный) диалектной лексики и этнографической реконструкции обрядовых особенностей. Отмеченная лексика была рассмотрена в историческом и диалектном аспектах с привлечением сведений словаря И. И. Срезневского как единственного из существующих словарей, содержащего сведения о лексемах всего алфавитного списка, а также лексика погребального обряда села Кунича изучена с привлечением обширных данных региональных диалектных словарей.

Результаты. Дано последовательное описание архаичного и строго регламентированного погребально-поминального обряда, включающее допогребальные действия – исповедь, чтение отходной, приготовление тела к погребению (обмывание, одевание умерших, приготовление савана, положение во гроб), чтение Псалтыри, похоронный день – вынос тела, приношение кутии, обряд последнего целования, прощальная грамота – и цикл поминовения (третинки, девятинки, сороковой день, годовщинки). Выявлена высокая степень сохранности обряда, обусловленная культурной замкнутостью, характерной для старообрядческого населения в отношении иноэтнического и иноконфессионального окружения. Установлено, что большая часть проанализированной обрядовой лексики (например, *божница*, *гайтан*, *кут*, *могилки*, *рушник*) широко представлена в современном сводном диалектном словаре (СРНГ), а также в словарях донских, орловских, смоленских и курских говоров, что указывает на её принадлежность к общерусскому диалектному фонду.

Теоретическая и/или практическая значимость. Исследование восполняет пробел в изучении погребально-поминальной обрядности куничских старообрядцев, обогащая общий массив актуальных сведений для диалектологии и этнолингвистики. Полученные данные вносят существенный вклад в изучение географии русских говоров, подтверждая южнорусское происхождение старообрядцев Куничи, и демонстрируют глубокую взаимосвязь языка и культуры в условиях консервации архаичных форм. Практическая значимость исследования связана как с развитием этнолингвистики, её научным изучением, так и с преподаванием диалектологии, лексикологии, этнографии и этнолингвистики в высшей школе.

Ключевые слова: диалектная лексика, Кунича, погребальный обряд, русские старообрядцы, этнолингвистическое описание, южнорусские говоры

Для цитирования:

Войтенко А. В., Подлеснова Р. И. Погребально-поминальная обрядность старообрядцев села Кунича (Молдова) в этнолингвистическом аспекте // Отечественная филология. 2026. № 1. С. 60–70. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2026-1-60-70>.

Original research article

THE FUNERAL AND MEMORIAL RITES OF THE OLD BELIEVERS LIVING IN KUNICHA VILLAGE (MOLDOVA) FROM AN ETHNOLINGUISTIC PERSPECTIVE

A. Voytenko¹, R. Podlesnova^{2,3*}

¹*Federal State University of Education, Moscow, Russian Federation*

²*Bauman Moscow State Technical University, Moscow, Russian Federation*

³*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation*

**Corresponding author, e-mail: rufin.popowi4@yandex.ru*

Received by the editorial office 25.08.2025

Revised by the author 17.10.2025

Accepted for publication 30.10.2025

Abstract

Aim. To provide an ethnolinguistic description of the funeral and commemoration rites of the Old Believers of Kunicha village (Moldova), to investigate the specifics of lexicographic fixation of the church and folk terminology of the ritual (pre-burial actions, the funeral day, and the cycle of commemoration).

Methodology. The study is based on field interview notes with native speakers of the idiom and cultural tradition (July – August 2022 and 2023). Methods of linguistic analysis (semantic, comparative) of dialect vocabulary and ethnographic reconstruction of ritual features were applied. The noted ethnographic lexicon was examined in its historical and dialectal aspects, drawing on information from I. I. Sreznevsky's Dictionary (*Slovar' drevnerusskogo yazyka*), as the only existing dictionary that contains data on the lexemes across the entire alphabetical list of picked vocabulary. Additionally, the vocabulary of the funeral rite in the Kunicha village was studied using extensive data from regional dialectal dictionaries.

Results. A sequential description of the archaic and strictly regulated funeral and commemoration rite is provided. This includes pre-burial actions such as confession, reading the *otkhodnaya* prayer (prayer for the departing soul), preparation of the body for burial (washing, dressing the deceased, preparing the shroud, placing in the coffin), and reading of the Psalter. It also covers the proceedings of a funeral day such as the removal of the body, the offering of kutia, the ritual of the last kiss, the farewell letter (or "commemorative epistle"), and the commemoration cycle (*tretinki*, *devyatinki*, *the fortieth day*, and *godovshchinki* (anniversaries)). A high degree of ritual preservation was identified, which is attributed to the cultural isolation characteristic of the Old Believer population in relation to their surrounding interethnic and interconfessional environment. It was established that most of the analyzed ritual vocabulary (e. g., *bozhnitsa*, *gaytan*, *kut*, *mogilki*, *rushnik*) is widely represented in the modern consolidated dialect dictionary, as well as in the dictionaries of Don, Oryol, Smolensk, and Kursk dialects, indicating its affiliation with the general Russian dialectal background.

Research implications. The research fills a gap in the study of the funeral and memorial rites of the Kunicha Old Believers, enriching the overall body of current information for dialectology and ethnolinguistics. The data obtained make a significant contribution to the study of the geography of Russian dialects, confirming the Southern Russian origin of the Kunicha Old Believers, and demonstrate the

deep interconnection of language and culture in the context of the preservation of archaic forms. The practical significance of the research is related both to the development and scholarly study of ethno-linguistics and to the teaching of dialectology, lexicology, ethnography, and ethnolinguistics in higher education institutions.

Keywords: dialectal vocabulary, Kunicha, funeral rite, Russian Old Believers, ethnolinguistic description, Southern Russian dialects

For citation:

Voytenko A. V. & Podlesnova, R. I. (2026). The Funeral and Memorial Rites of the Old Believers Living in Kunicha Village (Moldova) from an Ethnolinguistic Perspective. In: *Russian Studies in Philology*, 1, 60–70. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2026-1-60-70>.

Введение

Старообрядцы села Кунича (Республика Молдова) представляют собой уникальную этноконфессиональную группу, сохранившую в своём обиходе архаичные формы русского языка и традиционной обрядности. Их переселение в Молдову связано с гонениями на приверженцев «старой веры» в результате церковного раскола XVII в., однако точное время появления в нынешней локации и регион исхода остаются дискуссионными. Современные жители Куничи поддерживают дораскольные религиозные обряды и сохраняют сложившийся идиом, что делает их ценным объектом для этнолингвистических исследований. Исследователь Н. В. Абакумова-Забунова отмечает в своей монографии об истории с. Кунича: «Опыт сопротивления репрессивному государственному аппарату, внутренний свободолобивый дух и изолированное расселение веками вырабатывали у жителей Куничи традиции самоорганизации и самоуправления, а минимизация контактов с окружающим населением (культурная самоизоляция, свойственная всем старообрядческим группам – А. В., Р. П.) вела к консервации традиционной их материальной и духовной культуры, к формированию особых черт семейного и бытового уклада...» [1, с. 4] Примерами работ, описывающих консервацию языка и культуры в условиях иноязычного окружения или изоляции в связи с удалённостью от центров культуры, являются книга О. Г. Ровновой «Старообрядцы Южной Америки: очерки истории, культуры, язы-

ка» [2], коллективная монография исследователей Вологодского государственного университета «Режа: этнолингвистическое описание севернорусского идиома» [3].

Несмотря на существующие работы по говору и культуре куничских старообрядцев [1; 4–7], погребально-поминальная обрядность данной этноконфессиональной группы изучена фрагментарно. Уникальность локальной традиции заключается в:

- сохранении архаичной лексики и ритуальных формул;
- отсутствии влияния молдавского / украинского окружения на обрядовый комплекс;
- слабой документированности диалектных особенностей.

Актуальность исследования состоит в восполнении существующего пробела, этнолингвистическом описании обряда с опорой на полевые данные.

Научная новизна этой работы заключается в том, что анализ нового диалектного материала в системном описании лексики погребального обряда диалекта села Кунича вписывает его в общую картину южнорусских говоров.

Цель статьи – дать этнолингвистическое описание погребально-поминального обряда старообрядцев села Кунича (Молдова), исследовать специфику лексикографической фиксации церковной и народной терминологии ритуала (допогребальные действия, похоронный день, цикл поминовения).

Материал для исследования является результатом собственных (Р. П.) поле-

вых записей в селе июле – августе 2022 и 2023 гг. в формате интервью с местными жителями села Кунича.

В представленном исследовании применены следующие методы:

1) *лингвистический анализ* – обработка диалектной лексики с использованием лексикографического метода;

2) *этнографическая реконструкция* – сопоставление обрядовых особенностей с историческими данными о возможных регионах исхода (труды Н. В. Абакумовой-Забуновой, Л. Л. Касаткина).

Существует несколько версий о **происхождении куничских старообрядцев**.

1. Л. Л. Касаткин относит диалектные черты, характеризующие куничский говор, к Юго-Западной диалектной зоне, а именно к говорам, распространённым на территории Белгородской, Калужской, Смоленской, Брянской, Орловской, Курской и Воронежской областей [5].

2. Н. В. Абакумова-Забунова, следуя устной традиции куничан, говорит о распространённости фамилии *Донцов*, что может быть результатом переселения с казаками в XVIII в. с Дона [1].

Структура погребального обряда

Погребально-поминальный обряд старообрядцев села Кунича представляет собой сложный комплекс ритуальных действий, который можно разделить на три ключевых этапа: подготовка умершего к захоронению, непосредственно похороны и цикл поминовения после погребения.

Допогребальные действия. Подготовка умершего начинается с момента кончины с особым вниманием к ритуальной чистоте и готовности к переходу в иной мир. Важным требованием является исповедь, без которой, как считают старообрядцы, священник не сможет провести погребение: «О том, что касается кончины нашей, страшной и неотвратимой, должны мы заботиться непрестанно и во всякое время».¹ Если человек умер без покаяния, т. е. не был

на исповеди в последние три года, традиционный чин погребения не совершается немедленно: «Если человек умер без исповеди, без покаяния, то не хоронили, до разбира дела. Но потом проходило время, разбиралися, и потом погребение служили. Это отслуживалось не сразу, а определённое время проходило, могло и 20 лет пройти» (2023 г., Попович Т. Л.). При приближении смерти у постели больного читают специальный канон, называемый *отходная*, для чего необходимо получить благословение у священника, а затем найти того, кто будет читать молитву: «Нужно у батюшки благословиться. Потом шукאות, кто будет читать» (2023 г., Попович Т. Л.).

Непосредственно после смерти осуществляются обряды *обмывания* тела, закрытия глаз умершего, что должно быть сделано оперативно, пока тело сохраняет податливость. Для этого на пол в доме умершего стелют солому или чистую клеёнку, устанавливают стул, на который помещают тело. Обмывание производится тёплой водой без мыла, с использованием соломы (сегодня часто губки). Обмывать покойного не могут кровные родственники, эту функцию обычно выполняют соседи. После обряда все использованные предметы (солома, посуда) подлежат уничтожению: «Когда человек умер, надо делать обмывание, потом одеть чистое. Кровным нельзя. Просят тех, кто постарше. В гроб кровные тоже не могут опускать. Когда обмывают, содуют на стуло, плёночку подстилают, надо вообще солому. Раньше соломой мыли, а щас губкой новой. Без мыла, тёплой водичкой. Потом всё это надо спалить. Воды очень мало, она соломой впитывается, потом солому спалить. А посуда должна быть новой, её потом разбивали и уничтожали (закапывали или на речку выбрасывали)» (2023 г., Лысова М. К.). Строго соблюдается гендерное разделение: тело мужчины обмывают мужчины, тело женщины – женщины.

После обмывания на покойника надевают крест с *гайтаном* и *смертёное* – погребальную одежду светлых, предпочтительно белых, тонов. Одежда должна быть

¹ Панихидник. М.: Издание старообрядческой митрополии, 1994. С. 6.

новой и чистой, что символизирует начало новой, блаженной жизни.¹ Женщинам, состоявшим в браке, волосы заплетаются в две косы, укладываемые вокруг головы, девицам – в одну косу. Женщины облачают в длинную, до пят, свободную рубашку белого цвета, символизирующую чистоту перехода в загробную жизнь: «Эта рубашка должна быть только белая. Человек переходит в другую жизнь. Когда человек родится, его крестят во всём белом. Потом он женится, выходит замуж, переходит в другую жизнь, обратно всё белое, а третья загробная жизнь начинается тоже во всём белом» (2022 г., Подлеснова А. И.); а также сарафан (желательно светлый): «Сарафан тоже желательнее светлый, но у кого, что есть, то и приносят, я уже не перебираю, шью» (2022 г., Подлеснова А. И.); сшитые тапочки с носками. Мужчины одеваются в рубашку, брюки, носки и тапочки. Головной убор для женщины зависит от её статуса: на замужних и венчанных надевают чепчик (маленький платок на завязках, кичка) и поверх него белый платок, закрывающий плечи и грудь; невенчанных покрывают только платком: «На покойницу надевают чепчик, именно на тех, кто был замужем и венчанный. А кто не венчанный, если не благословлённый голову покрывать, то только платок» (2022 г., Подлеснова А. И.).

Поверх всей одежды на тело надевают саван – большое белое полотно с вырезами для ног и лица. Руки умершего складывают крестообразно на груди (правая поверх левой), пальцы обеих рук – как для крестного знамения (что является обычным положением рук у старообрядцев при принятии церковных святынь) между средним и безымянным пальцем левой руки помещается лестовка. Саван обвивают лентой трижды, образуя три креста (на груди, бёдрах и коленях). На лоб кладут венчик с тремя крестами и молитвой. Поверх савана кладут крышку – большое полотно, полностью закрывающее тело.

После подготовки тела происходит *вогробположение* – укладывание покойника

в деревянный гроб, который устанавливается лицом к иконам. На грудь кладут крест или икону. Обряд вогробположения может совершаться в любое время, однако «*батюшка вычитывает*» молитвы либо в этот момент, либо перед погребением в церкви: «*У гроб можно положить в любое время, но вогробположение батюшка вычитывает. Может кто-то другой из церкви прийти, только переложить в гроб, а батюшка потом перед погребением в церкви вычитывает молитву*» (2023 г., Лысова М. К.). Весь период до погребения над усопшим непрерывно читают Псалтырь, обычно тремя чтецами, сменяющими друг друга каждые три часа. Могила начинают копать сразу после смерти, предварительно получив благословение у священника: «*Могилку сразу копают, тоже у батюшки надо благословиться*» (2023 г., Лысова М. К.).

Среди запретов и предписаний, регулирующих погребальные действия, выделяется запрет на оплакивание умершего: «*Оплакивать не принято. Говорят, что нельзя причитать. Если человеку тяжело, он плачет, как же. Но вот так чтобы специально, причитать, голосить, нельзя*» (2023 г., Лысова М. К.); «*Чего не плакать нам? Плакать как бы можно, никто не запрещает, но не голосить, не приговаривать, не причитать, потому что мы же идём о надежды, из этой жизни у тую. Когда идёт погребение, ешь аб етом и у стихерах, и у Апостоле, и у Евангелии, и там написано, что молвити пустошное, зачем вы пустое говорите, покойник говорить вам, что помолитесь за mine. Ето ешь у панафиднике*» (2023 г., Подлеснова А. К.); «Содержание церковного чина погребения не усиливает скорбь, не возбуждает безмерного плача, но вселяет надежду на будущее воздаяние праведным, а нас, грешников, побуждает следовать по их скорбному, но спасительному пути».² Обряд голошения имеет славянские корни. Народная традиция причитаний (голошений) рассматривается как ритуальный акт с магической силой, в них выражается вера

¹ Панихидник. М.: Издание старообрядческой митрополии, 1994. С. 13.

² Там же. С. 19.

в способность причитаний устанавливать связь с умершими; оплакивание строго регламентировано по времени, субъекту и продолжительности, чтобы не навредить ни живым, ни мёртвому: «В вербальном тексте самих голошений есть свидетельства веры в магические свойства этого ритуального акта, в частности в возможность коммуникации с умершим, которого оплакивают, и с умершими раньше родственниками» [8, с. 168]. Таким образом, запрет старообрядцами обряда голошения свидетельствует о том, что в ритуалах они опираются на книжность, а не на устную народную традицию. Этнографические сведения о погребальных традициях восточных славян выделяют причитания в особый обязательный элемент обряда. Так, похороны в украинских сёлах сопровождались причитаниями, «иногда на похороны приглашали плакальщиц»¹, в монографии В. С. Бузина, посвящённой южнорусской обрядности жизненного цикла, выделен целый раздел «оплакивание», содержащий сведения о чёткой жанровой структуре и ритуальной привязке погребального причета, а также – указание на определённые дни, предшествующие и последующие после погребения, в которые должны были звучать данные тексты [9, с. 543].

Кроме того, существует запрет на использование зеркал в доме умершего, при этом зеркала закрывают, «*Отражения покойника чтобы не было, зеркала закрываем*» (2023 г., Лысова М. К.). После похорон стены в комнате, где лежал покойный, белят или красят: «*Потом побелить у хати надо, хотя бы тое место, где человек лежал, когда человек умирает, как будто бы все стены в крови, легенда такая, а фактически не знаю*» (2023 г., Лысова М. К.). Бытует также запрет смотреть на покойника или в дом, где он находится, через окно: при виде процессии необходимо выйти на улицу, помолиться и сказать: «Простите».

Похоронный день. Похоронный день начинается с выноса тела из дома и его

процессии к церкви под пение молитвы «Святый Боже». Важным элементом церковного чина погребения является приношение *кутий* – варёных зёрен пшеницы с мёдом, которая устанавливается на специальном столе с Крестом. *Кутия* символизирует воскресение мёртвых и наслаждение праведных в Царствии Божиим: «Пшеница прообразует собою воскресение мёрвых: как пшеничное семя, брошенное в землю, не погибает, но вновь возрастает и приносит плод, так и жившие в вере и благочестии и погребённые снова воскреснут для жизни вечной. Сладость мёда напоминает о наслаждении и веселии праведных в Царствии Божиим».² В таком важном этапе погребальной обрядности, как вынос тела, также наблюдается аскетизм и лаконичность, не свойственные соседствующей украинской традиции (русское село Кунича практически вплотную граничит с украинским селом Пояна), в которой предпринимается по пути из дома во двор, из двора на улицу целый ряд действий, ритуально нейтрализующих негативное воздействие произошедшей смерти.³

Кульминацией церковного чина является обряд последнего целования. Во время пения *стихеры* все по очереди подходят к гробу, кланяются и целуют умершего в *венчик*. По окончании обряда священник читает разрешительную молитву с листа, называемого *рукописанием*, на котором записывает своё имя и имя усопшего. Сложенный лист помещается в правую руку умершего. Погребальные причитания в Куниче не приняты, более того, считается, что «нельзя причитать» (2023 г., Лысова М. К.).

Поминальная обрядность. После погребения обрядность переходит в фазу поминовения, имеющую чёткую периодизацию. В день похорон по возвращении с кладбища совершаются поминки. В отличие от южнорусской традиции, на могиле не употребляется никакая пища, также в

¹ Бузин В. С. Этнография восточных славян: учебное пособие. 2-е изд., и доп. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; Нестор-История, 2012. С. 121.

² Панихидник. М.: Издание старообрядческой митрополии, 1994. С. 19.

³ Бузин В. С. Этнография восточных славян: учебное пособие. 2-е изд., и доп. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; Нестор-История, 2012. С. 120.

дни поминовения усопших не оставляет-ся на могиле еда [9, с. 602]. Исключением является пасхальное угощение – кулич и крашеные яйца, их оставляют непосредственно в праздничный день после службы, произносят в адрес покойных приветствие: «Христос Воскресе!» Ближе к вечеру дети и неимущие разбирают эти гостинцы, таким образом осуществляется милостыня в память усопшего. Следующими этапами являются обрядовые действия на третий, девятый и сороковой день, которые в Куниче называют *третинки*, *девятинки* и *сорок дней*. Эти дни имеют глубокое символическое значение: поминовение на третий день связано с верой во Святую Троицу, переходом умершего к Триипостасному Божеству и трёхдневному воскресению Христа. Поминки на девятый день совершаются в честь девяти ангельских чинов. Сороковой день поминовения ассоциируется с Вознесением Христа на сороковой день после Воскресения. Помимо этих дат, покойного принято поминать через полгода, а затем ежегодно – *годовищники*. В диалектных словарях южнорусских говоров фиксируются лексемы *девятинны*, *третинны*, в Куниче же бытуют диалектные диминутивные дериваты: *девятинки*, *третинки*.

Лексика поминального обряда

Божница / божничка, венчанный, встрёнутъ, гайтан / гайтанчик, обед, девятинки / девятинны, каганец, кликать, крылос, кут, лампат, лампатик, могилки, небожчик, обмывальщик, петеньё, рукописание, рушник, ряд, саван, смертённый, страва, стряпать, стряння, стряпуха, третинки / третинны, церква.

Отмеченная этнографическая лексика была проанализирована с привлечением сведений существующих словарей южно-русских говоров.¹

Проведённый анализ диалектной лексики, относящейся к погребально-поминальному обряду, позволяет сделать следующие выводы: большая часть проанализированных

словарю. Краснодар: КГУ, 2005. 251 с.; Брянский областной словарь. Брянск: БГУ, 2011. 361 с.; Грязнова В. М. Семантический словарь говора казаков-некрасовцев: с лингвокультурологическим комментарием. Ставрополь: Сервисшкола, 2012. 728 с.; Добровольский В. Н. Смоленский областной словарь. Смоленск: Типография П. А. Силина. 1914. 1022 с.; Кошарная С. А., Алейник А. С., Медведева А. И. Опыт областного словаря белгородчины: дифференциально-сопоставительный. Белгород: Эпицентр, 2017. 300 с.; Ленинов А. К. Донской казачий словарь-лексикон (исторические исследования). Мюнхен: б. и., 1971. 392 с.; Маслов В. Г. Словарь говора Добринки Урюпинского района Волгоградской области. Тула: ТулГУ, 2007. 120 с.; Миртов А. В. Донской словарь: материалы к изучению лексики донских казаков. Ростов-на-Дону: б. и., 1929. 416 с.; Моисеев Б. А. Оренбургский областной словарь. Оренбург: ОГПУ, 2010. 192 с.; Пискунова С. В. Словарь тамбовских говоров (духовная и материальная культура). Тамбов: Изд-во ТГУ, 2002. 281 с.; Попов А. Д. Донское слово Прихоперь: словарь казачьих слов. Волгоград: Принт, 2011. 212 с.; Расторгугев П. А. Словарь народных говоров западной брянщины. Минск: Наука и техника, 1973. 296 с.; Ремчуков В. Н. Толковый казачий словарь. М.: Станица-2, 2022. 208 с.; Романов Д. А., Красовская Н. А. Материалы к словарю тульских говоров. Вып. 1–7. Тула: ТГПУ им. Л. Н. Толстого, 2008–2016; Сердюкова О. К. Словарь говора казаков-некрасовцев. Ростов-на-Дону: Ростовский университет, 2005. 320 с.; Словарь брянских говоров. Вып. 1–5. Л., 1976–1988; Словарь воронежских говоров. Вып. 1–3. Воронеж: ВГУ, 2004–2019; Словарь донских говоров Волгоградской области. Вып. 1–6. Волгоград: ВГИПК РО, 2006–2009; Словарь донских говоров Волгоградской области / под ред. Р. И. Кудряшовой. 2-е изд., перераб. и доп. Волгоград: Издатель, 2011. 704 с.; Словарь кубанских говоров. Армавир: РИЦ АГПУ, 2009. 264 с.; Словарь курских говоров. Вып. 1–7. Курск: КГУ, 2004–2021; Словарь могилёвско-смоленских пограничных говоров. Вып. 1–2. 2017–2019; Словарь орловских говоров. Вып. 1–17. Орёл: ОГУ им. И. С. Тургенева, 1989–2016; Словарь русских донских говоров: в 3 т. Ростов н/Д: б. и., 1975–1976; Словарь русских народных говоров. Вып. 1–49. М., Л., СПб.: Наука, 1965–2016; Словарь смоленских говоров. Вып. 1–11. Смоленск, 1974–2005; Словарь тульских говоров. Вып. 1. Тула: ТГПУ им. Л. Н. Толстого, 2015; Тиханов П. Н. Брянский говор: Заметки из области рус. этнологии. СПб: тип. Имп. Акад. наук, 1904. 263 с.; Ткаченко П. И. Кубанский говор: Опыт авторского словаря. М.: Граница, 1998. 240 с.; Хильманович Г. И. Словарь курских народных говоров. Бирск: б. и., 2017. 228 с.

¹ Баженова Т. Е. Лексика самарских говоров: типологическое и лексикографическое описание. Самара: СГСПУ, 2017. 190 с.; Большой толковый словарь донского казачества. М.: АСТ, 2003. 608 с.; Борисова О. Г. Кубанские говоры: материалы к

лексем присутствует в словарях донских, орловских, смоленских и курских говоров и представляется общенародной. Такие лексемы, как *божница, божничка, встренуть, гайтан, гайтанчик, обед, девятинки, девятины, кут, могилки, рушник и церква*, встречаются в большинстве упомянутых региональных словарей. Например, лексемы *божница, божничка, встренуть, гайтан, гайтанчик, кут, могилки и рушник* зафиксированы в значительном количестве словарей, включая словари донских говоров (представленные двумя изданиями с 16 и 13 лексемами соответственно), орловских говоров (14 лексем), смоленских говоров (14 лексем) и курских говоров (12 и 9 лексем в разных словарях). Это свидетельствует о широком распространении данной лексики в указанных регионах. Термины, непосредственно связанные с поминальными датами, такие как *девятинки, девятины и третинки, третины*, также нашли отражение в словарях этих регионов (например, в донских, смоленских и курских говорах).

В диалектных словарях южнорусских говоров фиксируются лексемы *девятинки, третины*, в Куниче же бытуют диалектные диминутивные дериваты: *девятинки, третинки*.

Третинки, мн. Поминки на третий день после смерти: «Третинки в понедельник будут» (2023 г., Подлеснова А. К., 1961 г. р.); «Третины. 1. Поминки по усопшему на третий день. Самар., Новг., Ленингр., Смол., Урал. 2. Поминки через три недели после смерти кого-либо. Смол., Ряз. 3. Обряд омовения коровы святой водой на третий день после отела. Курск»¹; «Третий день после кончины кого-либо, а также поминовение усопшего в этот день»²; «Третьина. Поминки на третий день по умершим».³

¹ Словарь русских народных говоров. Вып. 45. М.: Л.: СПб.: Наука, 2012, С. 65.

² Словарь донских говоров Волгоградской области. Вып. 5. Волгоград: ВГИПР РО, 2008. С. 381; Словарь смоленских говоров. Вып. 10. Смоленск, 2002. С. 202; Хильманович Г. И. Словарь курских народных говоров. Бирск: б. и., 2017. С. 302.

³ Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 3 / И. И. Срезневский.

Девятинки, мн. Поминки на девятый день после смерти: «Мы у церкви были, девятинки по Костику служили» (2023 г., Попович Т. Л., 1965 г. р.); «Девятины. 1. Девятый день после смерти. Новг., Перм., Урал. 2. Поминки в девятый день после смерти. Костром., Урал. 3. Девять дней. Самар.»⁴; «Обряд. Девятый день после кончины кого-либо, а также поминовение усопшего в этот день»⁵; «Девятины. Поминки по усопшем в девятый день»⁶.

Среди лексики погребально-поминального обряда выделяются диалектизмы, которые можно отнести к семантическим: *могилки, рукописание*.

Могилки. Кладбище: «На мауилки мы на первый день Паски усе ходим, там стихеры наём» (2018 г., Подлеснова А. К., 1961 г. р.); «1. Кладбище: «Схоронили на могилках. Уже лежит на могилках». Южн., Зап., Дон., Кубан., Краснодар., Ставроп., Влад., Костром., Петрогр., Смол., Сталингр., Кемер., Ср. Урал, Новосиб., Каз.-Некр., Краснояр., Иркут., Том., Тюмен., Сиб., Брян. 2. Курганы, место старых захоронений, поросшее деревьями. Твер., Пск., Южн., Зап.»⁷; «Кладбище»⁸.

СПб.: Тип. Императорской акад. наук, 1912. С. 991.

⁴ Словарь русских народных говоров. Вып. 7. М.: Л.: СПб.: Наука, 1972. С. 324–325.

⁵ Словарь донских говоров Волгоградской области. Вып. 2. Волгоград: ВГИПР РО, 2007. С. 26; Словарь донских говоров Волгоградской области / под ред. Р. И. Кудряшовой. 2-е изд., перераб. и доп. Волгоград: Издатель, 2011. С. 135; Романов Д. А., Красовская Н. А. Материалы к словарю тульских говоров. Вып. 5. Тула: ТГПУ им. Л. Н. Толстого, 2013. С. 55; Словарь курских говоров. Вып. 3. Курск: КГУ, 2011. Вып. 3. С. 77; Словарь смоленских говоров. Вып. 3. Смоленск: СГПИ, 1982. С. 112; Словарь могилёвско-смоленских пограничных говоров. Вып. 1. Могилёв: МГУ имени А. А. Кулешова, 2017. С. 116; Баженова Т. Е. Лексика самарских говоров: типологическое и лексикографическое описание. Самара: СГСПУ, 2017. С. 54; Словарь воронежских говоров. Вып. 2. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2007. С. 12; Словарь тульских говоров. Вып. 1. Тула: ТГПУ им. Л. Н. Толстого, 2015. С. 199.

⁶ Словарь русских народных говоров. Вып. 4. М.: Л.: СПб.: Наука, 1969. С. 650.

⁷ Словарь русских народных говоров. Вып. 18. М.: Л.: СПб.: Наука, 1982. С. 190.

⁸ Словарь орловских говоров. Вып. 6. Орёл: ОГУ им. И. С. Тургенева, 1995. С. 134; Словарь смоленских говоров. Вып. 6. Смоленск: СГПУ, 2005.

Рукописание, ср. Бумага с молитвой, которую вкладывают в руку покойнику: «*Батюшка вычитывает молитву, что вон его духовный отец, прощает его, и рукописание кладёт в руку покойному*» (2023 г., Старченкова А. И., 1952 г. р.); «Старинная рукописная книга. Моск.»¹; «Бумага с написанной или напечатанной молитвой, вкладываемая в руку покойника»²; «Духовное завещание».³

В номенклатуре погребально-поминального обряда выделяется этнографический диалектизм *саван*. В Словаре русских народных говоров он фиксируется в несколько ином значении, а в труде И. И. Срезневского значение похоже на бытующее в говоре села Кунича.

Саван, м. Один из элементов одежды в погребальном обряде: «*Саван должен*

быть белым, это большое шитое полотно ткани с двумя вырезами, для ног и для лица» (2022 г., Старченкова А. И., 1952 г. р.); «1. Погребальная рубашка. Саратов. 2. Погребальный головной убор. Иван.»⁴; «Длинная одежда, надеваемая на умерших».⁵

Термин *саван* как элемент погребального обряда имеет древнерусское происхождение, заимствованное из греческого, а затем из арабского, обозначая «сабанскую ткань».⁶

В говоре села Кунича также используется диалектизм *стихера*, фиксируемый в Словаре русских народных говоров и в Материалах для словаря... И. И. Срезневского.

Стихера. Название богослужебного песнопения: «На Пасху на могилах стихеры Пасхи поём» (2023 г., Попович Т. Л., 1965 г. р.); «**Стихера**, то же что и стихира ср. Выносная стих ира. от греч. στίχηρα Религиозное песнопение при выносе покойника из дома. Р. Урал, 1943»⁷; «*Стихира* = *стихыра* = *стихера*. Название богослужебного песнопения православной церкви».⁸

Заключение

Проведённое исследование погребально-поминального обряда старообрядцев села Кунича (Республика Молдова) позволило описать его ключевые элементы и сопряжённую диалектную лексику и сделать важные выводы относительно степени его сохранности, уникальных черт. Работа с материалом показала опору на книжность,

С. 101; Словарь донских говоров Волгоградской области. Вып. 3. Волгоград: ВГИПК РО, 2007. С. 353; Баженова Т. Е. Лексика самарских говоров: типологическое и лексикографическое описание. Самара: СГСПУ, 2017. С. 54; Моисеев Б. А. Оренбургский областной словарь. Оренбург: ОГПУ, 2010. С. 95; Словарь донских говоров Волгоградской области / под ред. Р. И. Кудряшовой. 2-е изд., перераб. и доп. Волгоград: Издатель, 2011. С. 405; Ремчуков В. Н. Толковый казачий словарь. М.: Станица-2, 2007. С. 84; Миртов А. В. Донской словарь: материалы к изучению лексики донских казаков. Ростов-на-Дону: б. и., 1929. С. 186; Грязнова В. М. Семантический словарь говора казаков-некрасовцев с лингвокультурологическим комментарием. Ставрополь: Сервисшкола, 2011. С. 377; Большой толковый словарь донского казачества. М.: АСТ, 2003. С. 284; Добровольский В. Н. Смоленский областной словарь. Смоленск: Типография П. А. Силина, 1914. С. 414; Брянский областной словарь. Брянск: б. и., 2011. С. 200; Расторгуев П. А. Словарь народных говоров западной брянщины. Минск: Наука и техника, 1973. С. 161.

¹ Словарь русских народных говоров. Вып. 35. М.: Л.: СПб.: Наука, 2001. С. 253–254.

² Словарь донских говоров Волгоградской области. Вып. 6. Волгоград: Изд-во ВГИПК РО, 2009. С. 95; Словарь донских говоров Волгоградской области / под ред. Р. И. Кудряшовой. 2-е изд., перераб. и доп. Волгоград: Издатель, 2011. С. 521; Словарь орловских говоров. Вып. 12. Орёл: ОГУ им. И. С. Тургенева, 2001. С. 212; Романов Д. А., Красовская Н. А. Материалы к словарю тульских говоров. Вып. 6. Тула: ТГПУ им. Л. Н. Толстого, 2014. С. 149.

³ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 3. СПб.: Тип. Императорской акад. наук, 1912. С. 195.

⁴ Словарь русских народных говоров. Вып. 36. М., Л., СПб.: Наука, 2002. С. 13.

⁵ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 3. СПб.: Тип. Императорской акад. наук, 1912. С. 239.

⁶ Шанский Н. М., Боброва Т. А. Этимологический словарь русского языка. М.: Прозерпина, 1994. С. 280.

⁷ Словарь русских народных говоров. Вып. 41. М., Л., СПб.: Наука, 2007. С. 165.

⁸ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 3. СПб.: Тип. Императорской акад. наук, 1912. С. 514.

а не на народность в таком важном для человека этапе, как уход из жизни.

Уникальность обряда проявляется в строгой регламентации допогребальных действий, таких как необходимость исповеди, чтение «отходной», специфическое обмывание тела с использованием соломы и последующим уничтожением предметов, а также соблюдение гендерных норм. Строгие запреты на демонстративное оплакивание (голошение) и требование побелки стен после похорон подчёркивают глубокую приверженность древним традициям, отражающую представление о сакральной чистоте. Все ритуальные действия опираются на церковные предписания, постоянное цитирование книжных источников в описании обряда свидетельствует о стремлении максимально избежать действий, продиктованных суеверием. «Старообрядцы продолжили традиции книжников Древней Руси, сохранив особое отношение к книге и тексту, близкое к их сакрализации» [10, с. 20]. С этнолингвистических позиций это стремление к книжности отражается в специфике лексики обряда: употреблении терминов, связанных с церковными песнопениями (*стихёра*) и документами (*рукописа́ние*), использовании диминутивных дериватов (*третинки*, *девятинки*) как этнолингви-

стических данных, которые отличают говор от соседних традиций.

Перспективы дальнейшего изучения говора и культуры старообрядцев Куничи представляются в проведении сопоставительного анализа выявленной обрядовой лексики и ритуальных практик с другими старообрядческими группами как на территории Молдовы, так и в России или за её пределами (Южной Америке, Эстонии и т. д.), что позволит выявить общие закономерности и уникальные региональные особенности. Наблюдаемая специфика обрядового комплекса старообрядцев Куничи позволяет сделать предположение о высокой степени сохранности архаичных форм и традиционных ритуальных предписаний. В связи с этим дальнейшей перспективой нам видится рассмотрение, как конфессиональная и социальная замкнутость группы, выраженная в предпочтительном следовании дораскольным обычаям и осторожном отношении к «чужим» обрядовым элементам, могла сыграть ключевую роль в консервации языка и обрядности, минимизируя, по всей видимости, влияние как молдавского / украинского окружения, так и неканонических обрядовых действий, бытующих на южнорусской территории предполагаемого исхода.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абакумова-Забунова Н. В. Кунича древлеправославная. Кишинёв: Tipografia Centrală, 2020. 592 с.
2. Ровнова О. Г. Старообрядцы Южной Америки: очерки истории, культуры, языка. 2-е изд. М.: ЯСК, 2022. 608 с.
3. Режа: этнолингвистическое описание севернорусского идиома / науч. ред. Л. Ю. Зорина. Вологда: Вологодский государственный университет, 2024. 273 с.
4. Абакумова-Забунова Н. В. Кунича: к вопросу о возникновении старообрядческого посёлка // Липоване: история и культура русских старообрядцев. Вып. 10. Одесса: Б. и., 2013. С. 47–56.
5. Касаткин Л. Л. Русский говор села Кунича Флорештского района Молдавии // Касаткин Л. Л. Избранные труды. Т. II. М.: ЯСК, 2018. С. 153–187.
6. Тудосе В. Особенности речи жителей русского села Кунича в Молдавии // Старообрядцев Молдовы живое слово. Кишинев: Б. и., 2003. С. 153–163.
7. Зайковская Т. В. Старообрядцы республики Молдова: сохранение традиций семейной обрядности (венчально-свадебные обряды) // Трансформация социальных коммуникаций в эпоху глобализации: сборник статей международной научно-практической конференции (Орёл, 6 декабря 2024 г.). Орёл: Горизонт, 2025. С. 39–50.
8. Пильникова А. Ю. Обрядовое голошение: на примере южнорусской песенной традиции // АММОСОВ-2023: сборник материалов общеуниверситетской научной конференции (Якутск, 27 апреля 2023 г.). Якутск: Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова,

2023. С. 168–169.

9. Бужин В. С. Рождение, вступление в брак и смерть в традиционной южнорусской обрядности (Липецкая, Тамбовская, Пензенская области): материалы и исследования. СПб.: Нестор-История, 2015. 640 с.
10. Гурьянова Н. С. Канон священных текстов у старообрядцев и организация религиозной жизни общин // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2023. № 8. С. 20–31. DOI: 10.25205/1818-7919-2023-22-8-20-31.

REFERENCES

1. Abakumova-Zabunova, N. V. (2020). *Kunicha Old Orthodox*. Chisinau: Tipografia Centrală publ. (in Russ.).
2. Rovnova, O. G. (2022). *Old Believers of South America: Essays on History, Culture, and Language*. Moscow: YASK publ. (in Russ.).
3. Zorin, L. Yu. (2024). *Reja: Ethnolinguistic Description of the Northern Russian Idiom*. Vologda: Vologda State University publ. (in Russ.).
4. Abakumova-Zabunova, N. V. (2013). Kunicha: On Emergence of the Old Believer Settlement. In: *Lipovanie: History and Culture of Russian Old Believers*. Iss. 10. Odessa, pp. 47–56 (in Russ.).
5. Kasatkin, L. L. (2018). *Russian Dialect of the Village of Kunicha, Floresti District, Moldova*. Vol. 2. Moscow: YASK publ., pp. 153–187 (in Russ.).
6. Tudose, V. (2003). Speech Features of Residents of the Russian Village on the Example of Kunicha in Moldova. In: *The Living Word of Old Believers of Moldova*. Chisinau, pp. 153–163 (in Russ.).
7. Zaikovskaya, T. V. (2025). Old Believers of the Republic of Moldova: Preservation of Family Rituals Traditions (Wedding Ceremonies) In: *Transformation of Social Communications in the Era of Globalization: Collection of Articles from the International Scientific and Practical Conference (Orel, December 6, 2024)*. Orel: Gorizont publ., pp. 39–50 (in Russ.).
8. Pilnikova, A. Yu. (2023). Ritual Singing: On the Example of the Southern Russian Song Tradition. In: *AMMOSOV-2023: Collection of Materials from the All-University Scientific Conference (Yakutsk, April 27, 2023)*. Yakutsk: Ammosov North-Eastern Federal University publ., pp. 168–169 (in Russ.).
9. Buzin, V. S. (2015). *Birth, Marriage, and Death in Traditional Southern Russian Rituals (Lipetsk, Tambov, Penza Regions): Materials and Research*. St. Petersburg: Nestor-Istoriya publ. (in Russ.).
10. Guryanova, N. S. (2023). The Sacred Texts Canon Among the Old Believers and the Organization of Religious Life of Communities. In: *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 8, 20–31. DOI: 10.25205/1818-7919-2023-22-8-20-31 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Войтенко Анна Викторовна (г. Москва) – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры славистики, общего языкознания и культуры коммуникации Государственного университета просвещения;

ORCID: 0009-0009-7502-2515; e-mail: avoy@yandex.ru

Подлеснова Руфина Ивановна (г. Москва) – старший преподаватель кафедры русского языка как иностранного Московского государственного технического университета им. Н. Э. Баумана, старший преподаватель подготовительного отделения Московского государственного лингвистического университета;

ORCID: 0009-0006-8456-8497; e-mail: rufin.popowi4@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Anna V. Voitenko (Moscow) – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Assoc. Prof., Department of Slavic Studies, General Linguistics and Culture of Communication, Federal State University of Education;

ORCID: 0009-0009-7502-2515; e-mail: avoy@yandex.ru

Rufina I. Podlesnova (Moscow) – Senior Lecturer, Department of Russian as a Foreign Language, Bauman Moscow State Technical University; Senior Lecturer, Preparatory Department, Moscow State Linguistic University;

ORCID: 0009-0006-8456-8497; e-mail: rufin.popowi4@yandex.ru

Научная статья

УДК 378

DOI: 10.18384/2949-5008-2026-1-71-87

ЛЕКСИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ НОВЫХ ЗАИМСТВОВАННЫХ СЛОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Гимаев Я. А.

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва,

Российская Федерация

e-mail: yaagimaev@fa.ru

Поступила в редакцию 06.08.2025

Принята к публикации 12.08.2025

Аннотация

Цель. Анализ лексического потенциала новых заимствованных слов различных тематических групп и влияния уровня владения английским языком на способность понимать значения заимствований.

Процедура и методы. Исследование основывается на филологическом подходе, предполагающем учёт связей между языком, текстом и человеком как языковой личностью. Применяется дискурсный анализ языковых фактов и результатов психолингвистического эксперимента с участием ста респондентов.

Результаты. Лексический потенциал заимствованных слов зависит от актуальности той или иной тематики для различных социальных групп, отличающихся по полу, возрасту, образу жизни, увлечениям, а также от уровня владения иностранным языком среди использующих заимствования в речи.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования могут быть использованы для анализа лексического потенциала иноязычных заимствований различных тематических групп, составления глоссариев, а также для повышения лингвистической компетенции студентов в рамках работы по сравнительному анализу родного и иностранного языков.

Ключевые слова: иноязычные заимствования, литературный язык, общенациональный язык, семантизация, семантический потенциал, социально ограниченная лексика, уровни владения иностранным языком

Для цитирования:

Гимаев Я. А. Лексический потенциал новых заимствованных слов в русском языке // Отечественная филология. 2026. № 1. С. 71–87. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2026-1-71-87>.

Original research article

LEXICAL POTENTIAL OF THE NEW BORROWED WORDS IN THE RUSSIAN LANGUAGE

Ya. Gimaev

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

e-mail: yaagimaev@fa.ru

Received by the editorial office 06.08.2025

Accepted for publication 12.08.2025

Abstract

Aim. To analyze lexical potential of new loanwords of various thematic groups and the influence of English language proficiency on the ability to understand meanings of loanwords.

Methodology. The research is based on a philological approach that considers connections between language, text, and an individual as a linguistic personality. A discursive analysis of linguistic facts and the results of a psycholinguistic experiment involving one hundred respondents is used.

Results. The lexical potential of borrowed words depends on the relevance of a particular topic for different social groups, differing in gender, age, lifestyle, hobbies, as well as on the level of proficiency in a foreign language among those using borrowings in speech.

Research implications. The research results can be used to analyze the lexical potential of foreign language borrowings from various thematic groups, to compile glossaries, and to improve the linguistic competence of university students through comparative analysis of their native and foreign languages.

Keywords: borrowings, literary language, national language, semantics, semantic potential, socially restricted vocabulary, levels of proficiency in a foreign language

For citation:

Gimaev, Ya. A. (2026). Lexical Potential of the New Borrowed Words in the Russian Language. In: *Russian Studies in Philology*, 1, 71–87. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2026-1-71-87>.

Введение

В настоящее время в отечественной лингвистике сохраняется интерес к изучению иноязычных заимствований, которые адаптируются в общенациональном русском языке в качестве профессионализмов или активно употребляются в речи различных социальных групп. Языковеды [1–6] выделяют разные причины увеличения числа англицизмов в русском языке, но сходятся во мнении, что заимствования способны конкретизировать разнообразности существующих общих понятий, должны удовлетворять потребностям наименования появившихся явлений и предметов в различных сферах производства и экономики, общественной жизни или досуга, служить цели экономии речевых усилий при номинации, а также обеспечивать необходимый в речи стилистический или коннотативный эффект, которым не обладает при наличии эквивалент из языка-рецептора. Только при выполнении данных условий иноязычные заимствования остаются в языке и со временем могут войти в его литературный пласт.

На наш взгляд, степень «вовлечённости» нового заимствования в язык и, соответственно, в речевую практику может определяться его лексическим потенциалом,

который мы определяем как способность единицы точно обозначать действительно существующие новые понятия и явления, обогащать словарный запас принимающего языка и адаптироваться к его грамматическим, деривационным и фонетическим особенностям.

Подобно семантическому потенциалу, понятию, введённому Г. И. Кустовой, которое обозначает набор реализованных и возможных значений слова [7, с. 22], лексический потенциал заимствований также является следствием когнитивной природы полисемии, которая заключается в том, что для обозначения новых явлений и предметов в речи используются уже существующие слова как из родного, так и из иностранного языков. Более того, лингвисты отмечают трансформацию значений заимствований в языке-реципиенте. В исследовании О. В. Нагель и М. В. Волковой, проанализировавших сдвиги в значениях более тридцати современных слов, пришедших из английского языка, отмечается, что «большинство заимствований в ходе приспособления к новым условиям коммуникации меняют свою первоначальную семантику и сочетаемость и иначе воспринимаются в языковой среде принимающего языка» [8, с. 8].

Немаловажное значение в лексическом потенциале нового заимствованного слова приобретает прозрачность его значения в языке-оригинале, его понятность для людей разного возраста, пола, уровня образования, социального статуса и т. д., а также очевидность связи между иностранным словом в иностранном языке и его «вариантом» в родном языке, в русской графической и фонетической системах.

Поскольку в статье рассматривается лексика, пришедшая из английского языка, сверхзадачей проведённого исследования явилось определение степени влияния уровня владения английским языком на способность распознавать значения иноязычных заимствований.

Лексический потенциал социально ограниченной лексики, заимствованной из английского языка

Нами были отобраны и проанализированы иноязычные слова из нескольких тематических групп, которые в современной непрофессиональной устной и письменной русской речи, на наш взгляд, являются наиболее употребительными. Очевидно, многие из них можно отнести к профессионализмам, однако нам представляется, что в современных лингвистических условиях их употребление ограничивается скорее не профессиональной, а социальной сферой. Автомобилисты, люди, увлекающиеся модой, рыболовы-любители – это группы людей, объединённых не профессиональной принадлежностью, а увлечениями, образом жизни, определённым уровнем достатка и т. д., которые были обследованы. В связи с этим мы называем данные слова примерами социолектов или социально ограниченной лексики.

Автомобильная заимствованная лексика. Современная автомобильная лексика изобилует международной терминологией, которая представляет собой заимствования преимущественно из английского языка [9].

Основным способом заимствования автомобильных терминов является транс-

крипция с некоторыми элементами транслитерации. Этот способ заимствования и перевода технических терминов использовался ещё до появления автомобилестроения. Такие слова, как *кондиционер* (*conditioner* [kən'diʃ.ən.ər]), *дифференциал* (*differential* [dɪf.ə'ren.ʃəl]), при адаптации в русском языке поменяли ударение, а такие, как *спидометр* (*speedometer* [spi:'dɒmɪtər]), *тахометр* (*tachometer* [tæk'ɒm.i.tər]) утратили гласную. Данные слова зафиксированы в русских орфографических словарях¹, понятны любому автомобилисту и в силу стремительного роста популярности личного автотранспорта стремятся перейти в общепотребительный пласт лексики русского языка.

Современные автомобильные термины заимствуются с использованием транслитерации: *молдинг* (*moulding*), *дефлектор* (*deflector*), *круиз-контроль* (*cruise control*), *кроссовер* (*crossover*), *хэтчбек* или *хемчбэк* (*hatchback*) – или транскрипции: *бампер* (*bumper*), *рейлинг* (*railing*), *трейлер* (*trailer*), *бустер* (*booster*), *клиренс* (*ground clearance*). Они также уже фиксируются в орфографических словарях.² Однако значения таких слов вне контекста могут быть понятны не всем автомобилистам в силу их большей специализации. Представляется, что помощь в семантизации таких слов неавтомобилистам могут оказать знание английского языка и способность идентифицировать в русской графике и словоформе соответствующий иноязычный корень.

Для экономии времени и усилий авторы публицистических текстов автомобильной тематики, описывая новые технологии, часто используют транслитерированные термины, которые в качестве лексических единиц не способны приобрести признаки русских грамматических категорий. Например, *хэндс фри* (*hands free*), *пуш-старт* (*push start*), *ранфлэт* (*runflat*). Такие слова не фиксируются в орфографических словарях, но в силу активного распро-

¹ Орфографический академический ресурс «АКАДЕМОС» [Электронный ресурс]. URL: <https://orfo.ruslang.ru> (дата обращения: 12.07.2025).

² Там же.

странения данных технологий и необходимости их обозначать начинают использоваться и в устной речи автомобилистов. На наш взгляд, для первичного понимания значения и запоминания таких слов необходимо знание иностранного языка.

Таким образом, многие новые заимствованные автомобильные термины обладают достаточным лексическим потенциалом для точного обозначения новых понятий и явлений, но не все могут адаптироваться к грамматическим и деривационным особенностям русского языка. Во избежание неадекватного использования заимствований также необходимо знание иностранного языка. Характерный пример неправильного использования термина *тюнинг* приводит к ложному толкованию его как «любого улучшения внешнего вида автомобиля».

Заимствованная лексика индустрии красоты. Современный русский дискурс индустрии красоты изобилует англоязычными заимствованиями. О. К. Махкамова и Х. Ю. Юнусова связывают появление новых слов и терминов из мира моды и красоты в русском языке с их популяризацией в интернет-пространстве и социальных сетях [10, с. 85].

Исследователи Л. В. Агеева, Л. Р. Абдуллина и Н. В. Габдеева, изучившие ассимиляцию более ста заимствованных лексических единиц тематической группы «Косметика и косметические продукты», пришли к выводу, что англицизмы составляют порядка 40% и являются самыми современными в данной тематической группе [11, с. 399]. Безусловно, слова данной тематики обладают большим лексическим потенциалом, могут функционировать в речи не только профессионалов-косметологов, стилистов и парикмахеров, но и большинства женщин, ежедневно применяющих косметические средства. Тем не менее, на наш взгляд, такие слова, как *тинт*, *мист*, *консилер*, *бронзер*, *анти-эйдж*, *люминайзер*, *хайлайтер*, *шиммер*, *санскрин* даже в контексте будут малопонятны людям, не использующим данные средства и не знающим английский язык.

Они не фиксируются в орфографических и толковых словарях русского языка. Нам представляется, что знание значений этих слов в иностранном языке должно значительно помогать при их семантизации в русской речи. Стоит отметить, что некоторые из подобных слов имеют шансы стать терминами в русском языке, приняв кодифицированный орфографический облик и толкование. Например, слово *глиттер* получило словарную статью на Научно-информационном орфографическом академическом ресурсе «Академос» Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН¹ только в 2024 г., хотя активно употреблялось в речи и ранее.

Вместе с тем лингвисты отмечают, что русский язык отвергает излишнее заимствование англицизмов, особенно тех слов, чьи русские эквиваленты привычнее, удобнее и понятнее: «громоздкий *айлайнер* сначала сокращается до *лайнера*, а затем всё чаще называется просто *карандашом* или *подводкой*, а исконная *основа* или давно обрусевшая *база* успешно конкурирует с *праймером*» [11, с. 404].

Заимствованная лексика, обозначающая предметы одежды. Русский дискурс индустрии моды на протяжении всей своей истории был склонен к иноязычным заимствованиям [12]. Современная речь людей, увлекающихся модой, изобилует заимствованиями из английского языка, особенно в интернет-пространстве. Этому способствуют и магазины одежды, привлекающие внимание не привычными, давно заимствованными словами типа *свитер* или *штаны*, а предлагающие такие наименования товаров, как *джермер*, *пуловер*, *свитшот*, *кардиган*, *бомбер*, *худи* или *чиносы*, *слаксы*, *карго*, *бананы*, *скинни* и т. д. Многие из таких слов вошли в русский язык достаточно давно. Например, эпонимы *кардиган*, *реглан*, *спенсер*, *макинтош*, *френч*, *панاما*, *бермуды*, *бикини*, *джинсы*, *кеды* [13] фиксируются орфографически

¹ Орфографический академический ресурс «АКАДЕМОС» [Электронный ресурс]. URL: <https://orfo.ruslang.ru> (дата обращения: 12.07.2025).

ми и толковыми словарями уже несколько десятилетий, однако широкое распространение в речи получают именно в настоящее время.

В статье О. С. Волковой обосновывается гипотеза «о транскультурной значимости английских заимствований в русскоязычном дискурсе о модном образе жизни» [14, с. 135]. Она заключается в том, что люди, увлекающиеся модой и владеющие английским языком, ситуативно прибегают к употреблению в речи «транслингвальных единиц», которые впоследствии приобретают популярность в контексте глобальной массовой культуры [14, с. 136].

На наш взгляд, заимствования, именуемые предметами одежды, более характерны для речи молодого поколения. По наблюдениям, даже студенты, не увлекающиеся модой, с большей вероятностью правильно определяют значения таких слов, как *худи*, *свитшот* или *снэбэг*, чем люди старшего поколения. Речь сверстников диктует молодым людям необходимость знать данные понятия, тогда как для людей старшего поколения важнее выглядеть модно, даже не зная новейшие названия современных предметов одежды. Поэтому лексический потенциал не всех слов данной тематической группы позволит им остаться в русском языке и получить кодифицированное написание и значение.

Заемствованная лексика периода коронавируса. Пандемия коронавируса спровоцировала не только общий интерес к профессиональной медицинской терминологии, но и появление неологизмов, слов и терминов, ранее неизвестных науке и не употреблявшихся в речи. Особую роль в появлении и распространении таких лексем сыграла «информационная интернет-среда, в которую погрузилась большая часть современного общества с началом пандемии» [15, с. 393].

Значительную часть ковидных неологизмов в русской речи составили англоязычные заимствования или сращения иноязычных лексем или корней с contamination: *ковидиворс*, *ковид-каффинг*, *коронапокалипсис*, *коронагеддон*, *корона-*

сомния, *коронафейк*, *коронафобия*, *карантин-шейминг*, *думскроллинг*, *антиваксер* и др. Очевидно, что для правильного понимания значения этих слов даже в контексте необходим определённый уровень владения английским языком. Нормативные словари русского языка не фиксировали значения этих слов, однако в интернет-пространстве запрос на их толкование был востребован.

По прошествии нескольких лет после пандемии стало понятно, что значительным лексическим потенциалом, позволившим бы этим словам закрепиться в русском языке, они не обладали. На сегодняшний день ни одно из них не актуально в речи. Вместе с тем, определённый научный интерес вызывает реакция людей на данные лексемы спустя время.

Рыболовная заимствованная лексика. Одним из самых массовых увлечений во многих странах среди людей разного социального статуса, профессий, возраста и пола остаётся любительская рыбная ловля. За счёт постоянного изобретения новых способов ужения и разнообразия снастей и материалов для их изготовления международная рыболовная терминология активно пополняется. Таким образом, русский язык регулярно принимает новые иноязычные слова, обозначающие новые приспособления и методы ловли, предметы экипировки рыболовов и технические средства, используемые любителями рыбалки.

Нам представляется, что для правильного понимания значения тех или иных рыболовных заимствований не всегда достаточно не только контекста, но и отличного знания иностранного языка. Дело в том, что для наименования новых рыболовных понятий активно используется метафоризация на английском языке, что делает непонятными некоторые новые слова и термины даже носителям этого языка. Более того, постоянно усложняются методы ловли, что ещё более усложняет толкование заимствований.

Очевидно, что люди, владеющие английским языком, но не являющиеся ры-

боловами, увидят иноязычные корни в таких словах, как *тейл-спиннер, раттлин, волкер, суспендер, кастмастер, тизер, аттрактант, фидер, троллинг*, однако, даже видя слово в определённом контексте, будут иметь лишь примерное представление о том, что конкретно обозначает то или иное заимствованное слово.

Мы допускаем, что со временем некоторые из данных слов войдут в общепотребительный пласт лексики, подобно таким словам, как *спиннинг* или *троллинг*, введёнными в русский рыболовный дискурс зоологом и рыболовом-любителем Л. П. Сабанеевым в конце XIX в.¹ Это может произойти с наименованиями приманок, если они будут чрезвычайно «уловистыми» в течение длительного времени и приобретут популярность у рыбаков.

**Когнитивная интерпретация
результатов лингвистического
эксперимента по выявлению влияния
уровня владения иностранным языком
на способность понимания незнакомых
заимствований**

В мае 2025 г. среди студентов 1–3 курсов факультета экономики и бизнеса Финансового университета был проведён лингвистический эксперимент, целью которого было выявить, насколько существенно оказывает влияние уровень владения английским языком на семантизацию незнакомых иноязычных заимствований. В исследовании приняли участие 100 че-

ловек (57 юношей и 43 девушки), на разном уровне владеющих английским, для которых русский язык является родным. В таблице 1 представлено распределение респондентов по уровням владения иностранным языком.

Как видно, количество человек, владеющих английским языком на каждом уровне, равнялось двадцати. Это было сделано не только для упрощения подсчёта результатов, но и для более понятного сравнения результатов в разных фокус-группах.

Участникам эксперимента была предложена анкета (табл. 2), содержащая 40 заимствований, объединённых такими семами, как «автомобили», «косметика», «одежда», «коронавирус», «рыбалка». Студенты должны были самостоятельно обозначить тематику групп слов, подобрать к ним синонимы с русскими корнями (или предложить свой, не существующий в языке вариант эквивалента с русским корнем, или дать краткое толкование) и указать соответствующие слова на английском языке.

Следует отметить, что с заданием обозначить названия тематических групп справились все респонденты. Это говорит о том, что даже без знания иностранного языка опыт взаимодействия с новыми заимствованиями формирует навык ориентации на контекст для выявления основной семы того или иного неизвестного слова.

Анализ результатов анкетирования осуществлялся по трём критериям, которые были сформулированы на основе способности опрашиваемых правильно указы-

Таблица 1 / Table 1

Респонденты и их уровни владения иностранным языком / Respondents and their levels of foreign language proficiency

Уровень владения	Юноши	Девушки
A1	12	8
A2	13	7
B1	11	9
B2	11	9
C1	10	10

¹ Сабанеев Л. П. Исконно русская рыбалка. Жизнь и ловля пресноводных рыб. М.: РИПОЛ классик, 2007. С. 98.

Таблица 2 / Table 2

Анкета / Questionnaire

Русский ваш родной язык?	Да Нет
Ваш уровень владения английским	A1 A2 B1 B2 C1
Ваш пол	Мужской Женский
На каком вы курсе?	1 к. 2 к. 3 к.

Обозначьте группы заимствованных слов общим названием (*рыбалка, одежда, косметика, автомобили, коронавирус*).

Попробуйте подобрать синоним с исконно русским корнем. Если это невозможно, предложите свой, не существующий в языке вариант или краткое толкование. Также напишите слово на английском.

Слово на русском	Синоним с русским корнем / свой вариант / краткое толкование	Слово на английском
<i>консилер</i>	« <i>скрывать</i> »	<i>concealer</i>

<i>ранфлэт</i>		
<i>круиз-контроль</i>		
<i>молдинг</i>		
<i>эйрбэг</i>		
<i>рейлинг</i>		
<i>мультимедиа</i>		
<i>вариатор</i>		
<i>детейлинг</i>		

<i>хайлайтер</i>		
<i>тинт</i>		
<i>глиттер</i>		
<i>шimmer</i>		
<i>лайнер</i>		
<i>праймер</i>		
<i>санскрин</i>		
<i>скраб</i>		

<i>худи</i>		
<i>свитишот</i>		
<i>тренчкот</i>		
<i>лонгслив</i>		
<i>тайтсы</i>		
<i>скинни</i>		
<i>тотал лук</i>		
<i>снэпбэк</i>		

<i>суперспредер</i>		
<i>антиваксер</i>		
<i>локдаун</i>		
<i>зумиться</i>		
<i>карантин-шейминг</i>		
<i>коронафейки</i>		
<i>ковидиворс</i>		
<i>санитайзер</i>		

Окончание Таблицы 2

тейл-спиннер		
троллинг		
фидер		
аттрактант		
воблер		
твичинг		
твистер		
поппер		

вать значения заимствований и правильно указать лексему-оригинал на иностранном языке. Слова в каждой анкете распределялись по трём категориям:

- 1) респондент понимает значение заимствованного слова, но не знает значение его английского эквивалента;
- 2) респондент знает значение заимствования и понимает значение его английского эквивалента;
- 3) респондент понимает значение английского эквивалента заимствования, но

не может истолковать значение заимствования в русском языке.

Таким образом, мы смогли определить три степени семантизации заимствований и вычислить среднее количество слов в каждой из них.

В таблице 3 представлено число и процент респондентов с начальным уровнем владения английским языком, способных в разной степени семантизировать то или иное заимствование.

Таблица 3 / Table 3

Результаты анкетирования среди респондентов с начальным уровнем владения иностранным языком A1 / Results of the survey among respondents with a basic level of foreign language proficiency (A1)

Слово	“0” знают значение, но не видят англ. экв.	“+” знают значение и видят англ. экв.	“^” видят англ. экв., но не знают значение
ранфлэт	0 чел.	1 чел., 5 %	8 чел., 40 %
круиз-контроль	1 чел., 5 %	9 чел., 45 %	1 чел., 5 %
молдинг	0 чел.	1 чел., 5 %	2 чел., 10 %
эйрбэг	0 чел.	10 чел., 50 %	3 чел., 15 %
рейлинг	0 чел.	2 чел., 10 %	1 чел., 5 %
мультимедиа	2 чел., 10 %	10 чел., 50 %	2 чел., 10 %
вариатор	1 чел., 5 %	4 чел., 20 %	5 чел., 25 %
детейлинг	1 чел., 5 %	3 чел., 15 %	5 чел., 25 %
хайлайтер	3 чел., 15 %	1 чел., 5 %	4 чел., 20 %
тинт	0 чел.	4 чел., 20 %	7 чел., 35 %
глиттер	3 чел., 15 %	8 чел., 40 %	2 чел., 10 %
шиммер	0 чел.	6 чел., 30 %	3 чел., 15 %
лайнер	3 чел., 15 %	5 чел., 25 %	1 чел., 5 %
праймер	3 чел., 15 %	2 чел., 10 %	6 чел., 30 %
санскрин	7 чел., 35 %	4 чел., 20 %	0 чел.
скраб	5 чел., 25 %	3 чел., 15 %	1 чел., 5 %
худы	7 чел., 35 %	3 чел., 15 %	0 чел.
свитшот	11 чел., 55 %	2 чел., 10 %	0 чел.
тренчкот	3 чел., 15 %	4 чел., 20 %	0 чел.

Окончание Таблицы 3

лонгслив	9 чел., 45 %	3 чел., 15 %	1 чел., 5 %
тайтсы	2 чел., 10 %	1 чел., 5 %	0 чел.
скинни	6 чел., 30 %	11 чел., 55 %	1 чел., 5 %
тотал лук	6 чел., 30 %	10 чел., 50 %	1 чел., 5 %
снэпбэк	2 чел., 10 %	5 чел., 25 %	5 чел., 25 %
суперспредер	0 чел.	0 чел.	4 чел., 20 %
антиваксер	1 чел., 5 %	0 чел.	0 чел.
локдаун	6 чел., 30 %	3 чел., 15 %	1 чел., 5 %
зумиться	3 чел., 15 %	4 чел., 20 %	4 чел., 20 %
карантин-шейминг	2 чел., 10 %	1 чел., 5 %	1 чел., 5 %
коронафейки	5 чел., 25 %	3 чел., 15 %	1 чел., 5 %
ковидиворс	0 чел.	0 чел.	0 чел.
санитайзер	0 чел.	3 чел., 15 %	0 чел.
тейл-спиннер	0 чел.	1 чел., 5 %	5 чел., 25 %
троллинг	2 чел., 10%	1 чел., 5 %	6 чел., 30 %
фидер	1 чел., 5 %	2 чел., 10 %	1 чел., 5 %
аттрактант	1 чел., 5 %	2 чел., 10%	0 чел.
воблер	5 чел., 25 %	0 чел.	0 чел.
твичинг	0 чел.	1 чел., 5 %	3 чел., 15 %
твистер	0 чел.	1 чел., 5 %	4 чел., 20 %
поппер	1 чел., 5 %	0 чел.	4 чел., 20 %

В таблице 4 представлены процент и среднее число слов среди ответов респондентов с начальным уровнем владения иностранным языком A1.

Таблица 4 / Table 4

Процентное соотношение / Percentage ratio

“0”	13,5%	5,4 слова
“+”	16,75%	6,7 слова
“^”	28,9%	11,6 слова

0 – слова, значения которых респондент знает, но не видит английский эквивалент;

+ – слова, значения которых респондент знает, и видит их английский эквивалент;

^ – слова, которые респондент не знает, но видит английский эквивалент.

В таблице 6 представлены процент и среднее число слов среди ответов респондентов с предпороговым уровнем владения иностранным языком A2.

В таблице 7 представлено число и процент респондентов с пороговым уровнем B1, способных в разной степени семантизировать то или иное заимствование.

В таблице 5 представлено число и процент респондентов с предпороговым уровнем A2, способных в разной степени семантизировать то или иное заимствование.

В таблице 8 представлены процент и среднее число слов среди ответов респондентов с пороговым уровнем владения иностранным языком B1.

В таблице 9 представлено число и процент респондентов с пороговым продвинутым уровнем B2, способных в разной степени семантизировать то или иное заимствование.

Таблица 5 / Table 5

Результаты анкетирования среди респондентов с предпороговым уровнем владения иностранным языком А2 / Results of the survey among respondents with a pre-threshold level of foreign language proficiency (A2)

Слово	“0” знают значение, но не видят англ. экв.	“+” знают значение и ви- дят англ. экв.	“Λ” видят англ. экв., но не знают значение
ранфлэт	1 чел., 5 %	3 чел., 15 %	10 чел., 50 %
круиз-контроль	0 чел.	10 чел., 50 %	4 чел., 20 %
молдинг	3 чел., 15 %	5 чел., 25 %	2 чел., 10 %
эйрбэг	0 чел.	13 чел., 65 %	6 чел., 30 %
рейлинг	0 чел.	4 чел., 20 %	6 чел., 30 %
мультимедиа	1 чел., 5 %	12 чел., 60 %	5 чел., 25 %
вариатор	1 чел., 5 %	7 чел., 35 %	8 чел., 40 %
детейлинг	1 чел., 5 %	4 чел., 20 %	6 чел., 30 %
хайлайтер	2 чел., 10 %	9 чел., 45 %	5 чел., 25 %
тинт	1 чел., 5 %	6 чел., 30 %	10 чел., 50 %
глиттер	0 чел.	11 чел., 55 %	4 чел., 20 %
шиммер	1 чел., 5 %	6 чел., 30 %	7 чел., 35 %
лайнер	3 чел., 15 %	7 чел., 35 %	4 чел., 20 %
праймер	1 чел., 5 %	7 чел., 35 %	9 чел., 45 %
санскрин	7 чел., 35 %	7 чел., 35 %	3 чел., 15 %
скраб	4 чел., 20 %	9 чел., 45 %	3 чел., 15 %
худи	7 чел., 35 %	8 чел., 40 %	3 чел., 15 %
свитшот	7 чел., 35 %	5 чел., 25 %	3 чел., 15 %
тренчкот	5 чел., 25 %	4 чел., 20 %	1 чел., 5 %
лонгслив	10 чел., 50 %	4 чел., 20 %	2 чел., 10 %
тайтсы	4 чел., 20 %	1 чел., 5 %	3 чел., 15 %
скинни	1 чел., 5 %	16 чел., 80 %	0 чел.
тотал лук	4 чел., 20 %	11 чел., 55 %	4 чел., 20 %
снэпбэк	2 чел., 10 %	7 чел., 35 %	7 чел., 35 %
суперспредер	0 чел.	0 чел.	5 чел., 25 %
антиваксер	3 чел., 15 %	0 чел.	4 чел., 20 %
локдаун	5 чел., 25 %	8 чел., 40 %	2 чел., 10 %
зумиться	2 чел., 10 %	8 чел., 40 %	6 чел., 35 %
карантин-шейминг	2 чел., 10 %	3 чел., 15 %	3 чел., 15 %
коронафейки	5 чел., 25 %	5 чел., 25 %	4 чел., 20 %
ковидиворс	0 чел.	0 чел.	0 чел.
санитайзер	9 чел., 45%	7 чел., 35 %	1 чел., 5 %
тейл-спиннер	1 чел., 5 %	2 чел., 10 %	3 чел., 15 %
троллинг	1 чел., 5 %	2 чел., 10 %	9 чел., 45 %
фидер	0 чел.	6 чел., 30 %	2 чел., 10 %
аттрактант	0 чел.	1 чел., 5 %	3 чел., 15 %
воблер	2 чел., 10 %	1 чел., 5 %	1 чел., 5 %
твичинг	0 чел.	1 чел., 5 %	5 чел., 25 %
твистер	0 чел.	3 чел., 15 %	9 чел., 45 %
поппер	0 чел.	1 чел., 5 %	9 чел., 45 %

В таблице 6 представлены процент и среднее число слов среди ответов респондентов с предпороговым уровнем владения иностранным языком A2.

В таблице 7 представлено число и процент респондентов с пороговым уровнем B1, способных в разной степени семантизировать то или иное заимствование.

Таблица 6 / Table 6

Процентное соотношение / Percentage ratio

“0”	12%	4,8 слова
“+”	28%	11,2 слова
“^”	22,9%	9,2 слова

Таблица 7 / Table 7

Результаты анкетирования среди респондентов с пороговым уровнем владения иностранным языком B1 / Results of the survey among respondents with a threshold level of foreign language proficiency (B1)

Слово	“0” знают значение, но не видят англ. экв.	“+” знают значение и видят англ. экв.	“^” видят англ. экв., но не знают значение
ранфлэт	0 чел.	4 чел., 20 %	15 чел., 75 %
круиз-контроль	0 чел.	13 чел., 65 %	3 чел., 15 %
молдинг	1 чел., 5 %	6 чел., 30 %	8 чел., 40 %
эйрбэг	0 чел.	16 чел., 80 %	3 чел., 15 %
рейлинг	1 чел., 5 %	7 чел., 35 %	6 чел., 30 %
мультимедиа	0 чел.	19 чел., 95 %	1 чел., 5 %
вариатор	0 чел.	9 чел., 45 %	9 чел., 45 %
детейлинг	1 чел., 5 %	7 чел., 35 %	11 чел., 55 %
хайлайтер	1 чел., 5 %	4 чел., 20 %	13 чел., 65 %
тинт	0 чел.	7 чел., 35 %	12 чел., 60 %
глиттер	0 чел.	10 чел., 50 %	9 чел., 45 %
шиммер	0 чел.	8 чел., 40 %	11 чел., 55 %
лайнер	0 чел.	8 чел., 40 %	10 чел., 50 %
праймер	0 чел.	6 чел., 30 %	12 чел., 60 %
санскрин	0 чел.	11 чел., 55 %	7 чел., 35 %
скраб	0 чел.	10 чел., 50 %	9 чел., 45 %
худи	5 чел., 25 %	12 чел., 60 %	0 чел.
свитшот	6 чел., 30 %	10 чел., 50 %	1 чел., 5 %
тренчкот	1 чел., 5 %	8 чел., 40 %	2 чел., 10 %
лонгслив	3 чел., 15 %	8 чел., 40 %	5 чел., 25 %
тайтсы	1 чел., 5 %	2 чел., 10 %	2 чел., 10 %
скинни	3 чел., 15 %	8 чел., 40 %	6 чел., 30 %
тотал лук	2 чел., 10 %	11 чел., 55 %	6 чел., 30 %
снэпбэк	3 чел., 15 %	5 чел., 25 %	9 чел., 45 %
суперспредер	0 чел.	4 чел., 20 %	8 чел., 40 %
антиваксер	2 чел., 10 %	3 чел., 15 %	6 чел., 35 %
локдаун	2 чел., 10 %	10 чел., 50 %	6 чел., 35 %
зумиться	2 чел., 10 %	10 чел., 50 %	5 чел., 25 %
карантин-шейминг	2 чел., 10 %	2 чел., 10 %	10 чел., 50 %
коронафейки	2 чел., 10 %	8 чел., 40 %	4 чел., 20 %

Окончание Таблицы 7

ковидиворс	0 чел.	1 чел., 5 %	3 чел., 15 %
санитайзер	3 чел., 15%	10 чел., 50 %	3 чел., 15 %
тейл-спиннер	0 чел.	2 чел., 10 %	5 чел., 25 %
троллинг	1 чел., 5 %	2 чел., 10 %	12 чел., 60 %
фидер	2 чел., 10 %	6 чел., 30 %	2 чел., 10 %
аттрактант	0 чел.	3 чел., 15 %	5 чел., 25 %
воблер	1 чел., 5 %	4 чел., 20 %	5 чел., 25 %
твичинг	0 чел.	0 чел.	8 чел., 40 %
твистер	0 чел.	1 чел., 5 %	11 чел., 55 %
поппер	0 чел.	1 чел., 5 %	11 чел., 55 %

В таблице 8 представлены процент и среднее число слов среди ответов респондентов с пороговым уровнем владения иностранным языком B1.

В таблице 9 представлено число и процент респондентов с пороговым продвинутым уровнем B2, способных в разной степени семантизировать то или иное заимствование.

Таблица 8 / Table 8

Процентное соотношение / Percentage ratio

“0”	6,5%	2,6 слова
“+”	34,5%	13,8 слова
“^”	34,1%	13,7 слова

Таблица 9 / Table 9

Результаты анкетирования среди респондентов с пороговым продвинутым уровнем владения иностранным языком B2 / Results of a survey among respondents with a threshold advanced level of foreign language proficiency (B2)

Слово	“0” знают значение, но не видят англ. экв.	“+” знают значение и видят англ. экв.	“^” видят англ. экв., но не знают значение
ранфлэт	0 чел.	3 чел., 15 %	12 чел., 60 %
круиз-контроль	0 чел.	11 чел., 55 %	7 чел., 35 %
молдинг	0 чел.	5 чел., 25 %	10 чел., 50 %
эйрбэг	0 чел.	14 чел., 70 %	4 чел., 20 %
рейлинг	0 чел.	6 чел., 30 %	9 чел., 45 %
мультимедиа	0 чел.	13 чел., 65 %	7 чел., 35 %
вариатор	0 чел.	6 чел., 30 %	11 чел., 55 %
детейлинг	0 чел.	5 чел., 25 %	15 чел., 75 %
хайлайтер	0 чел.	10 чел., 50 %	8 чел., 40 %
тинт	0 чел.	8 чел., 40 %	9 чел., 45 %
глиттер	0 чел.	16 чел., 80 %	3 чел., 15 %
шиммер	0 чел.	9 чел., 45 %	5 чел., 25 %
лайнер	0 чел.	12 чел., 60 %	6 чел., 30 %
праймер	0 чел.	6 чел., 30 %	8 чел., 40 %
санскрин	2 чел., 10 %	15 чел., 75 %	2 чел., 10 %
скраб	1 чел., 5 %	14 чел., 70 %	3 чел., 15 %
худи	1 чел., 5 %	18 чел., 90 %	1 чел., 5 %

Окончание Таблицы 9

свитшот	2 чел., 10 %	15 чел., 75 %	3 чел., 15 %
тренчкот	1 чел., 5 %	10 чел., 50 %	3 чел., 15 %
лонгслив	1 чел., 5 %	16 чел., 80 %	3 чел., 15 %
тайтсы	0 чел.	6 чел., 30 %	1 чел., 5 %
скинни	1 чел., 5 %	13 чел., 65 %	5 чел., 25 %
тотал лук	0 чел.	13 чел., 65 %	6 чел., 30 %
снэпбэк	0 чел.	4 чел., 20 %	9 чел., 45 %
суперспредер	0 чел.	4 чел., 20 %	6 чел., 30 %
антиваксер	0 чел.	5 чел., 25 %	4 чел., 20 %
локдаун	0 чел.	18 чел., 90 %	2 чел., 10 %
зумиться	0 чел.	5 чел., 25 %	8 чел., 40 %
карантин-шейминг	1 чел., 5 %	1 чел., 5 %	11 чел., 55 %
коронафейки	0 чел.	10 чел., 50 %	4 чел., 20 %
ковидиворс	0 чел.	5 чел., 25 %	2 чел., 10 %
санитайзер	1 чел., 5 %	14 чел., 70 %	3 чел., 15 %
тейл-спиннер	1 чел., 5 %	6 чел., 30 %	6 чел., 30 %
троллинг	0 чел.	2 чел., 10 %	15 чел., 75 %
фидер	0 чел.	9 чел., 45 %	1 чел., 5 %
аттрактант	0 чел.	6 чел., 30 %	5 чел., 25 %
воблер	2 чел., 10 %	1 чел., 5 %	6 чел., 30 %
твичинг	0 чел.	1 чел., 5 %	10 чел., 50 %
твистер	0 чел.	1 чел., 5 %	13 чел., 65 %
поппер	0 чел.	0 чел.	12 чел., 60 %

В таблице 10 представлены процент и среднее число слов среди ответов респондентов с пороговым продвинутом уровнем владения иностранным языком B2.

В таблице 11 представлено число и процент респондентов с уровнем профессионального

владения C1, способных в разной степени семантизировать то или иное заимствование.

В таблице 12 представлены процент и среднее число слов среди ответов респондентов с уровнем профессионального владения иностранным языком C1.

Таблица 10 / Table 10

Процентное соотношение / Percentage ratio

“0”	1,75%	0,7 слова
“+”	42%	16,8 слова
“^”	32,1%	12,9 слова

Таблица 11 / Table 11

Результаты анкетирования среди респондентов с уровнем профессионального владения иностранным языком C1 / Results of the survey among respondents with a professional level of foreign language proficiency (C1)

Слово	“0” знают значение, но не видят англ. экв.	“+” знают значение и ви- дят англ. экв.	“^” видят англ. экв., но не знают значение
ранфлэт	0 чел.	10 чел., 50 %	9 чел., 45 %
круиз-контроль	0 чел.	18 чел., 90 %	1 чел., 5 %
молдинг	0 чел.	12 чел., 60 %	5 чел., 25 %

Окончание Таблицы 11

эйрбэг	0 чел.	18 чел., 90 %	1 чел., 5 %
рейлинг	0 чел.	13 чел., 65 %	5 чел., 25 %
мультимедиа	0 чел.	18 чел., 90 %	2 чел., 10 %
вариатор	0 чел.	11 чел., 55 %	7 чел., 35 %
детейлинг	0 чел.	13 чел., 65 %	7 чел., 35 %
хайлайтер	0 чел.	11 чел., 55 %	9 чел., 45 %
тинт	0 чел.	12 чел., 60 %	7 чел., 35 %
глиттер	1 чел., 5 %	14 чел., 70 %	4 чел., 20 %
шиммер	0 чел.	17 чел., 85 %	2 чел., 10 %
лайнер	0 чел.	18 чел., 90 %	1 чел., 5 %
праймер	0 чел.	16 чел., 80 %	3 чел., 15 %
санскрин	0 чел.	20 чел., 100 %	0 чел.
скраб	1 чел., 5 %	18 чел., 90 %	1 чел., 5 %
худи	0 чел.	20 чел., 100 %	0 чел.
свитшот	0 чел.	19 чел., 95 %	1 чел., 5 %
тренчкот	0 чел.	15 чел., 75 %	2 чел., 10 %
лонгслив	0 чел.	20 чел., 100 %	0 чел.
тайтсы	0 чел.	15 чел., 75 %	0 чел.
скинни	0 чел.	20 чел., 100 %	0 чел.
тотал лук	0 чел.	16 чел., 80 %	3 чел., 15 %
снэпбэк	0 чел.	12 чел., 60 %	4 чел., 20 %
суперспредер	0 чел.	11 чел., 55 %	6 чел., 30 %
антиваксер	0 чел.	12 чел., 60 %	6 чел., 30 %
локдаун	0 чел.	19 чел., 95 %	1 чел., 5 %
зумиться	0 чел.	14 чел., 70 %	6 чел., 30 %
карантин-шейминг	0 чел.	12 чел., 60 %	5 чел., 25 %
коронафейки	0 чел.	16 чел., 80 %	3 чел., 15 %
ковидиворс	0 чел.	9 чел., 45 %	3 чел., 15 %
санитайзер	0 чел.	19 чел., 95 %	0 чел.
тейл-спиннер	0 чел.	9 чел., 45 %	8 чел., 40 %
троллинг	0 чел.	6 чел., 30 %	13 чел., 65 %
фидер	0 чел.	13 чел., 65 %	4 чел., 20 %
аттрактант	0 чел.	12 чел., 60 %	3 чел., 15 %
воблер	0 чел.	9 чел., 45 %	6 чел., 30 %
твичинг	0 чел.	8 чел., 40 %	9 чел., 45 %
твистер	0 чел.	6 чел., 30 %	11 чел., 55 %
поппер	0 чел.	5 чел., 25 %	12 чел., 60 %

Таблица 12 / Table 12

Процентное соотношение / Percentage ratio

“0”	0,25%	0,1 слова
“+”	69,5%	27,8 слова
“^”	21,25%	8,5 слова

На рисунке 1 отражена зависимость между степенью семантизации заимствований и владением иностранным языком.

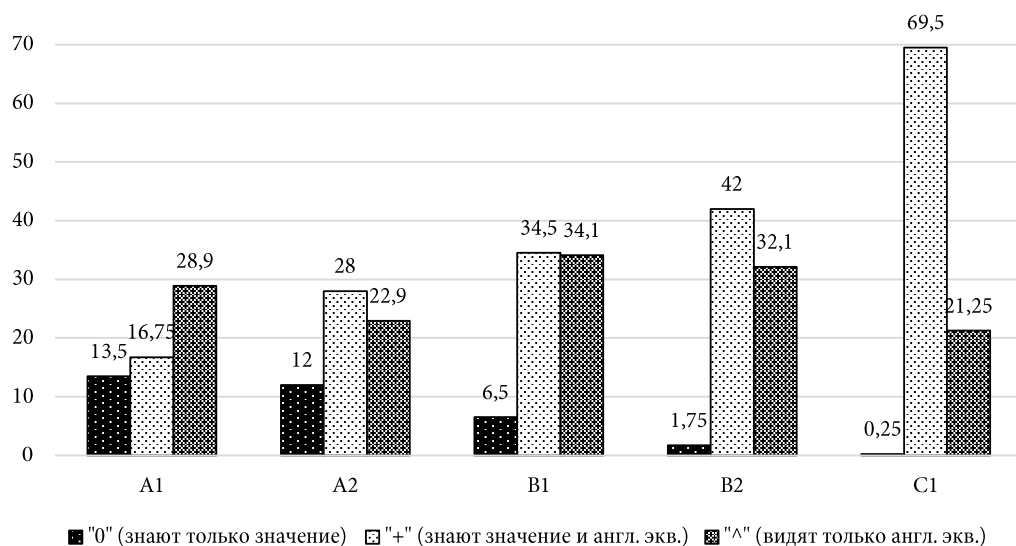

Рис. 1 / Fig. 1. Зависимость между степенью семантизации заимствований и владением иностранным языком / The relationship between the degree of semantization of borrowings and proficiency in a foreign language

Студенты со знанием английского на уровне C1 понимают 69,5% предложенных им заимствований, а студенты A1 – только 16,75%. На наш взгляд, этот факт свидетельствует о том, что знание иностранного языка существенно помогает при семантизации незнакомых иноязычных заимствований. С ростом уровня владения иностранным языком снижается количество слов, которые не ассоциируются с их иноязычными эквивалентами.

Стоит отметить, что показатель, отражающий знание только английских эквивалентов и неспособность с его помощью семантизировать слово в русском языке, варьируется в пределах от 21,25% до 34,1%. В большинстве случаев такая ситуация складывается при взаимодействии со словами из тематических групп «рыбалка» и «косметика». Это говорит о том, что слова данных тематических групп имеют меньший потенциал для вхождения в общеупотребительный пласт лексики и во многом определяются такими экстралингвистическими факторами, как пол и возраст. Вместе с тем новые заимствованные слова из групп «автомобили», «одежда» демонстрируют достаточный потенциал для

того, чтобы стать общеупотребительными. Отдельно следует отметить, что заимствования из тематической группы «коронавирус» в силу неактуальности показали достаточно низкий уровень семантизации. Студенты видят английские корни в этих словах, но не могут точно определить значение того или иного неологизма.

Заключение

В настоящее время некоторые лингвисты высказывают опасения по поводу значительного увеличения иноязычных заимствований в русском языке. Из приводимых доводов чаще всего указывают на риск нарушения чистоты речи и потери исторической и культурной ценности родного языка. Стоит отметить, что данные риски должны учитываться носителями русского языка при сознательном использовании заимствований в речи. Для этого в образовательном процессе на занятиях по словесности особое значение должно уделяться воспитанию внимательного отношения к русскому языку и его традиционной образности. На наш взгляд, залогом бережного отношения к родному языку в свете роста

количества иноязычных заимствований является тщательное изучение норм и правил как родного, так и иностранного языков, анализ значений иноязычий и их уместности в той или иной речевой ситуации.

В данной работе мы рассмотрели заимствования, которые действительно обозначают появляющиеся предметы и явления, способные адаптироваться к грамматическим, деривационным и фонетическим нормам русского языка. Однако они имеют разный лексический потенциал: некоторые из них потеряют актуальность в речи и будут стремиться к переходу в разряд историзмов, другие имеют шансы остаться в языке и даже стать общеупотребительными.

Лингвистический эксперимент показал влияние знания английского языка на семантизацию новых заимствований. Нам представляется, что неуместное и чрезмерное использование заимствований свойственно тем, кто в должной мере не владеет иностранным языком для оценки необходимости использования того или иного нового слова.

Перспективным представляется более подробный анализ лексического потенциала конкретных слов, а также влияние таких экстралингвистических факторов, как возраст и пол, на использование и понимание заимствований из разных тематических групп. Результаты проведённого исследования позволяют сделать это в будущем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Брейтер М. А. Англицизмы в русском языке: история и перспективы. М.: Диалог-МГУ, 1997. 156 с.
2. Крысин Л. П. О некоторых изменениях в русском языке конца XX века // Исследования по славянским языкам. 2000. № 5. С. 34–91.
3. Дьяков А. И. Причины интенсивного заимствования англицизмов в современном русском языке // Язык и культура: сборник статей Всероссийской научной филологической конференции (Новосибирск, 25–26 марта 2003 г.). Новосибирск: Новосибирское книжное издательство, 2003. С. 35–43.
4. Сологуб О. П. Усвоение иноязычных структурных элементов в русском языке // Наука. Университет. 2002: материалы Третьей научной конференции (Новосибирск, 14–15 марта 2002 г.). Новосибирск: Новый сибирский университет, 2002. С. 130–134.
5. Горощко О. Н., Труфанова В. П. Заимствование англицизмов в современном русском языке // Наука и современность. 2014. № 29. С. 221–226.
6. Кондрашева Е. В., Строева В. Е. Причины появления и особенности влияния заимствований на современный русский язык // Эпоха науки. 2023. № 34. С. 183–187. DOI: 10.24412/2409-3203-2023-34-183-187.
7. Кустова Г. И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М.: Языки славянской культуры, 2004. 472 с.
8. Нагель О. В., Волкова М. В. Семантические сдвиги лексических заимствований в русском языке и прагматика их употребления // Язык и культура. 2023. № 64. С. 8–27. DOI: 10.17223/19996195/64/1.
9. Гимаев Я. А. К вопросу о происхождении состава автомобильной терминологии, заимствованной из английского языка, в современном русском языке // Отечественная филология. 2024. № 2. С. 36–44. DOI: 10.18384/2949-5008-2024-2-36-44.
10. Махкамова О. К., Юнусова Х. Ю. Словообразовательные особенности заимствований в лексике моды и индустрии красоты // Актуальные проблемы русского словообразования. 2025. № 1. С. 84–87.
11. Агеева А. В., Абдуллина Л. Р., Габдреева Н. В. Функционал и семантика иноязычной лексики бьюти-сферы в современном русском языке // Русистика. 2023. Т. 21. № 4. С. 393–405. DOI 10.22363/2618-8163-2023-21-4-393-405.
12. Чжан Л. Фактор заимствования в тематической группе «наименования предметов одежды» // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9: Филология. Востоковедение. Журналистика. 2014. № 3. С. 183–189.
13. Чернышова А. А. Заимствование из английского языка эпонимов, входящих в семантическое поле «предметы гардероба» // Актуальные вопросы филологической науки XXI века: сборник статей IX Международной научной конференции молодых учёных, посвящённой 90-летию кафедры иностранных языков (Екатеринбург, 7 февраля 2020 г.). Ч. I. Екатеринбург: УМЦ-УПИ, 2020. С. 62–66.
14. Волкова О. С. Лингвопрагматика английских заимствований в русскоязычном дискурсе массовой коммуникации (на материале названий обуви) // Вестник Волгоградского государственного

- университета. Серия 2: Языкознание. 2021. Т. 20. № 6. С. 134–145. DOI: 10.15688/jvolsu2.2021.6.12.
15. Дробышева Е. И. Лексика ковидного периода: оценка употребительности неологизмов в студенческой среде // Мир науки, культуры, образования. 2022. № 5(96). С. 392–395. DOI: 10.24412/1991-5497-2022-596-392-395.

REFERENCES

1. Breiter, M. A. (1997). *Anglicisms in Russian: History and Prospects*. Moscow: Dialog-MSU publ. (in Russ.).
2. Krysin, L. P. (2000). On Some Changes in the Russian Language at the End of the Twentieth Century. In: *Studies in Slavic Languages*, 5, 34–91 (in Russ.).
3. Dyakov, A. I. (2003). Reasons for the Intensive Borrowing of Anglicisms in Modern Russian. In: *Language and Culture: Collection of Articles from the All-Russian Scientific Philological Conference (Novosibirsk, March 25–26, 2003)*. Novosibirsk: Novosibirsk Book publ., pp. 35–43 (in Russ.).
4. Sologub, O. P. (2002). Assimilation of Foreign-Language Structural Elements in the Russian Language. In: *Science. University. 2002: Proceedings of the Third Scientific Conference (Novosibirsk, March 14–15, 2002)*. Novosibirsk: New Siberian University publ., pp. 130–134 (in Russ.).
5. Goroshko, O. N. & Trufanova, V. P. (2014). Borrowing of Anglicisms in Modern Russian. In: *Science and Modernity*, 29, 221–226 (in Russ.).
6. Kondrasheva, E. V. & Stroeva, V. E. (2023). Reasons for Appearance and Influential Peculiarities of Borrowings in Modern Russian. In: *Epoch of Science*, 34, 183–187. DOI: 10.24412/2409-3203-2023-34-183-187 (in Russ.).
7. Kustova, G. I. (2004). *Types of Derived Meanings and Mechanisms of Language Expansion*. Moscow: Yazyki slavyanskoi kultury (in Russ.).
8. Nagel, O. V. & Volkova, M. V. (2023). Semantic Shifts of Lexical Borrowings in Russian and the Pragmatics of Their Use. In: *Language and Culture*, 64, 8–27. DOI: 10.17223/19996195/64/1 (in Russ.).
9. Gimaev, Ya. A. (2024). On the Origin of Automotive Terminology Borrowed from English in Modern Russian. In: *Modern Studies in Philology*, 2, 36–44. DOI: 10.18384/2949-5008-2024-2-36-44 (in Russ.).
10. Makhkamova, O. K. & Yunusova, H. Yu. (2025). Word-Formation Features of Borrowings in the Vocabulary of Fashion and the Beauty Industry. In: *Contemporary Problems of Russian Word Formation*, 1, 84–87 (in Russ.).
11. Ageeva, A. V., Abdullina, L. R. & Gabdreeva, N. V. (2023). Functionality and Semantics of Foreign Vocabulary of the Beauty Sphere in Modern Russian. In: *Russian Language Studies*, 21, 4, 393–405. DOI: 10.22363/2618-8163-2023-21-4-393-405 (in Russ.).
12. Zhang, L. (2014). Borrowing Factor in the Thematic Group “Names of Clothing Items.” In: *Bulletin of St. Petersburg University. Series 9: Philology. Oriental Studies. Journalism*, 3, 183–189 (in Russ.).
13. Chernyshova, A. A. (2020). English Borrowings of Eponyms Included in the Semantic Field “Wardrobe Items.” In: *Current Issues of Philological Science in the 21st Century: Collected Articles from the IX International Scientific Conference of Young Scientists Dedicated to the 90th Anniversary of the Department of Foreign Languages (Ekaterinburg, February 7, 2020). Pt. I*. Ekaterinburg: UMC-UPI publ., 62–66 (in Russ.).
14. Volkova, O. S. (2021). Linguistic Pragmatics of English Borrowings in the Russian-Language Discourse of Mass Communication (Based on Shoe Names). In: *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, 20 (6), 134–145. DOI: 10.15688/jvolsu2.2021.6.12 (in Russ.).
15. Drobysheva, E. I. (2022). Vocabulary of the COVID-19 Period: Assessing the Usability of Neologisms Among Students. In: *The World of Science, Culture and Education*, 5 (96), 392–395. DOI: 10.24412/1991-5497-2022-596-392-395.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Гимаев Ян Айратович (г. Москва) – кандидат филологических наук, доцент Кафедры английского языка и профессиональной коммуникации Финансового университета при Правительстве Российской Федерации;
ORCID: 0000-0002-0148-7098; e-mail: yaagimaev@fa.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ya. Gimaev (Moscow) – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department of English for Professional Communication, Financial University under the Government of the Russian Federation;
ORCID: 0000-0002-0148-7098; e-mail: yaagimaev@fa.ru

Научная статья

УДК 81

DOI: 10.18384/2949-5008-2026-1-88-95

ОСНОВАНИЕ ОЦЕНОЧНОГО ЗНАЧЕНИЯ В ПРОИЗВЕДЕНИИ А. П. ЧЕХОВА «МНЕНИЯ ПО ПОВОДУ ШЛЯПНОЙ КАТАСТРОФЫ»

Губина В. В., Артамонов В. Н.

Ульяновский государственный педагогический университет им. И. Н. Ульянова, г. Ульяновск,
Российская Федерация

e-mail: valerochka_gubina@mail.ru

Поступила в редакцию 02.06.2025

Принята к публикации 05.06.2025

Аннотация

Цель. Определить, как основание оценки влияет на саму оценку на примере произведения А. П. Чехова «Мнения по поводу шляпной катастрофы».

Процедура и методы. В статье используются анализ текста в аспекте категории оценки, методы наблюдения, обобщения, интерпретации.

Результаты. Анализ показал, что общая оценка в произведении выражается вербально или выводится из контекста и зависит от основания оценки. В качестве основания оценки выступают такие характеристики субъектов, как их пол и социальное положение.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования вносят вклад в описание категории оценки.

Ключевые слова: категория оценки, основание оценки, оценка, средства выражения категории оценки, текст

Для цитирования:

Губина В. В., Артамонов В. Н. Основание оценочного значения в произведении А. П. Чехова «Мнения по поводу шляпной катастрофы» // Отечественная филология. 2026. № 1. С. 88–95.
<https://doi.org/10.18384/2949-5008-2026-1-88-95>.

Original research article

REASONS FOR ASSESSMENT IN A. P. CHEKHOV'S STORY "OPINIONS ON A HAT DISASTER"

V. Gubina, V. Artamonov

Ulyanovsk State Pedagogical University, Ulyanovsk, Russian Federation

e-mail: valerochka_gubina@mail.ru

Received by the editorial office 02.06.2025

Accepted for publication 05.06.2025

Abstract

Aim. To determine how a reason for assessment influences evaluation in A. P. Chekhov's story "Opinions on a Hat Disaster."

Methodology. During the study, text analysis in the aspect of the evaluation category, methods of observation, generalization, and interpretation were applied.

Results. The analysis showed that the general evaluation in the story is expressed verbally or derived from the context and depends on the reason for evaluation. The reason for evaluation is such characteristics of the subjects as their gender and social status.

Research implications. The results of the research contribute to the description of the evaluation category.

Keywords: category of evaluation, reason of evaluation, evaluation, means of expressing the category of evaluation, text

For citation:

Gubina, V. V., Artamonov, V. N. (2026). Reasons For Assessment in A. P. Chekhov's Story "Opinions on a Hat Disaster". In: *Russian Studies in Philology*, 1, 88–95. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2026-1-88-95>.

Введение

Оценка, отражая мировоззренческую, языковую картину мира личности и являясь одной из важнейших функций человеческого сознания, выступает в качестве объекта научных изысканий различных дисциплин – философии, культурологии, лингвистики и т. д. В языкознании на сегодняшний день сформировано несколько подходов к описанию категории оценки [1–8]. Исследователи отмечают близость категории оценки и модальности, представляют её как мнение, отношение и т. д. Следуя за Н. Д. Арутюновой, мы будем определять оценку как умственный акт, в результате которого устанавливается отношение субъекта к оцениваемому объекту с целью определения его значения для жизни и деятельности субъекта.

Логическая формула оценки включает в себя субъект оценки, объект, а также основание оценки, которое представляет собой её мотивацию или оценочный признак, т. е. то, с точки зрения чего производится оценивание. В тексте основание оценки может быть имплицитным и выводиться из общего контекста, а также фоновых знаний читателя [1; 9].

В основе системы оценочных значений лежат два противопоставленных друг другу признака: «хорошо» и «плохо». На шкале оценок они расположены на положительном и отрицательном полюсе соответственно. Однако любой объект обладает целым набором свойств. В связи с этим исследователи кроме общеоценочных зна-

чений (в координатах *хорошо* – *плохо*) выделяют также ряд частных оценок, которые подразумевают рассмотрение отдельных свойств объекта. Так, Н. Д. Арутюновой [1] были выделены три основные группы:

- сенсорные оценки, связанные с чувственным опытом: сенсорно-вкусовые (гедонистические) и психологические;

- сублимированные оценки, связанные с духовным началом: эстетические и этические;

- рационалистические оценки, связанные с практическими интересами: утилитарные, нормативные, телеологические.

Сенсорные оценки ориентируют человека в среде – природной или социальной. Они, как правило, не мотивируются, т. к. не зависят от воли или самоконтроля, но связаны с ощущением напрямую. Этим продиктовано и то, что сенсорные оценки в первую очередь характеризуют вкусы субъекта оценки, нежели сам объект. Сублимированные оценки связаны с понятием нормы, требований, предъявляемых к объекту, однако эстетические оценки, в отличие от этических, исключают строгую нормативность, т. к. эстетическое чувство не может быть удовлетворено стандартом. Удовлетворение чувства прекрасного или нравственного чувства составляет ядро духовного начала человека. Рационалистические оценки связаны с повседневным опытом субъекта оценки. Физическая или психическая польза, выполнение объектом оценки некоторой функции являются их основными крите-

риями. Как отмечает Т. В. Маркелова [6], между выделенными значениями нет чёткой границы, они взаимопроницаемы, поскольку в языке отражаются сложнейшие оттенки мыслительного содержания.

Как элемент логической формулы оценки основание оценочного значения влияет на саму оценку. Это влияние можно проследить на примере произведения А. П. Чехова «Мнения по поводу шляпной катастрофы». В данном тексте один объект оценивается разными субъектами. В связи с этим оценка объекта имеет разные основания.

Целью данной работы является анализ влияния основания оценки на саму оценку в произведении А. П. Чехова «Мнения по поводу шляпной катастрофы».

Анализ произведения

Короткое прозаическое произведение А. П. Чехова «Мнения по поводу шляпной катастрофы» было опубликовано в 1885 г. в журнале «Будильник». Его читателям – современникам автора – не было нужды объяснять, какая «катастрофа» имеется в виду. Произведение являлось откликом на произошедшую отмену устоявшегося обычая не снимать во время театрального представления дамскую шляпку. Однако А. П. Чехова интересовал не столько запрет на головные уборы, сколько общественная реакция на такую меру. Эта реакция в заглавии произведения обозначена с помощью слова «мнения».

В работах исследователей [2; 10; 11] понятия *мнение* и *оценка* зачастую разграничиваются. Оценка может быть определена как мнение о ценности (важности и т. д.) объекта¹, т. е. мнение в данном случае выступает родовым понятием по отношению к ней. В свою очередь можно выделить два вида мнений: мнение-оценку и мнение-предположение о факте [10]. Сравним два примера: *я думаю, что она хороший друг* и *я думаю, что она ушла в магазин*. В первом

случае мнение об объекте связано с его оценкой, во втором – мнение является собой противоположность знанию (ср.: *я знаю, что она ушла в магазин*).

В своей работе мы будем придерживаться позиции, согласно которой мнение не всегда содержит в себе оценку. В связи с этим именно обнаружение оценочного значения станет одной из задач анализа. В произведении шесть человек высказывают своё мнение о «катастрофе». Рассмотрим, в каких случаях отмена шляпок станет объектом оценки, а авторы мнений – субъектами оценки. Однако прежде того прокомментируем заглавие произведения.

Как уже было отмечено, в тексте элементы логической формулы оценочного высказывания могут присутствовать имплицитно. В качестве субъекта оценки в художественном произведении читателя незримо сопровождает автор. Его оценка может быть выражена различными способами, в том числе заглавием, которое в первую очередь привлекает читателя и настраивает его на определённое восприятие произведения. Как уже было сказано выше, современники писателя понимали, что подразумевалось под «шляпной катастрофой». Уже само это словосочетание включает элемент оценки. Толковые словари содержат следующие определения слова «катастрофа»: (1) «внезапное бедствие, событие с трагическими последствиями»; (2) крупное потрясение трагического характера, обуславливающее собой резкий перелом в личной или общественной жизни²; (3) «неожиданное и грандиозное событие в истории планеты, влияющее на её дальнейшее существование».³ Такая гиперболa определённо носит иронический характер. Если в прямом значении слово «катастрофа» указывало бы на важность события, то в случае иронии, напротив, подчёркивается его незначительность, в

¹ Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://slovarozhegova.ru> (дата обращения: 12.10.2025).

² Малый академический словарь (МАС) [Электронный ресурс]. URL: <https://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/11/ma203918.htm?cmd=0&istext=1> (дата обращения: 12.10.2025).

³ Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://slovarozhegova.ru> (дата обращения: 12.10.2025).

чём отражается негативная оценка [12–14]. Здесь пересекаются два функционально-семантических поля: «хорошо – плохо» и «важное – неважное».

Элементы логической формулы оценки тесно связаны друг с другом. Основание оценки может зависеть от определённых свойств как объекта оценки, так и её субъекта. В качестве основания оценки могут выступать такие характеристики, как социальная роль, ситуационная роль, возраст, пол, намерение и другие [12].

В рассматриваемом произведении основания оценки могут быть разделены на базе двух параметров: половой принадлежности субъектов и их социального статуса. Мужчины и женщины по-разному реагируют на отмену шляпок точно так же, как по-разному реагируют на неё те, кто, благодаря социальному статусу, может себе позволить приобрести красивый головной убор, и те, кто такой возможности лишён.

Женщин отмена женских головных уборов затрагивает напрямую, и их мало интересует действенность меры, т. е. её телеологическая сторона. Необходимо подчеркнуть, что дамская шляпка – это не только украшение, которое свидетельствует о вкусе, эстетическом чувстве своей владелицы. Современник автора знает: ношение шляпки – это вопрос не только красоты, но и соблюдения приличий, сохранения нравственного облика. У женщин на первый план выступают эстетическая и этическая оценки. Очевидно, что оценочные высказывания могут преследовать дидактические цели: воспитывать вкусы или нравственность [1]. При этом они содержат в себе указание на некоторый эталон.

Автор указывает на существующее в обществе расслоение. Шляпка свидетельствует о статусе женщины (который автор так охотно подчёркивал если не открыто, то хотя бы именами, например *Клеманс*, *Блани* и *Анжелика*), её отношении с окружающим миром (у дочери бедных, но благородных родителей имя не указано).

Единственная однозначно положительная оценка «шляпной катастрофы» в произведении даётся женщиной, которая, с

одной стороны, купить красивую шляпку не может, а с другой – ранее не смела появиться в театре без неё: [мнение] *Дочери бедных, но благородных родителей. И отлично! По крайности и я теперь буду ходить в театр. Никто не заметит, что у меня нет шляпки.*¹ Обратим внимание, что приведённый пример общей оценки (отлично!), получает пояснение: запрет на шляпки позволит приходить в театр тем, у кого их изначально не было.

Для остальных женщин – представительниц более обеспеченных слоёв – отмена шляпок на самом деле является «катастрофой». Основанием отрицательной оценки становятся противоречие принятой норме – традиции ношения шляпок – и представлениям о привлекательности (красоте).

Штабс-капитанша Пыжикова категорично заявляет: *Да будь я неладна, чтоб я в театр без шляпы пошла!* Выражение *будь я неладна* употребляется для отражения сильного неудовольствия, неодобрения. Штабс-капитанша Пыжикова против того, чтобы ходить в театр без шляпки, и стоит отметить, что в данном случае основанием оценки выступает и эстетическая норма, и этическая. Первая связана с внешней привлекательностью: *Нешто нынешний мужчина любит простоволосых?* Вторая выявляется исключительно в связи с устаревшими представлениями: так, в словаре Д. Н. Ушакова² отмечается, что в древнерусском быту считалось предосудительным для женщины ходить с непокрытой головой.

Для замоскворецкой купчихи Пятикрыловой отмена дамских шляпок тоже связана с нравственным обликом: оценивая не саму «шляпную катастрофу», а её результат, женщина называет тех дам, что придут в театр без головного убора, *непутящими*. В данном случае появляется

¹ Здесь и далее произведение цит. по: Чехов А. П. Мнения по поводу шляпной катастрофы // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Т. 4. М.: Наука, 1976. С. 155.

² См.: *простоволосый*. Словарь Д. Н. Ушакова [электронный ресурс]. URL: <https://ushakovdictionary.ru> (дата обращения: 12.10.2025).

интересный ряд контекстных синонимов – непутящая / непутёвая, дикая, бесчувственная (со знаком минус), – противопоставленных прилагательному *степенная* (со знаком плюс). Это противопоставление создаётся на уровне синтаксиса, причём не самым обычным способом: автор не использует противительные союзы, для которых подобная роль – смена знака – является привычной. Для того, чтобы выявить противопоставление, требуется «развернуть» одно из предложений, используя ту же конструкцию «если..., то»: *Степенная не пойдёт – ...если не пойдёт в театр, то степенная...*

В словаре С. И. Ожегова последнее имеет две дефиниции: (1) «рассудительно-серьёзный, важный»; (2) «немолодой, приближающийся к старости»¹ (устар. и прост.). В данном случае более подходящим, разумеется, является первое значение. Оно противоположно значению слова *непутёвый*, которое в этом же словаре определяется как *легкомысленный и беспутный, безалаберный*. Однако сложности появляются при определении остальных слов. Прилагательному *дикий* даётся шесть определений, большая часть из которых с пометой «перен.»: (1) «находящийся в первобытном состоянии» (о людях), «некультивируемый» (о растениях), «неприрученный, неодомашненный» (о животных); (2) перен. «грубый, необузданный»; (3) перен. «нелепый, странный» (разг.); (4) перен. «чуждающийся людей, застенчивый»; (5) полн. «необычайный, очень сильный» ((разг.) дико (нареч.) удивился); (6) полн. «не связанный ни с какими организациями, действующий самостоятельно» (разг.).² Слово *бесчувственный* здесь же определяется как: (1) «лишённый чувств, сознания»; (2) «лишённый чувства сострадания, отзывчивости».³

Поставить знак равенства между легкомысленным и грубым или нелепым сложно, однако в обеих дефинициях присутствует элемент несоответствия определённым *социальным нормам*. Это же несоответствие определённо присутствует в семантике слова *бесчувственный* – уже на уровне словообразования благодаря приставке бес-, которая указывает на лишение, т. е. отсутствие чего-то. Интересно и то, что в толковом словаре Д. Н. Ушакова слово *степенный* наделено ещё одним значением – «обладающий известной степенью, разрядом, пользующийся теми или иными преимуществами».⁴ Эта дефиниция входит в некоторое соответствие с определением *листократка* (аристократка): *...потому нашего брата, листократку, только по шляпке и отличишь от непутёвых...* Соответствие социальным нормам в данном случае объединяется с принадлежностью определённому социальному слою. Тем ироничнее этот вывод, что автор намеренно передаёт несоответствие речи говорящей нормам литературного языка.

Непозволительность принятой меры отмечает тёща (автора). При этом видится важным то, что ею подчёркивается социальный статус. Как уже было отмечено выше, положение в обществе становится одной из ключевых характеристик персонажей. Оно же включается в основание оценки: вдова статского советника не может появиться в театре «нагой». Игра с переносными значениями, как мы можем убедиться, для автора является частым средством выражения оценки. Так, словом «нагота» (*Мало того, что от зятя за свой парик насмешки терплю, так хотят ещё, чтоб и другие мою «наготу» увидели!*) указывается на ещё одно несоответствие норме, одновременно и эстетической, и этической, – лысина или полностью лысая голова, даже скрытая под париком, приравнивается обнажённому телу. Отметим, что здесь также заключается

¹ Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://slovarozhegova.ru> (дата обращения: 12.10.2025).

² Там же.

³ Там же.

⁴ Словарь Д. Н. Ушакова [электронный ресурс]. URL: <https://ushakovdictionary.ru> (дата обращения: 12.10.2025).

и существующая в произведении разница между нормами [для] женщин и [для] мужчин. Для первых и нагота, и лысина более аномальны.

Клеманс, Бланш и Анжелика не объясняют причины своего негативного отношения, но сразу указывают на последствия отмены шляпок – дамы перестанут ходить в казённый театр. Обратим внимание на использование междометия *Вот ещё!* Обратившись к словарям, обнаруживаем следующие значения: (1) возглас, выражающий «решительный отказ от чего-либо, подчёркнутое несогласие с чем-либо и соответствующий по значению»¹; (2) разг. «выражение отрицательного отношения к чему-н.».² Негативное отношение к мере подчёркивает другое выражение с пометой «разг.» в словаре – *очень нужно*³, которое также используется для выражения несогласия и отказа. В обоих случаях составители словарной статьи указывают не только на принадлежность разговорной речи, но и на пренебрежительное отношение говорящего к объекту.

Мужчины, не являющиеся частью традиции ношения дамских шляпок на театральных представлениях, оценивают «шляпную катастрофу» либо отрицательно, либо нейтрально. Отрицательная оценка имеет рациональное основание. Мужчины указывают на то, что предпринятая мера (объект оценки) не даст ожидаемого результата или не является наиболее действенной. Так, Иван Иванович Иванов даёт телеологическую оценку, заключая: *Ни к чему эта мера не поведёт-с, верьте слову-с...*

Предпочтительность иной, более действенной меры, нежели отмена головных уборов, выражается Иудушкой: *Вместо того, чтоб шляпы снимать, они бы так сделали: отдали бы мужчинам партер, а дамочкам галёрку – и шляпы целы, и всем*

видно... Союз *вместо того ... чтобы*⁴ указывает на сопоставление двух действий, одно из которых реальное, другое – нереальное, желательное. С точки зрения субъекта именно второе является предпочтительным. Данная конструкция необходима для того, чтобы выразить сожаление по поводу нецелесообразного выбора действия: мера, которую приняли, хуже чем та, которую могли принять.

Оценочные предикаты со значением «хорошо – нейтрально – плохо» в высказываниях мужчин отсутствуют. Однако эти значения выводятся, например, из предикатов оппозиции «важное – неважное». «Неважное» в таком случае предстаёт как нейтральное: *Извозчика. Что шляпки? Шляпки – тьфу! А вот ежели бы указ вышел, чтоб тульнюров⁵ не носили!...* Звукоподражание *тьфу!* употребляется для выражения презрительного отношения говорящего к объекту.⁶ Важнее отмены шляпок, которая была осуществлена, оказывается неосуществлённая отмена турнюров. В данном случае от читателя требуется привлечение обширного контекста, т. к. сами предложения не дают полной информации: [вышел указ об отмене шляпок] *А вот ежели бы указ вышел, чтоб тульнюров не носили!* [было бы лучше]. Читатель «додумывает» отсутствующие фрагменты, восстанавливает их на основе, во-первых, семантики противительного союза *а*, который указывает на переход от одного полюса оценки к другому (от минуса к плюсу

¹ Толковый словарь русского языка Т. Ф. Ефремовой [Электронный ресурс]. URL: <https://www.efremova.info> (дата обращения: 12.10.2025).

² Словарь Д. Н. Ушакова [электронный ресурс]. URL: <https://ushakovdictionary.ru> (дата обращения: 12.10.2025).

³ Там же.

⁴ Значение дано по: Словарь служебных слов русского языка / отв. ред. Е. А. Стародумова. Владивосток: Дальневосточный государственный университет, 2001. 363 с.

⁵ Искажённое «турнюр»: «в женской одежде XIX в.: подушечка, подкладывавшаяся под платье сзади ниже талии для придания фигуре пышности», а также «широкая юбка, предназначенная для ношения с такой подушечкой» (Большой толковый словарь русского языка. Грамота.ру [Электронный ресурс]. URL: [https://gramota.ru/poisk?query=турнюр&mode=slovari&dicts\[\]=42](https://gramota.ru/poisk?query=турнюр&mode=slovari&dicts[]=42) (дата обращения: 12.10.2025)).

⁶ Словарь Д. Н. Ушакова [электронный ресурс]. URL: <https://ushakovdictionary.ru> (дата обращения: 12.10.2025).

или наоборот), а во-вторых, значения сочетания частицы и союза *вот если бы*. Союз *если бы* используется при присоединении придаточной части сложно-подчинённого предложения, в которой выражается неосуществлённое, но желаемое действие.¹ При этом главное предложение, отсутствующее в данном случае, должно содержать сожаление. Для автора в очередной раз становятся принципиальными подчеркнутая недосказанность и вовлечение читателя в живой разговор.

На мужской оценке отражаются и социальные различия. Извозчик без фамилии обращает внимание на причиняемый мебели ущерб. Владелец и фамилии, и имени, и отчества Иван Иванович Иванов как представитель более высокого сословия оценивает вред, причиняемый ему самому, а не обстановке театрального зала. Литературный персонаж определённых свойств характера Иудушка предлагает хорошую альтернативу принятой мере, защищая не собственные интересы, но стараясь ради общественного блага.

Заключение

Таким образом, все шесть высказанных персонажами мнений содержат в себе оценку шляпной катастрофы, которая выражается вербально с помощью оценочных предикатов или выводится из контекста. В качестве основания общей оценки выступают характеристики субъекта оценки – его пол и социальное положение, т. е. то, какое отношение человек имеет к дамским шляпкам. Мужчины дают рациональную оценку, указывая предпочтительность другой меры или причину, по которой принятая мера не достигнет поставленной цели. Женщины дают сублимированную оценку, подчеркивая, что отмена шляпок противоречит существующей норме. Социальный статус оценивающего субъекта играет важную роль. Если у мужчин положение в обществе находит отражение только в оттенках рациональной оценки, то у женщин оно становится определяющим критерием.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. 2-е изд. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
2. Васильев Л. М. Теоретические проблемы общей лингвистики, славистики и русистики. Уфа: Башкирский государственный университет, 2006. 520 с.
3. Вежицкая А. Лексическая семантика в культурносопоставительном аспекте // Вежицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 503–652.
4. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. 2-е изд., доп. М.: Едиториал УРСС, 2002. 280 с.
5. Ивин А. А. Основание логики оценок. М.: Московский университет, 1970. 232 с.
6. Маркелова Т. В. Выражение оценки в русском языке // Русский язык в школе. 1995. № 1. С. 76–81.
7. Сухомлина Т. А. Оценочная модальность в текстах коротких рассказов // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2021. № 6. С. 71–78. DOI: <https://doi.org/10.18384/2310-712X-2021-6-71-78>.
8. Цынк С. В. Оценочные прилагательные при именах собственных в публицистике А. И. Солженицына // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2022. № 4. С. 60–71. DOI: [10.18384/2310-7278-2022-4-60-71](https://doi.org/10.18384/2310-7278-2022-4-60-71).
9. Артамонов В. Н., Уба Е. В. Лингвистический анализ текста. Категория оценки // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2020. № 2. С. 6–12. DOI: [10.18384/2310-7278-2020-2-6-12](https://doi.org/10.18384/2310-7278-2020-2-6-12).
10. Дмитриевская М. А. Знание и мнение: образ мира, образ человека // Логический анализ языка. Избранное. 1988–1995 / сост., отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2003. С. 47–56.
11. Иванова Г. Ф. О мнениях и оценках // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2007. Т. 8. № 41. С. 25–31.
12. Артамонов В. Н. Реализация категории важности в тексте и в предложении. Ульяновск: Ульяновский государственный технический университет, 2006. 200 с.

¹ Толковый словарь русского языка Т. Ф. Ефремовой [Электронный ресурс]. URL: <https://www.efremova.info> (дата обращения: 12.10.2025).

13. Маркелова Т. В. Категория иронической оценки: лингвопоэтический аспект // Актуальные проблемы русистики и поэтики текста: сборник научных статей. М.: Московский педагогический государственный университет, 2024. С. 149–164.
14. Ваулина С. С., Булатая Е. В. Ирония М. Е. Салтыкова-Щедрина: особенности иронической оценки в романе «Господа Головлёвы» // Слово.ру: балтийский акцент. 2021. Т. 12. № 4. С. 123–136.

REFERENCES

1. Arutyunova, N. D. (1999). *Language and the World of Man*. Moscow: Yazyki russkoi kultury publ. (in Russ.).
2. Vasiliev, L. M. (2006). *Theoretical Problems of General Linguistics, Slavic and Russian Studies*. Ufa: Bashkir State University publ. (in Russ.).
3. Vezhbitskaya, A. (1999). Lexical Semantics in the Cultural-Comparative Aspect. In: Vezhbitskaya, A. *Semantic Universals and Description of Languages*. Moscow: Yazyki russkoi kultury publ., pp. 503–652 (in Russ.).
4. Wolf, E. M. (2002). *Functional Semantics of Evaluation*. Moscow: Editorial URSS publ. (in Russ.).
5. Ivin, A. A. (1970). *Foundation of the Logic of Evaluations*. Moscow: Moscow University publ. (in Russ.).
6. Markelova, T. V. (1995). Expression of Evaluation in Russian. In: *Russian Language at School*, 1, 76–81 (in Russ.).
7. Sukhomlina, T. A. (2021). Evaluative Modality in Short Story Texts. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 6, 71–78. DOI: <https://doi.org/10.18384/2310-712X-2021-6-71-78> (in Russ.).
8. Tsink, S. V. (2022). Evaluative Adjectives with Proper Nouns in A. I. Solzhenitsyn Journalism. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 4, 60–71. DOI: 10.18384/2310-7278-2022-4-60-71 (in Russ.).
9. Artamonov, V. N. & Uba, E. V. (2020). Linguistic Analysis of the Text. Evaluation Category. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2, 6–12. DOI: 10.18384/2310-7278-2020-2-6-12 (in Russ.).
10. Dmitrovskaya, M. A. (2003). Knowledge and Opinion: Image of the World, Image of Man. In: *Logical Analysis of Language. Selected Works. 1988–1995*. Moscow: Indrik publ., pp. 47–56 (in Russ.).
11. Ivanova, G. F. (2007). On Opinions and Assessments. In: *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, 8 (41), 25–31 (in Russ.).
12. Artamonov, V. N. (2006). *Realization of the Importance Category in Texts and in Sentence*. Ulyanovsk: Ulyanovsk State Technical University publ. (in Russ.).
13. Markelova, T. V. The Category of Ironic Evaluation: The Linguistic-Poetic Aspect. In: *Actual Problems of Russian Studies and Text Poetics: A Collection of Scientific Articles*. Moscow: Moscow State Pedagogical University publ., pp. 149–164 (in Russ.).
14. Vaulina, S. S. & Bulataya, E. V. (2021). M. E. Saltykov-Shchedrin's Irony: Features of Ironic Assessment in the Novel "The Golovlyov Family." In: *Slovo.ru: Baltic Accent*, 12 (4), 123–136 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Губина Валерия Викторовна (г. Ульяновск) – аспирант кафедры русского языка, литературы и журналистики Ульяновского государственного педагогического университета имени И. Н. Ульянова; ORCID: 0000-0002-8683-6903; e-mail: valerochka_gubina@mail.ru

Артамонов Владимир Николаевич (г. Ульяновск) – доктор филологических наук, заведующий кафедрой русского языка, литературы и журналистики Ульяновского государственного педагогического университета имени И. Н. Ульянова; e-mail: vladimartamonov@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Valeria V. Gubina (Ulyanovsk) – Postgraduate Student, Department of Russian Language, Literature and Journalism, Ulyanovsk State Pedagogical University; ORCID: 0000-0002-8683-6903; e-mail: valerochka_gubina@mail.ru

Vladimir N. Artamonov (Ulyanovsk) – Dr. Sci. (Philology), Head of the Department, Department of Russian Language, Literature and Journalism, Ulyanovsk State Pedagogical University; e-mail: vladimartamonov@yandex.ru

Научная статья

УДК: 81'37:070

DOI: 10.18384/2949-5008-2026-1-96-102

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ В ТЕКСТАХ ЭЛЕКТРОННЫХ РУССКИХ СМИ

Колесникова С. М.*, Ван Шань

Московский педагогический государственный университет, г. Москва, Российская Федерация

**Корреспондирующий автор; e-mail: asya28@list.ru*

Поступила в редакцию 08.12.2025

Принята к публикации 13.12.2025

Аннотация

Цель. Опираясь на комплексный анализ языковых единиц, выявить особенности функционирования экологических терминов в текстах электронных русских СМИ.

Процедура и методы. В ходе исследования использовались аналитический метод наблюдения над языковыми фактами и их обобщение, метод семного и компонентного анализа, метод дифференциации значений, интерпретационный метод.

Результаты. Установлены функциональная специфика и смысловая организация экологической терминологии в текстах электронных русских СМИ.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования определили ряд языковых процессов, характерных для единиц данного уровня: во-первых, отмечается *сужение семантики термина*, возможность упрощения понятий в пределах терминологической системы; во-вторых, наблюдается *приращение содержательных качественно-характеризующих (градуальных) смыслов*; в-третьих, появляются *новые (экологические) лексические единицы*. С лингвистической точки зрения определены языковые процессы, отображающие *экологические реалии*: резкое увеличение в лексике экологических терминов; интенсивное проникновение специальной экологической лексики в общепотребительный язык и т. д. Установлено, что освоение экологической лексики зависит от частоты употребления таких слов и активности их использования в разных стилях речи (прежде всего в публицистическом стиле).

Ключевые слова: семантика, смысловые коннотации, функции, экологические термины, электронные СМИ

Для цитирования:

Колесникова С. М., Ван Шань. Особенности функционирования экологических терминов в текстах электронных русских СМИ // Отечественная филология. 2026. № 1. С. 96–102. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2026-1-96-102>.

Original research article

FUNCTIONING FEATURES OF ENVIRONMENTAL TERMS IN RUSSIAN ELECTRONIC MEDIA

S. Kolesnikova*, Wang Shan

Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russian Federation

**Corresponding author; e-mail: asya28@list.ru*

Received by the editorial office 08.12.2025

Accepted for publication 13.12.2025

Abstract

Aim. To identify the features of the functioning of environmental terms in the texts of Russian electronic media by comprehensive analysis of linguistic units.

Methodology. The analytical method of observing linguistic facts and their generalization, the method of seme analysis and component analysis, the method of differentiating meanings, and the interpretative method were used in the study.

Results. The functional specificity and semantic organization of environmental terminology in the texts of Russian electronic media have been established.

Research implications. The results of the study establish several language processes characteristic of units of this level. Firstly, it is a narrowing of the semantics of the term and the possibility of simplifying concepts within the terminological system are noted. Secondly, an increase in meaningful qualitative-characterizing (gradual) meanings is observed. Thirdly, new (ecological) lexical units appear. In the linguistic sphere, linguistic processes are taking place that reflect environmental realities – a sharp increase in environmental terms in the vocabulary, intensive penetration of special environmental vocabulary into the common language, etc. Mastering environmental vocabulary depends on the frequency of use of such words and the activity of their use in different styles of speech (mainly in the journalistic style).

Keywords: environmental terms, functions, semantics, semantic connotations, electronic media

For citation:

Kolesnikova, S. M. & Wang Shan (2026). Functioning Features of Environmental Terms in Russian Electronic Media. In: *Russian Studies in Philology*, 1, 96–102. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2026-1-96-102>.

Введение

Экологическая терминология (от лат. *terminus* – ‘граница, предел’ и *logos* – ‘учение’) представляет собой совокупность терминов (слов, словосочетаний, понятий) экологической области знаний или деятельности.¹ В настоящее время усиливается внимание авторитетных и молодых учёных-лингвистов к проблемам терминосистем, их семантическим и функциональным особенностям [1–5]. Как известно, терминология функционально связана с узкой сферой профессионального общения специалистов определённой области науки.

Сужение семантики термина

В области экологии в первую очередь отмечается сужение семантики термина, например: термин *органический* – «принадлежащий к растительному или животному миру», «характеризующийся ‘жиз-

ненными процессами’» (архисема ‘живой’), см.: *Органический мир. Органическая природа. Органическая ткань. Органическая жизнь* (= «образовавшийся в результате разложения животных и растительных организмов»), представляющий собой ‘продукт такого разложения’; *органические удобрения* (= «содержащие ‘питательные вещества’ в форме соединений растительного и животного происхождения»); *Органическая химия* – ‘раздел’ химической науки, изучающей соединения, содержащие углерод; *органическое стекло* – ‘прозрачный твёрдый листовый материал, получаемый на основе органических полимеров (плексиглас); *органические вещества* – ‘химические соединения’, содержащие углерод.² Термин *органический* является весьма продуктивным с точки зрения употребления (по релевантности найдено 103 статьи в «Российской газе-

¹ Большая российская энциклопедия: [Электронный ресурс]. URL: <https://old.bigenc.ru> (дата обращения: 25.11.2025).

² Большой толковый словарь русского языка: [Электронный ресурс]. Грамота.ру: [сайт]. URL: <https://gramota.ru/biblioteka/slovari/bolsjoj-tolkovyy-slovar?ysclid=misret5pe280898091> (дата обращения: 25.11.2025).

те»): «первоначально крест четырёхконечный был датирован концом XIX–началом XX века. У предмета имелись плотные слои органических загрязнений, смешанных с продуктами коррозии...»¹ В тексте данный термин означает «натуральный» и «природный».

Термин *сообщество* – это «социальная единица» (группа), в которой объединены субстанции («живые существа») по конкретному признаку – нормам, религии, ценностям, роду занятий, обычаям, этнической принадлежности, политическим взглядам, увлечениям, идентичности и под. [1, с. 357]. Данный термин относится как к социальным связям между людьми, так и к природным образованиям.² Человеческие сообщества могут формироваться по принципу «места», расположенного в данном географическом районе (например, в стране, деревне, городе, признаку «соседства») или в виртуальном пространстве через коммуникационные платформы (различные интернет-сообщества по их интересам: тематические веб-форумы, блоги и группы).³

Доминирующий термин *экология* (от греч. *οἶκος* – «жилище», «местопребывание» и *logos* – «учение») – наука, изучающая «организацию и функционирование надорганизменных систем различных уровней» (популяций, биоценозов (сообществ), экосистем и биосферы).⁴ В русском литературном языке слово *экология* имеет несколько значений, «близких» или «совпадающих», но «отличающихся друг от друга

оттенками значений, стилистической (экспрессивной) окраской, принадлежностью к тому или иному слою языка» [6, с. 78]. В научном смысле *экология* – это «биологическая дисциплина», изучающая взаимоотношения организмов с окружающей средой. В бытовом смысле *экология* – обобщённое понятие, связанное с «чистой природой», «качеством» (воздуха, воды, почвы; состава, содержания и т. д.). В переносном значении *экология* – «чистота», правильность, обусловленные гармоничным соотношением элементов; забота о такой «чистоте».

В настоящее время чаще всего употребляется производное относительное имя прилагательное *экологический* (= «относящийся к экологии») в терминологических словосочетаниях *экологические вопросы / проблемы*, под которыми понимаются *вопросы / проблемы* «охраны окружающей среды», или тождественная терминологическая именная модель «им. сущ. + им. сущ.» – «*проблемы / вопросы экологии*».⁵ Указанный термин достаточно продуктивный (по релевантности найдено 66 статей в «Российской газете»): *руководит учётом Марина Рutowская, доктор биологических наук, сотрудник Института проблем экологии и эволюции имени Северцова Российской академии наук, крупнейший в стране специалист по русской выхухольи*.⁶ В данном контексте можно говорить о сужении семантики термина *экология* к одному из значений – «охрана окружающей среды».

Весьма продуктивны в современных СМИ, русской речи и маркетинге производные сложносокращённые образования типа *экотропа* (= «*экологическая тропа*» – «чистая», «природная»), *экосистема*, *экогород*, *экопродукт* и под., объединён-

¹ Румянцева Т. Что случилось с исчезнувшей гробницей Клеопатры, объяснил российский учёный [Электронный ресурс] // Родина: [сайт]. URL: <https://rodina-history.ru/2025/11/22/chto-sluchilos-s-ischeznuzshej-grobnicej-kleopatry-obiasnil-rossijskij-uchenyj.html> (дата обращения: 25.11.2025).

² Большой толковый словарь русского языка: [Электронный ресурс]. Грамота.ру: [сайт]. URL: <https://gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoj-tolkovyy-slovar?ysclid=misret5pe280898091> (дата обращения: 25.11.2025). (дата обращения: 25.11.2025).

³ Сообщество [Электронный ресурс] // Рувики: интернет-энциклопедия: [сайт]. URL: <https://ru.ruwiki.ru/wiki/Сообщество> (дата обращения: 25.11.2025).

⁴ Большая российская энциклопедия: [Электронный ресурс]. URL: <https://old.bigenc.ru> (дата обращения: 25.11.2025).

⁵ Большой толковый словарь русского языка: [Электронный ресурс]. Грамота.ру: [сайт]. URL: <https://gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoj-tolkovyy-slovar?ysclid=misret5pe280898091> (дата обращения: 25.11.2025). (дата обращения: 25.11.2025).

⁶ Локалов А. Русскую выхухоль разыскивают в брянских лесах [Электронный ресурс] // Родина: [сайт]. URL: <https://rodina-history.ru/2025/09/23/russkuiuyuhul-razyskivaiut-v-brianskih-lesah.html> (дата обращения: 25.11.2025).

ные семей 'чистый' (= «качественный»). Ср.: «Выбор мест стоянок на тропе. Оборудование **экотропы**. Выявление экскурсионных объектов» (Попова Е. П. Дополнительная общеразвивающая программа «ТЕРРА»); *во время летней межени 1971 г. минерализация вод р. Москвы колеблется от 0,2 до 0,5 мг / л. В 2003 г. минерализация воды в р. Москва составляет 0,4 мг / л. Это говорит о возросшей антропогенной нагрузке на экосистему бассейна р. Москва на территории г. Москвы и Раменского района* (Экологическое состояние р. Москвы); *Защита водных ресурсов, качества воды и водной экосистемы* (Оценка геологической устойчивости гидросферы); *За место в рейтинге экотородов мира агентства Mercer Human Resource Consulting – 9 баллов (8 самых чистых городов мира); 45% всех огурцов, яблок и прочих овощей и фруктов, реализуемых в столице Дании, составляют экотпродукты, а к 2015 году городские власти надеются довести их долю до 90% (8 самых чистых городов мира); есть и совсем экзотические и «деликатесные» супермаркеты: вслед за Fauchon, Hediard и «Глобус Гурмэ» в Москве появился магазин экотпродуктов Gruenvald* (Цыбульская О. Непохожая еда)¹ и мн. др.

Приращение градуальных смыслов

В области экологии наблюдается приращение дополнительных качественно-характеризующих коннотаций (смыслов), градуируемых в результате экспрессивизации, эмоциональном выражении и передачи оценочных значений [6–8], т. к. передача данных значений относится к «собственно общечеловеческим категориям», представляя «практический и интеллектуальный мир человека, его деятельность, мироощущение» [6, с. 78]. Например, термин *природа* – (греч. φύσις, лат. *natura*), одно из фундаментальных понятий европейской философии и культуры, обладаю-

щее широким спектром значений: 1) 'совокупность' всего сущего, 'мир' в целом; 2) противостоящий человеку объективно существующий и независимый от него 'мир', противопоставляемый всему, что создаётся человеческой деятельностью, истории, культуре, искусству, технике и т. д.; 3) 'сущность вещей'. Данный термин очень устойчивый и популярный во всех сферах человеческого бытия (по релевантности найдено 750 статей в «Российской газете»): *благодаря ему Хлебников полюбил природу и увлёкся естественными науками. Мать же будущего поэта – Екатерина Хлебникова – привила сыну любовь к истории, литературе и искусству...*² В данном контексте термин имеет положительную семантику и обозначает независимый от человека 'мир'.

Термин *свет* – 'Земля' со всем существующим на ней, 'мир', 'вселенная'. См.: *части света* ('отдельные материки' или 'обширные участки' их территории вместе с расположенными вблизи от них островами) – *Путешествие вокруг света. Поездить по свету. Повидать свет. Вольный свет*; или *свет* – 'освещение' (*Яркий свет*).³ Например: В 1786 году французский инженер Лебон проделал серию опытов с газовым освещением. В одном из парижских журналов того времени писали: *«Господин Лебон доказал, что рачительно собранным дымом можно произвести приятную теплоту и весьма яркий свет»*.⁴ В данном контексте указанный термин имеет поло-

¹ Национальный корпус русского языка: [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 25.11.2025).

² Зайцева В. 9 ноября 1885 года родился основоположник русского футуризма, реформатор поэтического языка поэт Велимир Хлебников: [Электронный ресурс] // Родина: [сайт]. URL: <https://rodina-history.ru/2025/11/09/140-let-nazad-rodilsia-predsedatel-zemnogo-shara-poet-velimir-hlebnikov.html> (дата обращения: 25.11.2025).

³ Современный толковый словарь русского языка: [Электронный ресурс]. URL: <https://gufo.me/dict/efremova?ysclid=misrqm8zzp754144506> (дата обращения: 25.11.2025).

⁴ Потапова Н. Газовые фонари. История городского освещения улиц и помещений в XIX – начале XX веков [Электронный ресурс] // Родина: [сайт]. URL: <http://rodina-history.ru/2025/10/17/zharovoj-svet.html> (дата обращения: 25.11.2025).

жительное и градуально-оценочное значение.

Градуальные высказывания с положительной семантикой [6, с. 78], типа *Всё на свете* (= «совершенно всё»), *больше всего на свете* (градосема высокой степени признака – «очень сильно»), *никто, ничто на свете* (= «совершенно никто, ничто»); в конструкциях с отрицательной семантикой: *ни за что на свете* (= «ни при каких условиях»). Динамика значений подтверждается смысловыми коннотациями ряда высказываний со словом *свет* – от «рождения» до «смерти» живых существ и человека, см.: *Белый свет, божий свет* (= «Земля», «люди»), *Не близкий (не ближний) свет* (= «о дальней дороге»), *Конец света* (= «гибель Земли, человеческого общества»), *Произвести на свет* (= «давать жизнь, родить»), *Оставить, покинуть свет* (= «умереть»), *Нет на свете* (= «умер», нет в живых), *Ещё не было на свете* (= «ещё не родился, не появился»), *Не будет на свете* (= «не родиться / не появиться», «не быть»), *Сжить, выжить, согнать со света, со свету* (= «уморить», «погубить»), *Новый свет (Америка)* и др.

Ср. пример передачи конкретного значения – «загрязнение окружающей среды», воздействие на биосферу, представляющее опасность для представителей живой природы и устойчивого существования экосистем, подтверждает качественные различия природных загрязнений, вызванных естественными причинами (например, в результате вулканической деятельности), и антропогенными, связанными с деятельностью человека и различными видами хозяйств. Например, указанный термин достаточно продуктивен (по релевантности найдено 74 статей в «Российской газете»), см.: *Свидетельства крупного загрязнения окружающей среды свинцом обнаружены в Греции...*¹ В данном контексте термин передаёт негативную оценку.

Наблюдается появление новых лексических единиц в области экологии. Например: двухкомпонентный термин *экологическая сознательность* – это та «форма сознания», когда человек отождествляет себя с окружающей природой и признаёт как своё влияние на неё, так и влияние природы на человека.² Данный термин становится очень популярным и встречается в газетных текстах и новостных порталах. См. пример употребления данного термина в «Российской газете»: *Его установили для того, чтобы «повышать экологическую сознательность подводных туристов»*.³

Двухкомпонентный термин *экологическая катастрофа* – «экстремальная ситуация», сопровождаемая глубокими, нередко необратимыми «изменениями природной среды, разрушением природных экосистем, что приводит к ухудшению условий жизни и массовой гибели живых организмов».⁴ Термин весьма продуктивный, широко употребляемый в газетных текстах последних лет (с 2020 г. до настоящего времени). См. пример употребления данного термина в «Российской газете» (2020): *В Новотроицке экологическая катастрофа, зимой идёт красный снег. Не представляете, что там творится. Ужас без конца!*⁵

Двухкомпонентный термин *экологическая обстановка* – это пространственно-временное сочетание различных, в том числе позитивных и негативных с точки зрения проживания и состояния человека

ния: 25.11.2025).

² Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. М.: Просвещение, 1976. С. 543.

³ Чернышева В. Огромного рыцаря установили на дне Байкала: [Электронный ресурс] // Родина: [сайт]. URL: <https://rodina-history.ru/2025/01/13/ogromnogo-rycarya-ustanovili-na-dne-bajkala.html> (дата обращения: 25.11.2025).

⁴ Большая российская энциклопедия: [Электронный ресурс]. URL: <https://old.bigenc.ru> (дата обращения: 25.11.2025).

⁵ Нордвик В. Олег Сирота. Скажи «СЫР»: [Электронный ресурс] // Родина: [сайт]. URL: <https://rodina-history.ru/2020/01/10/rodina-syrovar-oleg-sirota.html> (дата обращения: 25.11.2025).

¹ Пашнева Н. Выявлено опасное наследие Римской империи [Электронный ресурс] // Родина: [сайт]. URL: <https://rodina-history.ru/2025/01/31/vyavleno-opasnoe-nasledie-rimskoj-imperii.html> (дата обра-

‘условий’ и ‘факторов’, создающих определённую *экологическую обстановку* на территории разной степени благополучия или неблагополучия.¹ См. пример употребления данного термина в «Российской газете» (2025): *раньше у нас свой небольшой огород был. Но потом **экологическая обстановка** сильно ухудшилась, и мы отказались от того, чтобы выращивать тут овощи и ягоды.*²

В настоящий момент экология тесно связана с культурой, экономикой и политикой в контексте устойчивого развития, поэтому постепенно появляются новые понятия, новые термины и развивается лексическое значение у слова (например: *политическая экология, эко-бумага, эко-мода, эко-молоко, эко-ферма, эко-новости, экологическая трагедия* и т. д.) [9–11].

Заключение

Экологические термины достаточно продуктивны и функционируют в газетно-публицистическом стиле, приобретая свойства общеупотребительных слов. В результате употребления устанавливается ряд языковых процессов, характерных для единиц данного уровня: во-первых, отмечается *сужение семантики термина*, возможность упрощения понятий в пределах терминологической системы; во-вторых, наблюдается *приращение содержательных качественно-характеризующих (градуальных) смыслов* (экспрессивные, эмоциональные и оценочные значения); в-третьих, появляются *новые (экологические) лексические единицы*, называющие *специальные значения*, а также их метафорическое переосмысление.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдулла Валид Латиф. Типы и функции финансовых терминов в современном русском языке (на материале современных российских печатных СМИ): дис. ... канд. филол. наук. М., 2017. 357 с.
2. Варламова Ю. В. Факторы формирования специализированных терминосистем // Социально-гуманитарный вестник Юга России. 2011. № 12. С. 140–149.
3. Го Цзин. Становление и развитие российской нефтяной терминологии // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2023. № 6–2. С. 135–139. DOI: 10.37882/2223-2982.2023.6-2.09.
4. Колесников В. В. Языковая специфика делового дискурса топливно-энергетического комплекса: заимствования и аббревиатуры // Вестник Рязанского государственного университета. 2025. № 2. С. 153–160. DOI: 10.37724/RSU.2025.87.2.015.
5. Лейчик В. М. Проблемы отечественного терминоведения в конце XX века // Вопросы филологии. 2000. № 2. С. 20–29.
6. Колесникова С. М. Средства выражения степени величины признака: синонимы и антонимы // Русский язык в школе. 1999. № 1. С. 78–82.
7. Колесникова С. М. Категория градуальности в современном русском языке: монография. Саранск: МГПИ им. М. Е. Евсевьева, 1996. 134 с.
8. Колесникова С. М. Градуальность в системе русского языка. М.: ФЛИНТА, 2018. 232 с.
9. Рахимбердиев Б. Н. Эволюция семантики экономической терминологии русского языка в XX веке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2003. 24 с.
10. Тороков Н. А., Архипова С. В. Экологическая терминология (на материале англо-русских эквивалентов) // Вестник науки. 2024. № 5 (74). Т. 4. С. 1017–1025.
11. Варламова Ю. В. Факторы формирования специализированных терминосистем // Социально-гуманитарный вестник Юга России. 2011. № 12. С. 140–149.

¹ Большая российская энциклопедия: [Электронный ресурс]. URL: <https://old.bigenc.ru> (дата обращения: 25.11.2025).

² Локалов А. Жара в Москве: где в разные времена купались москвичи, чтобы спастись от зноя: [Электронный ресурс] // Родина: [сайт]. URL: <https://rodina-history.ru/2025/07/11/zhara-v-moskve-gde-v-raznye-vremena-kupalis-moskvichi-chtoby-spastis-ot-znoia.html> (дата обращения: 25.11.2025).

REFERENCES

1. Abdullah Walid Latif (2017). *Types and Functions of Financial Terms in Modern Russian (Based on Modern Russian Print Media)*: [dissertation]. Moscow (in Russ.).
2. Varlamova, Yu. V. (2011). Factors in the Formation of Specialized Term Systems. In: *Social and Humanitarian Bulletin of the South of Russia*, 12, 140–149 (in Russ.).
3. Guo Jing (2023). Formation and Development of Russian Oil Terminology. In: *Modern Science: Actual Problems of Theory and Practice*, 6 (2), 135–139. DOI: 10.37882/2223-2982.2023.6-2.09 (in Russ.).
4. Kolesnikov, V. V. (2025). Linguistic Specificity of the Business Discourse of the Fuel and Energy Complex: Borrowings and Abbreviations. In: *Bulletin of the Ryazan State University named for S. A. Yesenin*, 2, 153–160. DOI: 10.37724/RSU.2025.87.2.015 (in Russ.).
5. Leychik, V. M. (2000). Problems of Domestic Terminology at the End of the Twentieth Century. In: *Issues of Philology*, 2, 20–29 (in Russ.).
6. Kolesnikova, S. M. (1999). Means of Expressing the Degree of a Feature's Value: Synonyms and Antonyms. In: *Russian Language at School*, 1, 78–82 (in Russ.).
7. Kolesnikova, S. M. (1996). *The Category of Graduality in the Modern Russian Language*. Saransk: Mordovia State Pedagogical University named after M. E. Evseviev (in Russ.).
8. Kolesnikova, S. M. (2018). *Graduality in the Russian Language System*. Moscow: FLINTA publ. (in Russ.).
9. Rakhimberdiev, B. N. (2003). *Evolution of the Semantics of Economic Terminology in the Russian Language in the 20th Century*: [dissertation]. Moscow (in Russ.).
10. Torokov, N. A. & Arkhipova, S. V. (2024). Environmental Terminology (Based on English / Russian Equivalents). In: *Science Bulletin*, 5 (74), 1017–1025 (in Russ.).
11. Varlamova, Yu. V. (2011). Factors in the Formation of Specialized Term Systems. In: *Social and Humanitarian Bulletin of the South of Russia*, 12, 140–149 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Колесникова Светлана Михайловна (г. Москва) – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка, Московский педагогический государственный университет.
e-mail: asya28@list.ru

Ван Шань (г. Москва) – аспирант кафедры русского языка, Московский педагогический государственный университет.
e-mail: crush186@qq.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Svetlana M. Kolesnikova (Moscow) – Dr. Sci. (Philology), Prof., Head of the Department, Department of the Russian Language, Moscow State Pedagogical University;
e-mail: asya28@list.ru

Wang Shan (Moscow) – Postgraduate Student, Department of the Russian Language, Moscow Pedagogical State University.
e-mail: crush186@qq.com

Научная статья

УДК 81'42:821.161.1

DOI: 10.18384/2949-5008-2026-1-103-114

ЦВЕТ КАШТАНА В СИСТЕМЕ ТЕРМИНОВ ЦВЕТА: ОТ СТЕРЕОТИПНОГО К РЕКЛАМНОМУ

Сивова Т. В.

Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, г. Гродно, Республика Беларусь
e-mail: t.sivova@grsu.by

Поступила в редакцию 19.08.2025

Принята к публикации 05.09.2025

Аннотация

Цель. Описать на материале цветковых дескрипций каштана, функционирующих в текстах различных дискурсов, сегмент цветовой концептосферы флористического пространства русского языка.

Процедура и методы. Осуществлён анализ функционирования колористических дескрипций каштана в текстах различных дискурсов, что позволило создать комплексное описание сегмента цветовой концептосферы русского языка. На различных этапах исследования использовались метод сплошной выборки, описательно-аналитический, контекстуальный, метод направленного ассоциативного эксперимента, количественной обработки данных.

Результаты. Выявлен состав актуализируемых в цветовой перцепции и визуализации каштана терминов цвета (27); определены доминанты цвета, а также эксплицирующие индивидуальную цветовую картину мира носителя языка уникальные дескрипции растения. Описаны способы уточнения цветового значения композитами различного состава (22), цепочками цвета (6). Выявлены способы расширения цветового спектра. Описана сочетаемость терминов цвета с фитонимической лексикой, с пространственной, соматической, вестигальной и др. Раскрыта функциональность описаний каштана, реализуемая преимущественно в онтологической, образительно-выразительной, прототипической функции, в функции создания цветового хронотопа. Сформирован список созданных на основе дескрипции каштана цветообозначений: 107 единиц, 79 из которых не фиксировались ранее в словарях цветообозначений; описана специфика их создания и функционирования.

Теоретическая и/или практическая значимость. Исследование вносит вклад в описание цветовой концептосферы флористического пространства русского языка.

Ключевые слова: корпусные исследования, лингвистика цвета, направленный ассоциативный эксперимент, рекламный дискурс, термин цвета, фитоним, цветовая концептосфера

Благодарности и источники финансирования. Автор выражает глубочайшую признательность студентам, профессорско-преподавательскому составу и руководству факультетов ГрГУ имени Янки Купалы за содействие в проведении ассоциативного эксперимента.

Для цитирования:

Сивова Т. В. Цвет каштана в системе терминов цвета: от стереотипного к рекламному // Отечественная филология. 2026. № 1. С. 103–114. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2026-1-103-114>.

Original research article

CHESTNUT COLOUR IN THE COLOUR TERM SYSTEM: FROM STEREOTYPICAL TO ADVERTISING TERMS

T. Sivova

Yanka Kupala State University of Grodno, Grodno, Republic of Belarus
e-mail: t.sivova@grsu.by

Received by the editorial office 19.08.2025

Accepted for publication 05.09.2025

Abstract

Aim. Using colour descriptions of a chestnut, which function in the texts of various discourses, to describe a segment of the colour conceptual sphere of the floristic space in the Russian language.

Methodology. An analysis of functioning of colouristic descriptions of a chestnut in the texts of various discourses was carried out, which made it possible to create a comprehensive description of a segment of the colour conceptual sphere of the Russian language. At various stages of the study the following methods were used: continuous sampling, descriptive-analytical, contextual, directed associative experiment, and quantitative data processing.

Results. The composition of colour terms actualized in colour perception and visualization of a chestnut was identified (27); colour dominants were defined, as well as unique descriptions of the plant. Methods for refining the colour meaning using composites of various compositions (22) and colour chains (6) were described. Methods of expanding the spectrum of lexemes with the meaning of colour intensity, with implicit colour, with the meaning of 'to be in bloom', 'to lose colour', 'light' and 'darkness' were identified. The compatibility of colour terms with phytonym-related lexemes, spatial, somatic, visage-related, etc. was described. The functionality of chestnut descriptions was revealed, which is realized mainly in the ontological, pictorial-expressive, prototypical function, in the function of colour chronotype creating. A list of colour designations based on chestnut descriptions was compiled – 107 units, 79 of which were not previously recorded in colour terms dictionaries; the specifics of their creation and functioning were described.

Research implications. The study contributes to the description of the colour conceptual sphere of the floristic space of the Russian language.

Keywords: corpus studies, linguistics of colour, directed associative experiment, advertising discourse, colour term, phytonym, colour conceptual sphere

Acknowledgments. The author expresses his deepest gratitude to the students, teachers, and management of the faculties of Yanka Kupala State University of Grodno for their assistance in conducting the associative experiment.

For citation:

Sivova, T. V. (2026). Chestnut Colour in the Colour Term System: From Stereotypical to Advertising Terms. In: *Russian Studies in Philology*, 1, 103–114. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2026-1-103-114>.

Введение

Растительный код, являясь «одним из универсальных способов описания мира и его фрагментов» [1, с. 85], закономерно оказывается в фокусе научного внимания лингвистов. Цветовая составляющая описания растений представляет иссле-

довательский интерес для специалистов, работающих в области лингвистики цвета, лингвокультурологии, этноботаники и др.

Цель данного выполненного в русле лингвистики цвета исследования – описать сегмент цветовой концептосферы флористического пространства русского языка

на материале колористических описаний каштана, функционирующих в текстах различных дискурсов. Материалом носящей полидискурсивный характер работы служат лексикографические источники: толковые словари русского языка: «Большой толковый словарь русского языка» С. А. Кузнецова, «Русский семантический словарь» под ред. Н. Ю. Шведовой, ассоциативные: «Русский ассоциативный словарь» под ред. Ю. Н. Караулова, «Словарь обыденных толкований русских слов» под ред. Н. Д. Голева, словари цветообозначений – созданный А. П. Василевичем с соавторами «Каталог названий цвета» [2], «Словарь цвета» В. К. Харченко; данные проведённого нами направленного ассоциативного эксперимента (611 респондентов); собрание сочинений в 9 т. К. Г. Паустовского; данные Национального корпуса русского языка – основного (ОК НКРЯ) и поэтического подкорпуса (ПК НКРЯ); тексты, размещённые на сайте рекламных объявлений «Авито» (Авито).

Обращение к специфике цветовой визуализации каштана не случайно: «культурная коннотация и символическое значение каштана» в различных культурах закономерно оказываются в фокусе исследовательского внимания лингвистов (см., например, исследование Д. Д. Сухих [3, с. 157]).

М. В. Румянцева, осуществляя лингвокультурологический анализ метафорических сравнений с эталоном цвета, выявленных в текстах русской художественной литературы XX в., отмечает, в частности: «эталонные коричневого цвета изыскиваются преимущественно в мире растений» [4, с. 52]. «За эталоном коричневого (а также бурого) цвета, – подчёркивает М. В. Румянцева, – авторы обращаются к фитоморфам. Здесь встречаем лексемы *каштаны* (выделено нами. – Т. С.), *орехи*, *жёлуди*, *вишня*, *табак*, *еловый обдирыш*, *еловая смола*» [4, с. 52].

Статус цветового прототипа находит отражение в лексикографических источниках. Так, И. В. Елынцева, отмечая, что «нередки случаи, когда конкретная “цветовая” сема в значении мотивирующих

слов ... колоративов-прилагательных вербально не выражена ...; предполагается, что у человека имеется чёткое представление о цвете данного предмета-носителя» [5, с. 66], в качестве примера приводит следующие адъективы: «рус. *каштановый* ЛСВ2 ‘коричневый, цвета каштана’ (ср.: *каштан* ‘дерево сем. буковых, дающее плоды в виде крупного ореха; съедобный плод этого дерева’) / бел. *каштанава* ЛСВ2 ‘колору каштана, чырванавата-карычневый’ (ср.: *каштан* ‘дрэва сямейства букавых, якое дае плады ў выглядзе буйнога арэха; плод гэтага дрэва’)» [5, с. 67].

Лингвисты обращают внимание на сферу денотации термина цвета (здесь и далее – ТЦ) *каштановый*. В. Г. Кульпина фиксирует специализацию ТЦ в описании цвета волос: «в сфере цветообозначения волос оппозитивными коррелятами являются, к примеру, каштановый, чёрный, рыжий и др. цвета волос» [6, с. 282], М. В. Пименова с соавторами отмечают, в частности: «рыжая масть коня в английском ассоциируется с цветом каштана: *chestnut*» [7, с. 82]. Представляют особый интерес наблюдения М. С. Вагенлетнер и И. И. Золотаревой, которые заключают: «сибиряки не связывают каштановый цвет с плодами каштана, потому что это дерево не растёт в Сибири. Каштановый в сибирском языковом сознании, прежде всего определённый цвет волос, так ответило 92% опрошенных нами респондентов» [8, с. 36].

Изложенное определяет актуальность нашего исследования, посвящённого выявлению специфики цветовой перцепции и визуализации каштана, продолжающего наши изыскания в области описания цветовой концептосферы флористического пространства языка (см., например: [9] и др.).

К вопросу о классификации

Согласно наблюдениям Е. В. Дзюбы, каштан относится к нетипичным образцам категории ОРЕХ, к малотипичным, напр., жёлудь, при этом «лучшим образцом категории ОРЕХИ, по мнению носителей

языка, является грецкий орех» [10, с. 243], Н. Ю. Шведова относит фитоним к группе Орехоплодовые культуры, их плоды.¹

Лексикографическая репрезентация (коричневый, светло-коричневый; белый, бело-розовый). Толковые словари русского языка фиксируют цветовой значение в искомым дефинициях: *каштан* 'дерево сем. буковых, дающее плоды в виде крупного ореха светло-коричневой окраски'²; *каштан* 'дерево или кустарник сем. буковых с плодами-орехами', 'сам такой слегка сплюснутый плод в тонкой коричневой оболочке'. *Цветущие каштаны* (с пышными белыми или бело-розовыми соцветиями).³

В. Г. Кульпина подробно описывает этимологию ТЦ *каштановый*: «КАШТАНОВЫЙ. «Рыжебурый, яркй бурый» (Даль П. С. 101); «Коричневый, цвета каштана» (БТС. С. 424). Этимология: источник: «арм. *kaskeni* «каштановый» (Фасмер П. С. 215). Сфера денотации. В общелитературном языке выступает как цветообозначение волос. В терминологической функции 'каштановые почвы' означает «тип почв, образовавшийся под воздействием растительности сухих степей» (БТС. С. 424)» [6, с. 106].

Ассоциативное пространство (коричневый)

Направленный ассоциативный эксперимент (2021 г.; 611 респондентов; студенты ГрГУ имени Янки Купалы; 314 жен., 297 муж.; возраст: 17–20), в котором респондентам было предложено привести «цветовую» реакцию на стимул-фитоним «каштан», позволяет составить представ-

ление о цветовом впечатлении о растении, сложившемся в сознании носителей языка.

Статистика: всего цветовых реакций на стимул «каштан»: 583, различных цветовых реакций 41, одиночных реакций: 26, отказов: 28.

Результаты: коричневый 449: 239 (ж), 210 (м); зелёный 53: 23 (ж), 30 (м); тёмно-коричневый 11: 6 (ж), 5 (м); каштановый 7: 3 (ж), 4 (м); белый 5: 2 (ж), 3 (м); бордовый 5: 5 (ж); красный 5: 4 (ж), 1 (м); светло-коричневый 4: 1 (ж), 3 (м); бежевый 3: 2 (ж), 1 (м); жёлтый 3: 2 (ж), 1 (м); карий 3: 1 (ж), 2 (м); чёрный 3: 1 (ж), 2 (м); зелёно-коричневый 2: 2 (ж); зелёный, коричневый 2: 2 (м); коричневый, зелёный 2: 2 (ж); бурый 1: 1 (м); жёлто-зелёный 1: 1 (ж); жёлто-коричневый 1: 1 (м); жёлтый, белый 1: 1 (ж); зелёный и оранжевый 1: 1 (м); (белор.) карычевы 1: 1 (ж); каштановый оттенок 1: 1 (ж); коричнево-зелёный 1: 1 (ж); коричнево-рыжий 1: 1 (м); коричневый с белым 1: 1 (ж); коричневый, зелёный, жёлтый, красный 1: 1 (м); красно-коричневый 1: 1 (ж); насыщенный коричневый 1: 1 (ж); охра 1: 1 (ж); салатный 1: 1 (м); светло-оранжевый 1: 1 (м); серый 1: 1 (ж); синий 1: 1 (м); тёмно-зелёный 1: 1 (ж); тёмно-зелёный, коричневый 1: 1 (ж); тёмно-коричневый, каштановый 1: 1 (ж); тёмно-оранжевый 1: 1 (ж); тёмно-серый 1: 1 (м); фиолетовый 1: 1 (м); шоколадный 1: 1 (ж); ярко-коричневый 1: 1 (ж). Ср. с ассоциативными словарями: «каштан»: цвет 18; коричневый цвет 5; каштановый 1.⁴ «Русский ассоциативный словарь» не фиксирует цветовые реакции на стимул.⁵

Таким образом, в визуализации растения принимают участие 19 ТЦ (в алфавитном порядке): бежевый, белый, бордовый, бурый, жёлтый, зелёный, карий, **каштановый** (выделено нами. – Т. С.), коричневый, красный, оранжевый, охра, рыжий, салат-

¹ Каштан // Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. Т. 1. М.: РАН Ин-т рус. яз., 2002. С. 526.

² Каштан // Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. С. 424.

³ Каштан // Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. Т. 1. М.: РАН Ин-т рус. яз., 2002. С. 526.

⁴ Каштан // Словарь обыденных толкований русских слов. Лексика природы. Т. 1. / под ред. Н. Д. Голева. Кемерово: Изд-во Кем. ун-та, 2011. С. 369.

⁵ Каштан // Русский ассоциативный словарь / под ред. Ю. Н. Караулова [Электронный ресурс]. URL: <http://thesaurus.ru/dict> (дата обращения: 26.02.2024).

вый, серый, синий, фиолетовый, чёрный, шоколадный. Доминанта цвета коричневый (449), далее по ранжиру – зелёный (53) (ср. с данными НКРЯ).

Цветовое впечатление о дереве передаётся респондентами также с помощью 1) композитов различного состава (13), например, а) жёлто-зелёный, коричнево-рыжий и др., б) светло-коричневый, тёмно-зелёный, ярко-коричневый и др.; 2) цепочек цвета (6), например, двухкомпонентных: а) жёлтый, белый; коричневый, зелёный; б) тёмно-зелёный, коричневый; в) тёмно-коричневый, каштановый; многокомпонентных: г) коричневый, зелёный, жёлтый, красный. Респонденты используют и другие способы толкования цветового значения, например, насыщенный коричневый, коричневый с белым.

Авторская цветовая концептосфера

Проза К. Г. Паустовского (лексемы со значением 'быть в цвету') обнаруживает колористические дескрипции растения, построенные на основе 6 ТЦ: **жёлтый** 2 (*желтоватый, жёлтый*); **розовый** 2 (*розовый*); **зелёный** 1 (*зелёный*), **красный** 1 (*красный*), **ржавый** 1 (*ржавчина*), **рыжий** 1 (*рыжеватый*). В контексте: *Когда на каштанах расцветали жёлтые и розовые свечи, весна достигала разгара.*¹ *Вместе с тем доминируют в описаниях лексемы со значением 'быть в цвету' (расцвести, цвести).* Спектр расширяется лексемами: 1) со значением интенсивности окраски (*прозрачный*), 2) со значением 'утратить цвет', 3) со значением 'свет' (*просветить*).

Авторские описания каштана принимают участие в создании преимущественно цветового темпорального измерения: темпоральной координаты (здесь и далее – ТК) «Время года» [весна] **каштаны** *выбрасывали первые листья – прозрачные, покрытые рыжеватым пухом*²; [осень] *разбрасывая по столикам листья кашта-*

*нов, уже тронутые ржавчиной*³; [зима] *падали съеденные зимой листья каштанов*⁴; реже – цветового пространственного измерения: пространства природы (в пересечении с пространством человека [соматический код]): *Листья каштанов обвяли, опустив свои широкие зелёные пальцы*⁵; *города: В саду, просвеченные насквозь солнцем, стояли каштаны*.⁶

В прозе К. Г. Паустовского фиксируется функционирование ТЦ **каштановый** (11), композита **красно-каштановый** (1), которые актуализируются в конструировании цветового пространственного измерения текста: 1) пространства человека [соматический код] (в описании волос как мужских, так и женских персонажей): *бледный человек со светлыми каштановыми волосами, с задумчивым взглядом*⁷; *Её красно-каштановые тяжёлые волосы отражались в воде*⁸; 2) пространства природы: [фауна] *пригоняла на двор к отцу Петру бычка с влажными каштановыми глазами*.⁹

Основной корпус НКРЯ (зелёный)

Цветовые описания дерева фиксируются в текстах свыше 70 авторов, среди которых В. Беляев, Л. Бердяева, И. Бунин, А. Грин, В. Каверин, В. Катаев, А. Куприн, А. Мариенгоф, В. Набоков, Ю. Олеся, И. Тургенев, И. Эренбург и др.

Спектр значимых в визуализации каштана ТЦ включает 13 единиц: **зелёный** 39 (*зазеленеть, зеленеть, зеленоватый, зелёно-золотой, зелёный, зелень, прозелень, тёмно-зелёный*); **белый** 23 (*бело-розовый, белый, дымчато-белый, молочно-белый*); **розовый** 22 (*бело-розовый, бледно-розовый, жёлто-розовый, розоватый, розово-жёлтый, розовый*); **жёлтый** 12 (*желтеть,*

¹ Паустовский К. Г. Собрание сочинений: в 9 т. Т. 4. М.: Худож. лит., 1982. С. 64.

² Там же. С. 64.

³ Паустовский К. Г. Собрание сочинений: в 9 т. Т. 1. М.: Худож. лит., 1981. С. 55.

⁴ Там же. С. 174.

⁵ Паустовский К. Г. Собрание сочинений: в 9 т. Т. 4. М.: Худож. лит., 1982. С. 647.

⁶ Там же. С. 82.

⁷ Паустовский К. Г. Собрание сочинений: в 9 т. Т. 7. М.: Худож. лит., 1983. С. 429.

⁸ Паустовский К. Г. Собрание сочинений: в 9 т. Т. 5. М.: Худож. лит., 1982. С. 290.

⁹ Там же. С. 406.

желтизна, желтоватый, жёлто-розовый, жёлтый, пожелтеть, розово-жёлтый); **золотой** 9 (зелёно-золотой, золото, золотой, позолоченный); **коричневый** 9 (коричневый, ярко-коричневый); **чёрный** 7 (почернеть, чернота, чёрный); **красный** 2 (густо-красный, красный); **рыжий** 2 (рыжеватый, рыжий); **кремовый** 1 (кремовый); **лиловый** 1 (светло-лиловый); **пурпурный** 1 (пурпур); **серый** 1 (посереть). В контекстах: это был стук **зелёных** колючих **шаров**, падавших с ветвей каштана на землю (Грек); пошёл **по коричневым каштановым листьям** (Иск.); **светло-лиловыми и белыми свечами цветут каштаны** (Овч.)¹.

Спектр расширяется лексемами: 1) со значением интенсивности окраски (бледный, блёклый, полупрозрачный, прозрачный, сочный, яркий и др.), 2) с имплицитным цветом (нарядный, осенний), 3) со значением 'быть в цвету' (зацвести, распуститься, расцвести, цвести, цвет, цветение, цветущий), 4) 'свет' (блестеть, блестящий, гореть, загореться, зажечь, лакированный, мерцать, пламя, пылать, сверкать, свет, свеча, сияние и др.) и 'тьма' (сумерки, тёмный, тень). В контекстах: как на набережной **каштаны** покрывались большими шишкатыми зелёными почками, как разворачивались из них **бледные, полупрозрачные** узорные **листья** (Крас.); увидела старого доктора **под цветущим каштаном, озарённым лучами заходящего солнца** (Кав.).

Выявленные ТЦ коррелируют преимущественно с фитонимом **каштан**, с другой фитонимической лексикой (напр., **ветвь, гроздь, кора, крона, лепесток, лист, листва, почка, пух, скорлупа, соцветие, ствол, цветок, шишка, ядро** и др.), в меньшей мере – с соматической (**бок, ладонь, лапа, палец**), с металексемами (**тон, цвет** и др.). Например: **Стоят каштаны в свечах – розово-жёлтых хлопущих-султаннах** (Манд.); **коричневый, блестящий, с чёрным бочком каштан** (Кир.); **тёмные**

ладони каштанов треплются в воздухе (Горьк.).

ОК НКРЯ фиксирует функционирование 8 ТЦ, основанных на колористической дескрипции дерева: **желтоватый** лист каштана, конского каштана, красноватого каштана, спелого каштана, тёмный каштан, тихий каштановый, холодный каштан, каштановый, также 16 композитов: **бледно-каштановый, бронзово-каштановый, каштаново-золотистый, каштаново-коричневый, каштаново-медный, каштаново-пепельный, каштаново-рыжеватый, каштаново-рыжий, медно-каштановый, нежно-каштановый, рыжевато-каштановый, рыже-каштановый, светло-каштановый, тёмно-каштановый, чёрно-каштановый, ярко-каштановый**, также: **каштановолодый** (см. прототипическая функция).

Поэтический подкорпус НКРЯ (зелёный). Цветовые описания дерева фиксируются в поэтических текстах более 30 авторов, среди которых Н. Асеев, В. Брюсов, М. Волошин, И. Елагин, Д. Кедрин, В. Луговской, В. Набоков, В. Обухов, Б. Пастернак, И. Северянин, А. Фет и др.

Цветовой спектр, актуализируемый в описаниях, включает 8 ТЦ: **зелёный** 12 (зелёный, зелень); **золотой** 4 (золотистый, золотиться, золото); **розовый** 4 (розовый); **жёлтый** 3 (жёлтый, пожелтеть); **рдяный** 1 (рдеть); **рыжий** 1 (рыжий); **серебряный** 1 (серебряный); **чёрный** 1 (чёрный). В контекстах: **Как тихо Шеверятся зелёные листы Каштанов** (Обух.); **Каштан, сыпавший золото** В зелёную дрожь пруда (Мерк.).

Цветовой спектр расширяется лексемами: 1) со значением интенсивности окраски (бледный, сочный), 2) со значением 'быть в цвету' (цвести), 3) 'свет' (вспыхнуть, гореть, искра, огонь, полыхать, светиться, сиять), 'тьма' (тёмнолистный, тёмнолицый, тёмный). Напр.: **На больших стволах каштанов Ярко вспыхнул бледный лист** (Вол.).

ТЦ коррелируют преимущественно с фитонимом **каштан**, с другой фитонимической лексикой (напр., **ветвь, ветка,**

¹ Примеры далее цит. по: Национальный корпус русского языка. Основной корпус [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 21.06.2024).

лепесток, лист, сучок), природной (снег), пространственной (аллея), вестияльной (шляпа), световой (искра, свеча) и др. Например: *На каштанах / за домами, тронув свечи лепестков, в их серебряном / тумане сколько / быстрых / хоботков!* (Уш.); *К зелёным искрам на ветвях каштана!* (Луг.).

ПК НКРЯ фиксирует ТЦ каштановый, а также композиты: золотисто-каштановый, каштаново-атласный, каштаново-бронзовый (см. прототипическая функция).

Функциональный потенциал цветочных описаний дерева, согласно НКРЯ, реализуется в 1) онтологической функции: Среди листьев качались колючие **зелёные шарики** (Крап.); Излюбленного вечера прохлады, **Зелёные** тенистые **каштан**ы (Пар.);

2) изобразительно-выразительной: о тротуары бился **бело-розовый прибор каштановых цветов** (Рат.); **сквозь золотое** крупное **кружево каштанов** глядела ... промытая дождями холодная лазурь (Серг.);

3) создания цветового хронотопа (см. подробнее в [11]): 3.1 цветового пространственного измерения:

– пространства природы [флора] <каштан> **были коричневые**, большие и приятно тяжёлые (Иск.); [фауна] (на основе параллелей): **каштан**ы, **высочившие из зелёных ежей увядшей скорлупы** (Красн.); **тряхнул <дерево>**, и земля покрылась **зелёными иглами, как огромный морской еж** (Льв.);

– пространства человека [соматический код] О, **золотистые каштан**ы Твоих взволнованных **волос** (Север.); на основе параллелей: **Закружился каштан темнолицый** (Елаг.); **Мосино лицо блестело, как каштан** (Кат.); также: **боль раскатывалась колючими тяжёлыми клубками**. Славке показалось, что они **похожи на неочищенные каштан**ы, только не на зелёные, а на **багрово-красные** (Крап.); [вестияльный] (на основе параллелей): каштан

ы были в цвету, и **белые шапки их** красовались везде (Скал.); **Молча жёлтую шляпу снял древний каштан** (Попл.);

– пространства «вещного мира» (в системе параллелей): **весной деревья свер-**

кали канделябрами свечей (Эр.); <сквозь ограду> из раскидистых **каштанов, похожих с длинными, торчащими кверху розовыми цветами на** гигантские царственные **люстры** (Купр.);

– пространства сна: «Это каштан

ы», – догадывается **во сне** Динка... А цветы вдруг раскрываются, и из них падают **блестящие коричневые каштан**ы (Ос.);

– социальных явлений: **бело-розовые цветы** <каштанов> стоят так стройно и прямо, **как перевитая золотом свеча у** нарядной **невесты** (Ос.); из зелёной листвы, **как свечи на рождественской ёлке**, подымутся и расцветут **бледно-розовые цветы каштанов** (Бел.);

– мемориального пространства: На плиты холодные, на дорожки пустынные **Роняют листья каштан**ы **тёмные** (Кран.);

– гастрономического: **пробовала каштан**ы **на вкус**, разгрызая твёрдую корку, но жёсткая **молочно-белая сердцевина** их была горькой (Ос.);

– пространства науки [ботаника] **Растрепем белый цветок** и расположим его органы, как это сделали с почкой каштана, начиная с крайних, т. е. наружных, **белых лепестков** и кончая лежащим ближе к середине цветка органом с **жёлтыми пыльными мешочками** (Тим.);

– пространства искусства [живопись] в лёгком дожде, **как белые свечи, цветут каштан**ы, совсем как на картинах **Писсарро** (Прох.);

– пространства дома: **грохот города, зелень густых лип и каштанов**, звонки конок – всё это сразу **вторгнулось в чердачную комнатку** (Купр.);

– пространства города: **Каштан**ы **зеленели**, солнце капало с листвы, по улицам неслись машины (Зав.); **Моё окно выходит на Иоганнисберг и по ночам там белые фонари горят, а внизу каштан**ы **свечами мерцают** (Куз.);

– страны: В Дании горе **Станет прозрачной и тише: Между зелёных каштанов сверкает так ласково море** (Сол.);

3.2 цветового темпорального измерения:

– ТК «Фаза вегетации»: любовался **молодой зеленью каштанов**, которые уже **начинали зацветать** (Сед.); **зелёный шар** попался и обнажал внутри себя другой, поменьше, **ярко-коричневый, лакированный** (Грек.); **линия каштанов уже покрылась белыми соцветьями** (Пришв.);

– ТК «Время суток»: [закат] **каштан** в полном цвету, с прямыми, нарядными **свечками, розовыми от заходящего солнца** (Кав.); [вечер] **посерели** развесистые **каштаны** и заполз под них чёрный сумрак (Крюк.); [сумерки] **Мы в сумерки идём** (вдвоём с судьбою) **И с нами розовый каштанов цвет** (Толст.); [белая ночь] **в тишине белой ночи он поёт так громко, что, кажется, от каждого щёлканья вздрагивают белые пирамидки каштана** (Лив.);

– ТК «Месяц»: [май] **в мае** уже бушевала зелень, ... **зажгли свои свечи каштаны** (Кон.); [конец мая] **был конец мая, густо зеленели каштаны** (Газ.); [июнь] **Я слушаю тебя, июнь, Твой голос в зелени каштана** (Мих.);

– ТК «Время года»: [весна] **Когда на каштанах расцветали жёлтые и розовые свечи, весна достигала разгара** (Пауст.); [вечная весна] **перед нами предстали головокругжительно высокие купы цветущих каштанов, белых и розовых, как совершенное воплощение вечной весны** (Кат.); [лето] **в жирной летней зелени лип и каштанов** (Буйд.); [осень] **шелест позолоченных осенью листьев широкого каштана** (Красн.); **Любезная сердцу осень! Рыжий парик на каштане** (Елаг.);

– ТК «Длительный период времени»: **скрыта от глаз в глубине почти чёрных столетних стволов** <каштана> (Кат.);

4) прототипической функции. НКРЯ фиксирует функционирование 8 ТЦ, основанных на колористической дескрипции дерева: **желтоватый лист каштана, каштановый, конского каштана, каштанового каштана, спелого каштана, тёмный каштан, тихий каштановый, холодный каштан**, свыше 20 композитов, которые можно сгруппировать следующим образом: а) каштаново-коричневый, каштаново-рыжий, чёрно-каштановый,

б) каштаново-рыжеватый, в) бронзово-каштановый, золотисто-каштановый, каштаново-медный, г) бледно-каштановый, нежно-каштановый, светло-каштановый, тёмно-каштановый, ярко-каштановый, д) каштаново-атласный. Например: **женщина в чёрном платье, с чудесными волосами красноватого каштана** (Шмел.); **каштаново-атласный переливающийся лоск причёски** (Наб.).

Обращает на себя внимание широкое функционирование ТЦ **каштановый**, который принимает участие в создании четырёх цветовых пространственных измерений (расширение сферы денотации):

1) пространства природы: [флора] **вербейнику эта уловка против палящих лучей приглянулась, каштановые листочки растения стали более сизыми** (Шал.); **Каштановые льны-лежебоки, сморчковое в лице молодом** (Нарб.); [фауна] **каштановая дворяжка, любимица всей команды** (Нов.); **каштановый высоченный конь, очень поджарый** (Труб.); **хвостовые перья <галки> к середине переходили в каштановый цвет, спинка тоже каштановая** (Вет.);

2) пространства человека [соматический код] (сильная позиция): насчитываем 26 соматизмов, например, а) **букля, вихор, волосы, голова, затылок, коса, кудри, локон, причёска, прядь, чёлка, чуб, шевелюра**, б) **бакенбарды, баки, борода, усы, щетина**, в) **бровь, ресницы**, а также: **лицо, сосок, тело, слюна**. В контекстах: **каштановый от загара подпоручик** (Мст.); **вяло сваливающаяся набок женская грудь с расплывшимся каштановым соском** (Аг.); **густо слёвывают опачканную каштановую слюну** (Фурм.); [вестиальный] **она была в каштановой телячьей куртке с белыми подпалами** (Пан.); в составе перифрастической номинации: **отряды каштановых рубашек** закрывали еврейские магазины (Уст.);

3) пространства «вещного мира»: **на изящной каштановой тумбочке светила кина исписанных страниц** (Кар.);

4) пространства творчества: [живопись] **Тернер впервые отказался от традиционного грунта каштанового или золотистого цвета** (Поз.).

Рекламный дискурс («Авито»)

Размещённые на сайте «продающие» тексты фиксируют, по нашим наблюдениям, 76 ТЦ, основанных на колористической дескрипции каштана, включая 36 композитов различной модификации, инвентаризация и описание актуального функционирования которых представляются значимыми в свете задач, стоящих перед лингвистикой цвета. Перечислим: цвет глубокий каштановый, дикий каштан, золотистый каштан, зрелый каштан, интенсивный каштан, карамельный каштановый, каштан натуральный, каштан светлый, каштан тёмный, каштан, каштанового мёда, каштановое золото, каштановый красный, каштановый медный, каштановый металлик, каштановый перламутровый, каштановый тёмный, каштановый, коричневый каштан, красный каштан, медно-золотистый каштан, медный каштан / Red Chestnut, мокрого каштана, морозный каштан, мягкий каштановый, насыщенный каштановый, натуральный золотистый каштановый, пленительный каштан, пряный каштан, спелый каштан, средний каштан, тёмный каштановый, тёмный янтарно-каштановый блонд, тёплый каштан, тёплый каштановый, холодный каштановый, чёрный каштан, шоколадный каштан, шоколадный каштановый, яркий каштан; композиты: а) бордово-каштановый, каштаново-коричневый / Chestnut Brown / Kastanienbraun, каштаново-красный, каштаново-чёрный, коричнево-каштановый, красно-каштановый, лилово-каштановый, рыже-каштановый, чёрно-каштановый; б) золотисто-каштановый, каштаново-золотистый, медно-каштановый, перламутрово-каштановый; в) карамельно-каштановый, каштаново-шоколадный, кремково-каштановый, медово-каштановый, шоколадно-каштановый, г) каштаново-русый, русо-каштановый, д) вишнёво-каштановый, е) бледно-каштановый, нежно-каштановый, светло-каштановый, тёмно-каштановый, ж) средне-каштановый / Medium Chestnut, з) золотой светло-каштановый,

ореховый светло-каштановый, и) глубокий светло-каштановый, светло-каштановый медный, светло-каштановый ореховый, светло-каштановый шоколадный, холодный тёмно-каштановый; трёхкомпонентные, напр., к) рыже-коричнево-каштановый, л) насыщенно-каштаново-красный, тёмно-красно-каштановый. Например: Краска для волос Olia, цвет «Каштановое золото»¹; Диван. Цветовая гамма в оттенке бледно-каштановый, в ткани меланж; Платье женское, цвет рыже-коричнево-каштановый.

Ср. с зафиксированными в словарях цветообозначений ТЦ (31): лесной каштан [2, с. 175]; чёрный каштан, конский каштан, одесский каштан, золотистый каштан [2, с. 195]; каштановый [2, с. 204]; а также: каштан, тёмный каштан, цвета лесных каштанов, каштаново-бурый, каштаново-жёлтый, каштаново-золотой, каштаново-коричневый, каштаново-красный, каштаново-пегий, каштаново-рыжий, каштаново-серебристый, каштаново-тёмный, каштаново-чёрный, каштановый, красновато-каштановый, медно-каштановый, пепельно-каштановый, пурпурно-каштановый, розовато-каштановый, рыжеватое-каштановый, рыже-каштановый, светло-каштановый, серо-каштановый, тёмно-каштановый, ярко-каштановый.²

Выявленные ТЦ коррелируют с номинациями товаров, относимых к 26 категориям, напр., «Автомобили», «Бытовая техника», «Детская одежда и обувь», «Запчасти и аксессуары», «Красота и здоровье», «Мебель и интерьер», «Одежда, обувь, аксессуары», «Растения», «Телефоны», «Часы и украшения» и др. Например: Гибкая черепица Deke, цвет зрелый каштан; Серебряный кулон с янтарём цвета каштанового мёда.

Специфика создания и функционирования рекламных ТЦ реализуется в 1) фикс-

¹ Источник примеров этого раздела: Авито. Сайт рекламных объявлений [сайт]. URL: <https://www.avito.ru> (дата обращения: 26.02.2024).

² Харченко В. К. Словарь цвета: полная версия. Белгород: БелГУ, 2021. С. 215, 216, 237, 290, 368, 405, 423, 439, 442, 455, 490, 558, 644.

сации значимости корректной передачи цветового впечатления: *Волосы на заколках, цвет тёмно-каштановый (на фото темнее получились)*. Корректность цветопередачи достигается уточнением цвета: *Чёлка из искусственных волос, каштановый цвет (тёмно-коричневый с медным отливом)*; подбором синонимов: *Шторы, цвет тёмно-каштановый (тёмно-коричневый)*; обращением к цветовому прототипу: *Куртка Love Republic, цвет каштановый / шоколадный*; к физическому носителю цвета: *Колонки акустические. Оригинальный цвет моих I.Q – один в один цвет каштан: я клал натуральные каштаны на них и сходство было 100%*; к каталогу производителя: *Платье, цвет на бирке указан каштановый*; к принятой производителем цифровой маркировке цвета (преобладает): *Тени L'Oréal в оттенке 354 Золотистый каштан*; к международному стандарту цвета: *Профильный лист C8, RAL 8015 каштаново-коричневый*;

2) вариативности трактовки значения, например: цвет каштановый: 'коричневый': *Лоферы Loro Piana из замши каштанового цвета*. Цвет: коричневый; 'бежевый': *Бюстгальтер Marieteili, цвет каштановый*. Цвет: бежевый; 'рыжий': *Пальто Koton, цвет каштановый, рыжий, очень красивый*; 'шоколадный': *Парик новый, цвет каштановый, шоколадный*; 'ореховый': *Брюки Cacharel, цвет ореховый (каштановый)*; вместе с тем в

3) распространённости семантизации посредством ТЦ каштановый других цветообозначений: *Краска-уход Casting Crème Gloss в цвете двойной эспрессо (каштановый)*; *Абиссинские котята, шерсть с переливами – каштановая (соррель)*;

4) широкой оценочности (напр., благородный, блеск, богатый, живой, интересный, красивый, многогранный, насыщенный, натуральный, притягательный, приятный и др.): *Сапоги Zinda. Замечательный вишнёво-каштановый цвет*; *Шерстяное полупальто, сложный бордово-каштановый цвет*;

5) учёте фактора сочетаемости цветов: *Солнечные очки. Золотой цвет оправы*

идеально сочетается с тёмно-каштановыми волосами;

6) апелляции к предметным знаниям адресата: *Девчушка каштанового цвета. В интересном окрасе, можно назвать Каштанка*; *Брюки в каштановом, рыже-красно-коричневом цвете (цвета Марса)*;

7) превалировании эмоциональной составляющей над информативной (цветовой), свойственной рекламному дискурсу: *Черепаха Rufflex Briss 3, цвет Морозный каштан*; *Краска L'Oréal Excellence Crem, тон 4.02 Пленительный каштан*.

Заключение

Таким образом, в результате осуществлённого полидискурсивного исследования получены следующие результаты: 1) выявлен количественный и качественный состав значимых в колористической перцепции и визуализации каштана ТЦ (27): бежевый, белый, бордовый, бурый, жёлтый, зелёный, золотистый / золотой, карий, каштановый, коричневый, красный, кремовый, лиловый, оранжевый, охра, пурпурный, рдяный, ржавый, розовый, рыжий, салатный, серебряный, серый, синий, фиолетовый, чёрный, шоколадный; установлены различающиеся доминанты цвета: *коричневый* (НАЭ), *зелёный* (ОК НКРЯ, ПК НКРЯ), лексемы со значением 'быть в цвету' (проза К. Г. Паустовского); выявлены уникальные цветоописания каштана, демонстрирующие индивидуальную цветовую картину мира носителя языкового сознания, например, *бурый, охра, фиолетовый* (НАЭ), *густо-красный, кремовый, светло-лиловый* (ОК НКРЯ), *рдяный* (ПК НКРЯ); описаны способы уточнения цветового значения (цветовыми композициями различного состава (22), например, бело-розовый, густо-красный, молочно-белый, цепочками цвета (6): двух- и четырёх-компонентными) и способы расширения цветового спектра (лексемами со значением интенсивности окраски, с имплицитным цветом, со значением 'быть в цвету', 'утратить цвет', 'свет' и 'тьма'); 2) описана широкая сочетаемость выявленных ТЦ с фитонимической лексикой, с другой при-

родной, пространственной, соматической, вестиальной, световой, с металексемами; 3) раскрыт функциональный потенциал колористических описаний каштана, реализуемый в онтологической, изобразительно-выразительной, прототипической функции, в функции создания цветового хронотопа: 12 цветовых пространственных плоскостей, 5 темпоральных; 4) на основе лексикографических данных, результатов НАЭ, прозы К. Г. Паустовского, НКРЯ, рекламных текстов сформирован список созданных на основе колористической дескрипции каштана ТЦ – 107 (!), 79 их них

не фиксировались ранее в словарях цветообозначений; описана специфика их создания и актуального функционирования, заключающаяся, в частности, в возможной вариативности трактовки цветового значения рекламных ТЦ, их широкой оценочности, превалировании эмоциональной составляющей над информативной, обусловленной природой рекламного дискурса. Полученные результаты вносят вклад в описание цветовой концептосферы русского языка, цветовой концептосферы флористического пространства русского языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пименова М. В. Типология структурных концептов внутреннего мира (на примере эмоциональных концептов) // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1. С. 82–90.
2. Василевич А. П., Кузнецова С. Н., Мищенко С. С. Цвет и названия цвета в русском языке / под ред. А. П. Василевича. М.: КомКнига, 2005. 216 с.
3. Сухих Д. Д. К вопросу об описании испанских и итальянских фразеологизмов с компонентами-фитонимами (на примере анализа символического значения каштана) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. 7 (73). Ч. 1. С. 157–161.
4. Румянцева М. В. Метафорические сравнения с эталоном цвета (на материале русского художественного дискурса) // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2021. Т. 7. № 2 (26). С. 42–59. DOI: 10.21684/2411-197X-2021-7-2-42-59.
5. Елынцова И. В. Структурно-семантические особенности адъективных лексико-семантических групп колоративов русского и белорусского языков // Известия Национальной академии наук Беларуси. Серия гуманитарных наук. 2017. № 1. С. 62–70.
6. Кульпина В. Г. Лингвистическая цветология: от истории к современности цветовых концептосфер. М.: МАКС Пресс, 2019. 288 с.
7. Пименова М. В., Жилкубаева А. Ш., Бекмурзаева Ф. Ш. Конь и лошадь в английской, казахской и русской языковых картинах мира // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2021. Т. 20. № 1. С. 75–88. DOI: 10.15688/jvolsu2.2021.1.6.
8. Вагенлетнер М. С., Золотарева И. И. Цветонаименования в языке рекламы // Русский язык в системе международного образования: материалы Международной научно-практической конференции «Русский язык в системе международного образования» (Иркутск, 14–15 мая 2018 г.). Иркутск: ИРНИТУ, 2018. С. 33–39.
9. Сивова Т. В. Потенциал колористических дескрипций листы в продуцировании цветообозначений: на фоне художественного и рекламного дискурсов // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. 2025. Т. 22. № 1 (99). С. 149–161. DOI: 10.25587/2222-5404-2025-22-1-149-161.
10. Дзюба Е. В. Лингвокогнитивная категоризация в русском языковом сознании. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2015. 286 с.
11. Кульпина В. Г., Сивова Т. В. Об издательском проекте «Лингвистика цвета: энциклопедический словарь» // Язык, сознание, коммуникация: сборник статей. Вып. 64. М.: Макс Пресс, 2023. С. 26–54.

REFERENCES

1. Pimenova, M. V. (2004). Typology of Structural Concepts of the Inner World (Based on Emotional Concepts). In: *Issues of Cognitive Linguistics*, 1, 82–90 (in Russ.).
2. Vasilevich, A. P., Kuznetsova, S. N. & Mishchenko, S. S. (2005). *Colour and Colour Names in Russian*. Moscow: KomKniga publ. (in Russ.).
3. Sukhikh, D. D. (2017). On the Description of Spanish and Italian Phraseological Units with Phytonym

- Components (Based on the Analysis of the Symbolic Meaning of “Chestnut”). In: *Philological Sciences. Theory & Practice*, 7 (73), pt. 1, 157–161 (in Russ.).
4. Rummyantseva, M. V. (2021). Metaphorical Comparisons with the Colour Standard (Based on Russian Artistic Discourse). In: *Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates*, 2 (26), 42–59. DOI: 10.21684/2411-197X-2021-7-2-42-59 (in Russ.).
 5. Yelyntseva, I. V. (2017). Structural and Semantic Features of Adjectival Lexical-Semantic Groups of Colour Units in the Russian and Belarusian Languages. In: *Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus, Humanitarian Series*, 1, 62–70 (in Russ.).
 6. Kulpina, V. G. (2019). *Linguistic Colorology: From History to the Present Day of Colour Concept Spheres*. Moscow: MAX Press publ. (in Russ.).
 7. Pimenova, M. V., Zhilkubaeva, A. Sh. & Bekmurzaeva, F. Sh. (2021). Horse (Female and Male) in the English, Kazakh, and Russian Linguistic Pictures of the World. In: *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, 20 (1), 75–88. DOI: 10.15688/jvolsu2.2021.1.6 (in Russ.).
 8. Wagenletner, M. S. & Zolotareva, I. I. (2018). Colour Names in the Language of Advertising. In: *Russian Language in the System of International Education: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference “Russian Language in the System of International Education” (Irkutsk, May 14–15, 2018)*. Irkutsk: IRNITU publ., pp. 33–39 (in Russ.).
 9. Sivova, T. V. (2025). Potential of Coloristic Descriptions of Foliage in the Production of Colour Terms: Against the Background of Artistic and Advertising Discourses. In: *Vestnik of North-Eastern Federal University*, 1 (99), 149–161. DOI: 10.25587/2222-5404-2025-22-1-149-161 (in Russ.).
 10. Dzyuba, E. V. (2015). *Linguistic-Cognitive Categorization in Russian Linguistic Consciousness*. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University publ. (in Russ.).
 11. Kulpina, V. G. & Sivova, T. V. (2023). On the Publishing Project “Linguistics of Colour: Encyclopedic Dictionary.” In: *Language, Consciousness, Communication: Collection of Articles*. Iss. 64. Moscow: Max Press publ., pp. 26–54 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сивова Татьяна Викторовна (г. Гродно) – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры журналистики Гродненского государственного университета имени Янки Купалы;
ORCID: 0000-0002-8800-9987; e-mail: t.sivova@grsu.by

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tatyana V. Sivova – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Assoc. Prof., Department of Journalism, Yanka Kupala State University of Grodno;
ORCID: 0000-0002-8800-9987; e-mail: t.sivova@grsu.by

Научная статья

УДК 821.161.1

DOI: 10.18384/2949-5008-2026-1-115-123

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ Я. Б. КНЯЖНИНА И Н. П. НИКОЛЕВА: К ВОПРОСУ О МОТИВАХ ЛИТЕРАТУРНОЙ ПОЛЕМИКИ

Афанасьева Н. С.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Казахстанский филиал, г. Астана, Республика Казахстан

e-mail: afanasyeva_natalya@mail.ru

Поступила в редакцию 01.08.2025

После доработки 18.08.2025

Аннотация

Цель. Рассмотреть литературные отношения значимых драматургов второй половины XVIII в. Я. Б. Княжнина и Н. П. Николева, проанализировав возможные причины и следствия существовавшего между литераторами идеологического и межличностного конфликта, получившего выражение в художественных произведениях авторов.

Процедура и методы. Методология работы связана с использованием культурно-исторического и биографического подходов. Основное содержание исследования составляет сопоставительное рассмотрение текстов художественных произведений Княжнина и Николева, позволяющее проследить хронологию развития литературных отношений авторов.

Результаты. В статье сформулированы ранее не упоминавшиеся в литературоведческих исследованиях причины возникшего между авторами литературного соперничества. В числе наиболее значимых причин называется стремление Княжнина встать на защиту высмеиваемого Николевым Сумарокова. Для Княжнина, зятя Сумарокова, это могло иметь не только идеологические, но и личные причины. С другой стороны, делается вывод и о том, что литературная полемика авторов велась в духе особенностей литературного процесса второй половины XVIII в. и могла вовсе не иметь в основе межличностного конфликта.

Теоретическая и/или практическая значимость исследования заключается в том, что тема литературных отношений Княжнина и Николева впервые рассмотрена в рамках отдельного исследования и может стать основой для дальнейшего изучения особенностей взаимоотношения авторов екатерининской эпохи.

Ключевые слова: драматургия второй половины XVIII в., комедия, литературные отношения, сатира, трагедия

Для цитирования:

Афанасьева Н. С. Литературные отношения Я. Б. Княжнина и Н. П. Николева: к вопросу о мотивах литературной полемики // Отечественная филология. 2026. № 1. С. 115–123. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2026-1-115-123>.

Original research article

LITERARY RELATIONS OF YA. B. KNYAZHNIN AND N. P. NIKOLEV: ON THE MOTIVES OF LITERARY POLEMICS

N. Afanasyeva

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Lomonosov Moscow State University, Kazakhstan branch, Astana, Republic of Kazakhstan

e-mail: afanasyeva_natalya@mail.ru

Received by the editorial office 01.08.2025

Accepted for publication 18.08.2025

Abstract

Aim. To consider the literary relations of Ya. B. Knyazhnin and N. P. Nikolev who are the significant playwrights of the second half of the 18th century, analyzing the possible causes and consequences of the ideological and interpersonal conflict that existed between the writers, expressed in their artistic works.

Methodology of the work is based on the use of cultural, historical and biographical approaches. The main content of the article is devoted to a comparative examination of the texts by Knyazhnin and Nikolev, that makes the study the chronology of the development of literary relations between the authors possible.

Results. The article outlines the reasons for the literary rivalry that has arisen between the authors. Among the most significant reasons is the desire of Knyazhnin to stand up for Sumarokov, who was satirized by Nikolev. For Knyazhnin, Sumarokov's son-in-law, this could have had not only ideological, but also personal reasons. On the other hand, it is concluded that the literary polemics of the authors were peculiar to the literary process of the second half of the 18th century and could not have been based on interpersonal conflict at all.

Research implications of the study consist in the fact that the topic of literary relations between Knyazhnin and Nikolev was never considered in a separate study before and can become the basis for further study of the peculiarities of the relationship between the authors.

Keywords: drama of the second half of the 18th century, comedy, literary relations, satire, tragedy

For citation:

Afanasyeva N. S. (2026). Literary Relations of Ya. B. Knyazhnin and N. P. Nikolev: On the Motives of Literary Polemics. In: *Russian Studies in Philology*, 1, 115–123. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2026-1-115-123>.

Введение

В 1807 г. И. А. Дмитриевский в «Слове похвальном Александру Петровичу Сумарокову»¹, упоминая «достойных писателей», наследовавших «двум великим мужам», Ломоносову и Сумарокову, назовёт подряд Княжнина и Николева, тем самым давая понять, что в начале XIX в. оба автора воспринимались как равные по своему

дарованию и значимости вклада в развитие русской литературы. Однако в период творческого расцвета обоих драматургов, в 70–80-е гг. XVIII в., между ними существовала открытая литературная полемика, нередко переходившая в сатиру на личность и, в частности, связанная с попытками определения первенства в литературном процессе эпохи. Тема литературных отношений Якова Борисовича Княжнина и Николая Петровича Николева редко упоминалась в работах исследователей литературы XVIII столетия, наиболее полно эту тему раскрывает М. Г. Альтшуллер в

¹ Дмитриевский И. А. Слово похвальное Александру Петровичу Сумарокову, читанное в Императорской Российской академии в годовое торжественное ее собрание 1807 года членом оныя Иваном Дмитриевским. СПб.: В Морской типографии, 1807. С. 9.

исследовании, посвящённом изучению биографии и творчества современников Г. Р. Державина [1]. Однако до сих пор исследователями не были рассмотрены причины возникшего между драматургами соперничества, вероятно, как творческого, так и личностного.

Начало литературного конфликта

Принято считать, что первым литературным выпадом Николева против Княжнина стала комедия «Самолюбивый стихотворец» (1775), в которой, в первую очередь, высмеивается А. П. Сумароков (в образе самовлюбленного драматурга Надмена). Как замечает Т. В. Мальцева, появление комедии могло быть частью развернувшейся в 1774 г. полемики между Николевым и Сумароковым. «Комедия написана ещё при жизни Сумарокова в 1775 году, хотя вся последующая её театральная и литературная жизнь проходит уже в борьбе с памятью о Сумарокове» [2, с. 36]. Однако согласимся, что «вопрос об отношении Николева к Сумарокову достаточно сложен, о чём свидетельствуют, в частности, принадлежащие Николеву “Письмо к Фёдору Григорьевичу Карину на преставление А. П. Сумарокова...” и приложенная к нему эпитафия Сумарокову».¹

Существует мнение, что комедия могла быть написана несколько позже – в 1779–1780 гг., т. е. после смерти Сумарокова. В таком случае целила комедия более в Княжнина, выведенного в образе Чеснодума, и его супругу Екатерину Княжнину, дочь Сумарокова. А данное персонажу имя, Чеснодум, может быть расценено как насмешка над обвинением Княжнина в растрате казённых денег в 1773 г.

Тем не менее, не стоит отрицать и попытку Николева сатирически изобразить «отца русского театра», тем самым продемонстрировав собственные притязания на роль первого придворного драматурга. Создание комедии могло иметь и полити-

ческие мотивы: высмеивание Сумарокова могло быть использовано Николевым для привлечения внимания Екатерины II, известной своим негативным отношением к Сумарокову и язвительными ответами на его замечания на текст «Наказа» Уложенной комиссии. Другим возможным политическим подтекстом комедии, имевшим ту же цель, становится сатирическое упоминание в тексте комедии кружка масонов, к которому Екатерина II к тому моменту уже утратила благосклонность. Выход комедии мог быть расценён современниками как перебежка автора из одного лагеря в другой. Ведь, будучи родственником и воспитанником Е. Р. Дашковой, Николев в юные годы много времени проводил в доме П. И. Панина, одного из известных масонов России.

В 1780 г. в журнале «Санкт-Петербургский вестник» была опубликована «Сатира первая» В. В. Капниста, в которой он, высмеивая под несколько искажёнными именами бездарных литераторов, упоминает и Николева (называя его Никошев). По мнению многих исследователей, Княжнин, будучи в числе издателей журнала, активно способствовал публикации сочинений членов львовско-державинского кружка, в который входил Капнист.

Для издателей «Санкт-Петербургского вестника» важность вклада Сумарокова в развитие русской литературы была неоспорима. «Сумароков цитировался наряду с такими авторами, как Ф. Д. Туссен-Лувертюр, Э. Юнг, папа римский Климент XIV, Т. Тассо и К. М. Виланд» [3, с. 234]. Более того, по мнению К. Ю. Лаппо-Данилевского, Княжнин даже становится автором «Сокращённой повести о жизни и писаниях ... Александра Петровича Сумарокова», напечатанной в первой части «Санкт-Петербургского вестника» в 1778 г. Автор сочинения называет Сумарокова первым русским драматургом, не имевшим достойных предшественников. Лишь только в жанре оды, по авторскому замечанию, Сумароков уступает Ломоносову. Таким образом, выпад Николева против

¹ Кочеткова Н. Д. Николев Николай Петрович // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 2 (К-П). СПб.: Наука, 1999. С. 352.

Сумарокова мог быть воспринят членами львовско-державинского кружка как попытка посягнуть на высокие идеалы, а потому «...участники кружка выступили на страницах “Санкт-Петербургского вестника” в 1779–1780 гг. весьма сплочённо, отстаивая определённые представления о хорошей литературе и демонстрируя собственными произведениями, какой она, по их мнению, должна быть» [3, с. 243].

Отражение литературной борьбы Княжнина и Николева в драматических сочинениях и журнальной полемике

Между драматургами назревает и творческое соперничество. В 1778 г. была впервые поставлена на сцене комическая опера Николева «Розана и Любим», в центре которой любовная линия двух молодых крестьян, счастьем которых пытается помешать жестокий помещик. Как известно, комическая опера Николева не стала открытием в жанре, т. к. первой комической оперой, в центре сюжета которой находится судьба крестьян, стала «Анюта» (1772) М. И. Попова. Спустя год, в 1779 г., были поставлены две другие комические оперы с похожим содержанием: «Мельник – колдун, обманщик и сват» А. О. Аблесимова и «Несчастье от кареты» Княжнина. В «Объяснении», предваряющем текст комической оперы, Николев пишет, что «сию драмму с голосами ... тиранят», а также о том, что «она целой год после положенной на неё музыки хранилась под спудом».¹ Николев даже прямо называет причины такого отношения к его творению, а именно «сие случилось может быть для того, чтоб “Деревенский праздник” и “Колдун” были её (театральной публики) предводителями»² (курсив наш. – Н. А.). Как замечает П. Н. Берков, речь идёт о пасторали В. И. Майкова «Деревенский праздник, или Увенчанная добродетель» и его же комической опере

«Любовник колдун». Возможно, что под «Колдуном» Николев мог предполагать и комическую оперу Аблесимова, имевшую гораздо больший успех у публики и выдержавшую большее число представлений на сцене. То же можно заметить и об успехе комической оперы Княжнина. По мнению М. Г. Альтшуллера, «...шумный успех соперников раздражал самолюбивого и самонадеянного автора» [1, с. 258].

Рассматривая комическую оперу Княжнина в контексте других произведений этого жанра, можно отметить, что особенности построения сюжета и художественные приёмы, использованные драматургом, сближают его комическую оперу с сатирой журналов Н. И. Новикова и комедиями Д. И. Фонвизина. Особенно стоит обратить внимание на развязку оперы в её сопоставлении с упомянутой оперой Николева.

Как замечает А. В. Западов, сюжет комической оперы с момента своего зарождения строился на мотиве «противопоставления простых, но честных людей из низов – злым и развратным господам» [4, с. 285]. В контексте русской литературы «людьми из низов» становились крепостные крестьяне. «Несмотря на условность жанра, русская комическая опера порой выполняла функции публицистики, мобильно откликаясь на актуальные темы своего времени: темы социального неравенства, взяточничества, галломании, набора в рекруты» [5, с. 40].

Николев разрешает конфликт между крестьянами и помещиком неожиданно возникшим раскаянием помещика Щедрова, которого одолевают муки совести за его жестокость по отношению к влюблённым, он отпускает Розану и даже дарит воссоединившимся влюблённым сто рублей. Характерно и то, что отец Розаны, Излёт, требуя от Щедрова отпустить Розану, обещает донести царице о том, «как тираны похитили его дочь». Излёт уверен, что царица встанет именно на сторону крестьян: «Мне она по царску праву // С дворянином даст расправу // И велит мне дочь отдать; // Нам царица та же

¹ Русская комедия и комическая опера XVIII в. / ред., вступ. ст., комм. П. Н. Беркова. М.-Л.: Искусство, 1950. С. 171.

² Там же.

мать».¹ Щедров настолько проникся обличением Излёта, что даже говорит о том, что отставной солдат «научил его своим примером, что добродетель неравенства не знает».² Конфликт теряет не просто свою остроту, но и всякий смысл, т. к. помещик вдруг признаёт свою вину и начинает совершать благородные поступки.

Совсем иначе строится конфликт в комической опере Княжнина: закованный в цепи крепостной Лукьян лишь получает подтверждение о том, что никто не встанет на его сторону, а спасает Лукьяна и его возлюбленную Анюту только ловкость шута Афанасия, заставившего помещика Фирюлина поверить в то, что крепостные говорят по-французски. Таким образом, происходит разрешение конфликта только на уровне сюжета, на уровне идеи же он остаётся неразрешённым, ведь, помиловав Лукьяна, Фирюлин, вероятнее всего, продаст в рекруты другого крестьянина для покупки модной французской кареты.

Сходным в обоих произведениях становится стремление авторов наделить крестьян чертами героев трагедии: таковы Любим и Лукьян, готовые идти на смерть ради возлюбленной, и их речь представляет собой пример литературного языка, а не попытку воссоздания «крестьянского наречия», что было свойственно авторам комических опер.

Некоторое сходство между драматургами мы можем отметить и в жанре трагедии. В 1781 г. была написана трагедия Николева «Пальмира». Сама идея трагедии, вероятнее всего, подверглась влиянию «Альзиры» Вольтера (1736). Николев демонстрирует отход от идеологии классицизма, а следовательно, и от канонов сумароковской трагедии тем, что его герои ставят собственные чувства выше гражданского долга. Другим существенным нарушением канонов классицизма становится разрушение единства действия и его удвоение, в частности появление альтерна-

тивной концовки. Особенностью трагедии является и появление сценических эффектов. Так, в финальной сцене «Пальмиры» зажигается костёр, в котором, по приказу Ироксеркса, должна быть сожжена Пальмира за совершённое ею предательство. В этой связи стоит упомянуть и раннюю трагедию Княжнина «Дидона» (1769), постановку которой Николев мог видеть в доме Дьяковых в 1778 г. В финале трагедии Княжнина Дидона бросается в огонь подождённого Карфагена.

Сходство между трагедиями можно отметить и на уровне системы персонажей и мотивов. Так, в обеих трагедиях представлен образ тирана, охваченного мстью. В трагедии Княжнина таковым предстаёт Ярб, стремящийся отомстить Энею за оказанную им милость и освобождение Ярба, которое тот воспринял как оскорбление. Ироксеркс, идущий войной против войска Омара, мстит за смерть сына, который был справедливо казнён за попытку захвата власти в Сидоне. Обнаруживается сходство и в образах мужских протагонистов: Эней, потерпевший поражение в Трое, бежит в Карфаген и, хотя не скрывает своего имени, всё же живёт на правах беглеца. В трагедии Николева Омар вынужден скрываться под именем полководца Золега. И здесь заметим, что обоими героями движут чувства к возлюбленной, а не гражданский долг. Княжнин своеобразно разрешает конфликт чувства и долга главных героев: Эней покидает Дидону, но объясняет это не патриотическим долгом перед жителями павшей Трои, а тем, что боится гнева богов за нарушение клятвы. Дидона же сама бросается в огонь, погибая вместе с сожжённым Карфагеном, не желая выходить замуж за Ярба. И в этом случае личные чувства осознаются героями превыше долга. Таким образом, в трагедии Княжнина идеи гражданского долга также отходят на второй план по сравнению с личными чувствами героев, что в не меньшей степени является отходом от идеологии классицизма.

Продолжением полемики Николева и львовско-державинского кружка стано-

¹ Русская комедия и комическая опера XVIII в. / ред., вступ. ст., комм. П. Н. Беркова. М.-Л.: Искусство, 1950. С. 204.

² Там же. С. 214.

вится появление сатиры «Обед Мидасов» А. И. Арсеньева. Гости Мидаса, в образе которого, вероятнее всего, изображён Ф. Г. Карин, смеются над «слабостью» трагедий Сумарокова, называя Николева «примером писателей». В цитируемом В. П. Степановым письме М. Н. Муравьёва своему отцу упоминается интересная деталь – покровительство Е. А. Княжниной Арсеньеву. «Некто Арсеньев, *покровительствуемый Княжниною*, трудится над несколькими сатирами против Николева, Карина, двух Хвостовых, где *par parenthèse* и я буду иметь своё место» [6, с. 138] (курсив наш. – Н. А.). Если принимать суждения Муравьёва о покровительстве Княжниной за истинные, то выходит, что полемика с Николевым на тот момент уже носила не только идеологический, но и личностный характер, и в ней принимал участие уже не только сам Княжнин, но и его супруга. Другим доказательством существовавшего конфликта является и данное А. А. Шаховским описание реакции защитников Сумарокова на постановку комедии «Самолюбивый стихотворец»: «При представлении сей комедии (написанной в осмеяние Сумарокова) в первый раз послышался в русском театре мстящий за Сумарокова свист»¹, который, как замечает драматург, раздался из ложи Княжниной.

Николев, как известно, и сам совершал литературные выпады против супруги Княжниной, что подтверждается двумя его сочинениями: эпиграммой «В уединение ко мне доходит слух» и язвительной притчей «Мартышка». Из текста эпиграммы становится ясно, что это ответ Николева на какой-то другой текст:

В уединение ко мне доходит слух,
И оной слух не лживой,
Что стихотворец мой самолюбивой
Парнаских раздражил клопов и мух;
Что к ним в собрание одна пристала дама;
Что вышла на меня сатира, эпиграмма...²

¹ Шаховской А. А. Летопись русского театра // Репертуар русского театра. 1840. Ч. II. С. 3.

² Николев Н. П. Творении Николая Петровича Николева, Императорской Российской академии

Как замечает М. Г. Альтшуллер, «дочь Сумарокова, а может быть, и её муж, а может быть, вместе, написали на оскорбителя какую-то эпиграмму» [1, с. 267]. Достоверных свидетельств существования эпиграммы Княжниной нет, однако есть все основания считать, что она всё же существовала, ведь этим сюжетом полемика двух драматургов не завершилась.

В 1787 г. Николев публикует в журнале «Новые ежемесячные сочинения» теоретический трактат «Рассуждения о стихотворстве российском». В трактате Николев излагает собственные теоретические положения, касающиеся принципов создания поэтических произведений, а затем приводит ряд примеров неудачного стихосложения. В качестве примеров неудавшихся стихов Николев приводит отрывки из трагедий Сумарокова: «Гамлет» (1748), «Хорев» (1750), «Синав и Трувор» (1750), «Семира» (1751). При этом автор трактата всё же замечает, что творец стихов бессмертен, а запутанность авторской мысли возникает «от небрежения... и сему небрежению... подвержен был и славный Расин».³ В заключительном фрагменте «Рассуждения...» Николев поясняет, что вовсе не стремился осудить знаменитого предшественника, а лишь пытался дать «объяснение о стихотворстве» для начинающих авторов. К тому же он демонстрирует, что и сам открыт к критике: «естьли кто скажет, что я, преподавая правила другим, сам в сочинениях моих брежу; то ... я весьма буду благодарен тому, кто бред моих сочинений докажет».⁴ Замечает Николев и то, что критика должна быть при этом представлена не сатирами и эпиграммами, а объективным аналитическим обзором.

Как замечает В. А. Западов, появление в том же журнале стихотворения Княжниной «От дяди стихотворца Колинева» (1787) напрямую связано с публикацией

члена. Часть IV. М.: В Университетской типографии, 1797. С. 251.

³ Николев Н. П. Рассуждение о стихотворстве российском // Новые ежемесячные сочинения. СПб.: Изданием Императорской Академии наук, 1787. Ч. 10 (апрель). С. 54.

⁴ Там же. С. 91.

«Рассуждения о стихотворстве российском» и является насмешкой над стремлением Николева давать наставления начинающим поэтам. Однако исследователями ранее не отмечалось, что ответ Княжнина мог быть связан и с тем, что в качестве объекта критических рассуждений Николевым был избран именно Сумароков. Нами не был обнаружен оригинал стихотворения Княжнина, опубликованный, согласно В. А. Западову, в июньском номере журнала «Новые ежемесячные сочинения» за 1787 г., в котором Княжнин «зло высмеял литературные амбиции Николева, его теоретические рассуждения о поэзии и драматические произведения».¹ А его исправленная версия, где фамилия стихотворца Колинева, явно намекающая на Николева, заменена на Рифмоскрыпа, была опубликована в прижизненном собрании сочинений Княжнина в 1787 г.

В 1788 г. ученик Княжнина Д. В. Ефимьев сочиняет пьесу «Преступник от игры, или Братом проданная сестра», получившую большое признание публики. В уже ранее упомянутом журнале «Новые ежемесячные сочинения» Княжнин публикует стихотворение «Послание трём грациям» (1790), в котором хвалит сочинение Ефимьева: «Меж тем Ефим, любезный новичок, // Сшиб мастера своею драмой с ног».² Под «мастером», которого Княжнин именуется Фертом, по мнению исследователей, могли скрываться многие известные драматурги эпохи, включая Николева и Аблесимова. В качестве подтверждения версии, что в образе Ферта Княжнин подразумевает именно Николева, стало упоминание правил, придуманных Фертом:

Затем что слог, по правилам шутливый,
Комический и острый и игривый,
Не ввёл его проказной музы в грех;
Что он так чист, как ясная водица.

¹ Западов В. А. Княжнин Яков Борисович // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 2 (К-П). СПб.: Наука, 1999. С. 75.

² Княжнин Я. Б. Послание трём грациям // Новые ежемесячные сочинения. СПб.: Изданием Императорской Академии наук, 1790. Ч. 49 (июль). С. 52.

То правда; но и столько ж вкусен он;
И зрителей упрямая станица
В тот час, как сам он им давал закон
Хвалить себя, в ладони ударяя,
Сидела вся, по правилам зевазя.³

Тем не менее оценивать такую отсылку исключительно как указание на Николева также может быть не вполне правомерно. По замечанию А. Ю. Веселовой и Н. А. Гуськова, «под именем Ферта выведен Аблесимов», «а его простонародному водевилю противопоставлена изящная светская комедия Д. В. Ефимьева» [7, с. 12]. В качестве альтернативной версии может быть принята и точка зрения о том, что Княжнин и вовсе не подразумевал конкретного драматурга, соединяя черты нескольких своих современников в собирательном образе.

Крылов и Клушин как сторонники Николева

Литературное соперничество Княжнина и Николева формировало целые группировки сторонников и противников в мире литературы. Со стороны Княжнина таким опосредованным защитником становится львовско-державинский кружок, в частности Капнист и в большей степени Арсеньев. На защиту же Николева встаёт ещё только вступивший в литературу И. А. Крылов. «В вопросе выбора литературных ориентиров и авторитетов» Крылов обозначает свою позицию как последователя Николева [8, с. 34]. Известно благожелательное отношение Николева к журналу «Санкт-Петербургский Меркурий», издаваемому Крыловым вместе с А. И. Клушиным.

В письме Клушина, написанном 8 сентября 1793 г. и адресованном Николеву, помимо похвалы в адрес литературного дарования Николева, упоминается и то, что Николев решает отказаться от публикации в журнале «Послания к Г<орчако>ву»,

³ Княжнин Я. Б. Послание трём грациям // Новые ежемесячные сочинения. СПб.: Изданием Императорской Академии наук, 1790. Ч. 49 (июль). С. 51–52.

называемого Клушиным «шуткой приятного и лёгкого пера». По мнению М. Г. Альтшуллера, речь идёт о «Послании к другу пиите и рыцарю в Измаил», которое Николев всё же опубликует, но уже в собственном собрании сочинений в 1797 г. Сочинение представляет собой послание, адресованное Горчакову, участвовавшему в сражениях под Измаилом в ходе русско-турецкой войны уже после своего выхода в отставку. Призывая поэта бросить оружие и вернуться к перу, автор упоминает и «творца творения чужого», за которым, вероятнее всего, скрывается имя Княжнина. Далее приводится и другой известный факт биографии драматурга – совершённая им когда-то растрата:

А этот – что творец творения чужого,
Которому от муз готова плетть ежова,
От Аполлона кнут, от стихотворцев свист,
За то, что дворянин, а на руку нечист,
За то, что сам в себя в чужих стихах влюбился

...

Признайся! Может ли он заменить тебя,
И музам угождать твоей в замену смерти?
Его уж заживо за кражу взяли черти.¹

Согласимся с мнением М. Г. Альтшуллера о том, что злые строки об уже умершем к тому моменту Княжнине не делали чести автору послания, потому он и решает изъять их из публикации. Тем не менее, вероятнее всего, написано послание было ещё

при жизни Княжнина, так как штурм и осада Измаила, упомянутые в тексте, произошли в декабре 1790 г.

Отношение Николева к Княжнину не изменилось и после смерти последнего. Об этом говорят и последовавшая публикация послания к Горчакову в четвёртой части «Творений» Николева без изъятия из него строчек, язвительно обличавших Княжнина, и упоминание в «Пополнительных примечаниях на лиро-дидактическое сочинение» Николева авторов, которые «в бедном мире тем славятся, что из богатого мира крадут себе сочинения».²

Заключение

Подводя итоги, мы можем заметить, что одним из ключевых мотивов литературной полемики Княжнина и Николева могло стать стремление не только занять место первого придворного драматурга, но и продемонстрировать противоположные взгляды на литературный авторитет Сумарокова. С другой стороны, анализируя причины возможного конфликта, мы можем отметить, что, несмотря на многие идейные разногласия, творчество драматургов обнаруживает ряд сходств, а литературная полемика могла быть лишь особенностью устройства литературного мира второй половины XVIII в., что не отрицает возможности существования межличностного конфликта авторов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Альтшуллер М. Г. Николай Петрович Николев («Русский Мильтон») // Альтшуллер М. Г. В тени Державина: литературные портреты. СПб.: Пушкинский Дом, 2014. С. 225–468.
2. Мальцева Т. В. Отражение взаимоотношений творческих индивидуальностей в литературном дискурсе XVIII века: Сумароков vs Николев // Art Logos. 2018. № 3 (5). С. 30–42.
3. Лаппо-Данилевский К. Ю. Львовско-державинский литературный кружок (участники, хронология) // XVIII век. Сб. 31. М.: СПб.: Альянс-Архео, 2024. С. 228–264.
4. Западов А. В. Комическая опера [второй половины XVIII века] // История русской литературы: в 10 т. Т. 4: Литература XVIII века. Ч. 2. М.: Л.: Изд-во АН СССР, 1947. С. 284–295.
5. Немировская И. Д. Поэтика русской комической оперы XVIII века // Учёные записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2008. № 6. С. 38–47.
6. Степанов В. П. К истории литературных полемик XVIII в. («Обед Мидасов») // Ежегодник руко-

¹ Николев Н. П. Творении Николая Петровича Николева, Императорской Российской академии члена. Часть IV. М.: В Университетской типографии, 1797. С. 229–230.

² Там же. С. 349.

писного отдела Пушкинского дома на 1976 год. Л.: Наука, 1978. С. 131–146.

7. Веселова А. Ю., Гуськов Н. А. Комедии Я. Б. Княжнина // Княжнин Я. Б. Комедии и комические оперы. СПб: Гиперион, 2003. С. 3–54.
8. Афанасьева Н. С. Зоил против Рифмокрада: о литературных отношениях И. А. Крылова и Я. Б. Княжнина // Два века русской классики. 2024. Т. 6. № 4. С. 22–37. DOI: 10.22455/2686-7494-2024-6-4-22-37.

REFERENCES

1. Altshuller, M. G. (2014). Nikolai Petrovich Nikolev ("Russian Milton"). In: Altshuller, M. G. *In the Shadow of Derzhavin: Literary Portraits*. St. Petersburg: Pushkin House publ., pp. 225–468 (in Russ.).
2. Maltseva, T. V. (2018). Reflection of the Creative Individualities' Relationships in the Literary Discourse of the 18th Century: Sumarokov vs. Nikolev. In: *Art Logos*, 3 (5), 30–42 (in Russ.).
3. Lappo-Danilevsky, K. Yu. (2024). The Literary Circle of Lvov and Derzhavin (Participants and Chronology). In: *18th Century. Collection 31*. Moscow: St. Petersburg: Alliance-Archeo publ., pp. 228–264 (in Russ.).
4. Zapadov, A. V. (1947). Comic Opera [of the Second Half of the 18th Century]. In: *History of Russian Literature. Vol. 4: Literature of the 18th Century. Pt. 2*. Moscow: Leningrad: The USSR Academy of Sciences publ., pp. 284–295 (in Russ.).
5. Nemirovskaya, I. D. (2008). Poetics of Russian Comic Opera of the 18th Century. In: *Scientific Notes of Kazan University. Series: Humanities*, 6, 38–47 (in Russ.).
6. Stepanov, V. P. (1978). On the History of Literary Polemics of the 18th Century ("The Midas Dinner"). In: *Yearbook of the Manuscript Department of the Pushkin House, 1976*. Leningrad: Nauka publ., pp. 131–146 (in Russ.).
7. Veselova, A. Yu. & Guskov, N. A. (2003). Ya. B. Knyazhnin's Comedies. In: Knyazhnin, Ya. B. *Comedies and Comic Operas*. St. Petersburg: Hyperion publ., pp. 3–54 (in Russ.).
8. Afanasyeva, N. S. (2024). Zoilus Versus the Rhyme Thief: On the Literary Relationships Between I. A. Krylov and Ya. B. Knyazhnin. In: *Two Centuries of the Russian Classics*, 6 (4), 22–37. DOI: 10.22455/2686-7494-2024-6-4-22-37 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Афанасьева Наталья Сергеевна (г. Астана) – соискатель кафедры истории русской литературы Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова; преподаватель кафедры филологии Казахстанского филиала Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова
ORCID: 0009-0004-2838-5149; e-mail: afanasyeva_natalya@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Natalya S. Afanasyeva (Astana) – External Postgraduate Student Department of History of Russian Literature, Lomonosov Moscow State University; Lecturer, Department of Philology, Lomonosov Moscow State University, Kazakhstan Branch;
ORCID: 0009-0004-2838-5149; e-mail: afanasyeva_natalya@mail.ru

Научная статья

УДК 821.161.1

DOI: 10.18384/2949-5008-2026-1-124-133

«ГОРОД БЕЗ ИМЕНИ» В. Ф. ОДОЕВСКОГО: «ФАНТАСТИКА МЫСЛЕННОГО ЭКСПЕРИМЕНТА» И НАРРАТИВНАЯ СТРУКТУРА ТЕКСТА

Перевалова Е. М.

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация
e-mail: perewalowa.elizaveta@yandex.ru

Поступила в редакцию 21.05.2025

Принята к публикации 03.06.2025

Аннотация

Цель. Определить повествовательные приёмы новеллы В. Ф. Одоевского «Город без имени», позволяющие провести идейный эксперимент в художественном пространстве.

Процедура и методы. Определён круг философских и научных идей, отражённых в новелле, её повествовательные особенности рассмотрены в связи с эстетическим и идейным целым романа «Русские ночи». Использованы культурно-исторический и системно-структурный методы.

Результаты. Установлено, что главным орудием идейного эксперимента становится сложная композиция, каждый из уровней которой проблематизирует и переинтерпретирует предыдущий. Это позволяет писателю расширить критику концепции И. Бентама до обсуждения проблем эмпирического познания, а также кризисных явлений науки и общества.

Теоретическая и/или практическая значимость состоит в комплексном рассмотрении повествовательных приёмов, организующих «художественно-публицистическое» повествование В. Ф. Одоевского как особую целостность.

Ключевые слова: «Город без имени», идейный эксперимент, нарратив, реальность, теория, фантастика

Для цитирования:

Перевалова Е. М. «Город без имени» В. Ф. Одоевского: «фантастика мысленного эксперимента» и нарративная структура текста // Отечественная филология. 2026. № 1. С. 124–133. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2026-1-124-133>.

Original research article

“THE NAMELESS CITY” BY V. F. ODOEVSKY: “THE FICTION OF A MENTAL EXPERIMENT” AND THE NARRATIVE STRUCTURE OF THE TEXT

E. Perevalova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
e-mail: perewalowa.elizaveta@yandex.ru

Received by editorial office 21.05.2025

Accepted for publication 03.06.2025

Abstract

Aim. To identify the narrative techniques applied in V. F. Odoevsky's novella “The Nameless City” which make it possible to conduct an experiment with ideas in the artistic space.

Methodology. The range of philosophical and scientific ideas reflected in the novel is established, its narrative features are considered in connection with the aesthetic and ideological whole of the novel "Russian Nights." Cultural-historical and system-structural methods were used.

Results. It was revealed that the main tool of the ideological experiment is a complex composition, each of the levels of which problematizes and reinterprets the previous one. This allows the writer to expand his criticism of Bentham's concept to a discussion of empirical cognition problems, as well as crisis phenomena of science and society.

Research implications consist in the complex consideration of narrative techniques that organize the "artistic and journalistic" narration of V. F. Odoevsky as a special integrity.

Keywords: "The Nameless City", experiment with ideas, narrative, reality, theory, fiction

For citation:

Perevalova, E. M. (2026). "The Nameless City" by V. F. Odoevsky: "The Fiction of a Mental Experiment" and the Narrative Structure of the Text. In: *Russian Studies in Philology*, 1, 124–133. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2026-1-124-133>.

Введение

Статья развивает взгляд на художественную прозу В. Ф. Одоевского как на поле идейного эксперимента, способ полемики с влиятельными экономическими, историческими и философскими концепциями. Основания такого взгляда заложены в работах П. Н. Сакулина, выделявшего в прозе романтика особый вид фантастического – «фантастику мысленного эксперимента», которая доводит до предела «логические умозаключения из существующего» [1, с. 293]. Значимо и замечание М. А. Турьян о свойственной В. Ф. Одоевскому оригинальной манере «художественно-публицистического повествования» с использованием «социального или философского гротеска». Этот тип повествования характерен прежде всего для новелл «Новый Жоко», «Последнее самоубийство», «Город без имени»¹ [2, с. 21]. Современный исследователь Г. В. Заломкина подчёркивает, что в своих фантастических произведениях Одоевский «делает ход в сторону долгосрочного социального и научно-технического прогнозирования» [3, с. 43]. Таким

образом, постановка проблемы становится традиционной, однако подробной её разработки, насколько нам известно, не существует. Кроме того, уделять внимание только мотивно-образной и идейной составляющим отдельных новелл представляется не совсем правильным.

Как показывает Ю. В. Манн, важная часть «драмы идей» разыгрывается на уровне архитектуры «Русских ночей» в целом [4, с. 168]. По мнению исследователя, В. Ф. Одоевский переносит ключевые вопросы эпохи в художественное пространство романа, чтобы уйти от привычных путей однозначного их разрешения. О форме романа действительно не раз говорили как об экспериментальной: отдельные новеллы функционируют на правах реплик, а множественные голоса героев и нарраторов объединяются для достижения «соборной правды». Ю. Н. Сытина связывает эти особенности с критикой Одоевским рационализма и систематизма, а также с особым отношением автора к языку и коммуникации [5, с. 112–113].

Автор настоящей работы полагает, что цель художественно-публицистических произведений Одоевского состоит в «проверке» критикуемой концепции на её соответствие нравственным и интеллектуальным критериям, а через это и подлинным законам реальности. В связи с этим планируется рассмотреть круг

¹ Разумеется, идейная полемика встречается также в произведениях иной формальной организации, но занимает там не главное место. Например, в рассказе «Чёрная перчатка» переосмысляются идеи Бентама; в повести «Саламандра» видим критическое отношение к преобразованиям Петра I и т. д.

идей, отразившихся в новелле «Город без имени», а также показать, каким образом повествовательные особенности новеллы позволяют исследовать соотношение теории (иллюзии) и реальности и каковы эстетические и идейные функции этого приёма в связи с художественным целым романа «Русские ночи». Новелла «Город без имени» избрана нами для анализа, так как в ней для идейного эксперимента задействовано наибольшее количество конструктивных особенностей. Главным инструментом, позволяющим исследовать соотношение реальности и теории, становится многоуровневая композиция: обрамляющие истории ставят под сомнение реальный или фантастический статус подчинённых, переинтерпретируют их, но не отрицают.

В связи с этим при разработке темы мы будем опираться прежде всего на исследование композиции и нарративных особенностей «Русских ночей». Ключевым станет утверждение Е. А. Шраги о том, что задачей циклической формы является рефлексия над соотношением художественного слова с «реальностью», при этом роль «реальности» играет рама, в которой происходит рассказывание историй [6, с. 5]. Отметим, что В. Ф. Одоевский использует двойное обрамление вставной новеллы, отчасти перенося акцент с истории на осмысление её отношения к действительной жизни. Размывание границы между фантастическим образом / сюжетом и реальным миром, совершаемое за счёт включения морали, объяснения или предостережения, А. А. Лебедева называет важной чертой русской фантастической повести 1820-х гг. [7, с. 48]. С этой особенностью исследователь связывает «новые варианты разоблачения чудесного», в том числе двойные мотивировки фантастического и появление типов героев с особым взглядом на необъяснимое [7, с. 48]. Мы попытаемся установить роль названных повествовательных особенностей в организации Одоевским «идейного эксперимента».

Цель исследования предопределяет применение культурно-историческо-

го и системно-структурного методов. Наиболее органичным в данном случае представляется нарративный анализ, позволяющий описать произведение как сложный коммуникативный акт и выявить интерпретации подчинённых историй, возникающие на более высоких повествовательных уровнях. Теоретической базой станет прежде всего монография В. Шмида «Нарратология» [8], а также работа В. И. Тюпы [9], посвящённая теории нарративных стратегий и исторической нарратологии.

Идейная составляющая новеллы

Обратимся к рассмотрению социальных и философских концепций, лёгших в основу новеллы. Некоторый свет на авторский замысел проливает следующий фрагмент в «Психологических заметках» Одоевского: *«в Хили... открыли следы города, носящего все признаки образованности... Как потерялась образованность этого народа...? Может быть, на этот вопрос можно отвечать только представив себе, что бы случилось (и что может случиться) с Европой, если бы только одна наука, одно образование разума завладело ею. Спрашивается: неужели во время падения этих народов не являлись люди, одарённые силою духа, могшие остановить их над пропастью...»*¹ Причину гибели древних цивилизаций В. Ф. Одоевский видит в их одностороннем материалистическом характере. В новелле «Город без имени» это рассуждение станет идейной и мотивно-образной базой для критического переосмысления теории утилитариста И. Бентама. П. Н. Сакулин приводит фрагменты из заметок Одоевского, в которых И. Бентам упоминается как один из идеологов того противоестественного, сугубо материалистического направления, которое принимает жизнь англичан. *«Английский философ не знает и не хочет знать того, что он не мог ощущать. Если он позволяет существовать душе, религии, нравственности, поэзии, то не ина-*

¹ Одоевский В. Ф. Собрание сочинений: в 2 т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1981. С. 271.

че как под строгим присмотром рук, зрения, слуха...» [цит. по: 10, с. 579]. Согласно Одоевскому, эмпиризм западных экономистов приводит к стремлению подчинить общество закономерностям природного мира, а интересы «фантома общества» поставить выше интересов отдельной личности: «люди приняты за математические цифры; составлены уравнения, выкладки, все предвидено, все расчислено; забыто одно – ...счастье всех и каждого».¹ По мнению же русского романтика, в обществе должны действовать иные законы, т. к. определяющей для него силой является духовность, и только благодаря ей возможны гармоничные отношения человека с миром [10, с. 265]. С этим связаны размышления Одоевского о миссии возродить в природе духовное начало, а также частое использование мотива мести природы бездуховному обществу (см. новеллы «Насмешка мертвеца», «Город без имени», «Последнее самоубийство»). Как полагают П. Н. Сакулин и Ю. В. Манн, эти представления выработались у Одоевского под влиянием мистической концепции грехопадения природы и человека² [4, с. 178; 10, с. 447]. Впрочем, как показывает в своей статье М. Ким, апокалипсические мотивы могут рассматриваться и в контексте христианской эсхатологической традиции [11, с. 86].

Как видим, Одоевский вписывал вопрос о применимости бентамовой теории в более широкий философский контекст, видя

за этим конфликт интуитивного познания с рациональным, эмпирическим, а также конфликт человеческого, духовного с природным, материальным. Именно из-за неразрешённости этих глубинных противоречий, по мнению Одоевского, Бентам «не мог связать своих мыслей» [10, с. 579].

Новелла «Город без имени» в большей степени соотнесена с гносеологической проблематикой, поэтому проанализируем взгляды В. Ф. Одоевского на интуитивное и рациональное более подробно. Пожалуй, первым обращает на себя внимание критическое отношение писателя к эмпирическому познанию, характерное для разных периодов творчества и встречающееся уже в его апологах времён Любоумудрия: «Вы хотите осязать то руками, сказал старец с улыбкою, что понимается духом; вы хотите определить неопределённое, вычислить – неисчислимое, духовное рассеять, как грубое вещество. Тщетное, смешное усилие!»³ На убеждённость Одоевского в недостаточности рационализма и эмпиризма для достижения истины влияет также увлечение философскими системами Шеллинга, Беме и Сен-Мартена. Последнему принадлежит близкое к процитированному ранее высказывание: «Я был врагом науки, потому что любил людей и видел, как наука на каждом шагу вводит их в заблуждение... Люди науки только и делают, что материю объясняют посредством материи или смешивают, как безразличные субстанции, материю и дух».⁴ Эпиграфом к одной из частей «Опыта теории изящного...» В. Ф. Одоевский избирает отрывок из платоновского диалога «Федон»: «Каким внешним чувством ты можешь постигнуть не только праведное, доброе, прекрасное, но даже величину, здравие, силу, одним словом сущность вещей?»⁵

¹ Одоевский В. Ф. Собрание сочинений: в 2 т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1981. С. 47.

² П. Н. Сакулин ссылается на заметки Одоевского: «Непрестанное восхваление природы, которое так любят англичане, убивает в человеке мысль о падении природы вместе с человеком...» [10, с. 448]. В. М. Жирмунский обсуждает концепцию грехопадения, цитируя Шеллинга и Новалиса: «Через вырождение возникла природа, в ней живы “заглохшие остатки” иного существования. И человек должен воспитывать эти заглохшие остатки. “Мы воспитатели природы, её моральные возбудители”» [12, с. 115].

Отголоски этой концепции встречаем, например, в реплике Фауста: «Да! железные дороги – дело важное и великое. Это одно из орудий, которое дано человеку для победы над природой; <...> в этом чувстве, может быть, воспоминание о его прежней силе и о прежней рабе его – природе...».

³ Одоевский В. Ф. Мир звуков // Московский вестник. 1827. Ч. 4. № 13. С. 44.

⁴ Saint-Martin. Oeuvres posthumes. Vol. 1. Tour, 1807. P. 29. Цит. в переводе П. Н. Сакулина [10, с. 410].

⁵ Одоевский В. Ф. Опыт теории изящного с особым применением оной к музыке // Русские эстетические трактаты первой трети XIX в.: в 2 т. Т. 2. М.: Искусство, 1974. С. 168.

Не менее важны поиски соотношения реальности, слова и мышления, ставшие, по мнению В. Ф. Одоевского, одной из важнейших тем «Русских ночей»¹: «два человека могут согласно верить, или, если угодно, чувствовать истину, но никогда согласно думать о ней, и тем менее своё согласие выразить словами»², – говорит Фауст. Критика Одоевским привычных понятий ставила под сомнение возможности эмпирической и рационалистической науки, ведь познание внешнего мира становилось невозможным без познания мира внутреннего, духовного.

Тем не менее полного перехода на позиции интуитивизма или мистицизма у Одоевского не происходит. Писатель действительно убеждён, что нельзя игнорировать духовное измерение жизни, но исследовать его предлагается вполнереационально. Так, при создании аналитической этнографии как новой науки он предлагает «разлагать не только физические, но и нравственные явления».³ В «Письмах к графине Е. П. Р...й о привидениях, суеверных страхах...» (1839) позиция писателя двойственна: с одной стороны, он признаёт реальность таинственных явлений, с другой же – говорит о необходимости и возможности рационально познавать их сущность; «...при этом уничтожается поэзия народных поверий, но разве нет в гордом знании человека своей, более возвышенной поэзии?»⁴ В основе утопии В. Ф. Одоевского «4338-й год» (1835) лежит идея позитивных преобразований общественной жизни, совершённых благодаря научному прогрессу и просвещению. О том, что общественный прогресс следует за научно-техническим, В. Ф. Одоевский

заявлял в предисловии к своей утопии: «...может быть, XIX столетие ещё не кончится, как аэростаты войдут во всеобщее употребление и изменят формы общественной жизни в тысячу раз более, нежели паровые машины и железные дороги».⁵

Позиция Одоевского может представляться противоречивой, однако это объясняется не её неустойчивостью или несформированностью, а воплощённым в ней духом научных и философских исканий. Это подтверждают слова самого писателя о романе «Русские ночи»: «Не называйте же скептиком того, кто ищет лучшего способа найти её (истину. – Е. П.) и испытывает для сей цели разные снаряды, как бы странны они ни казались»⁶. В. Ф. Одоевский стремится, скорее, к синтетическому знанию, опирающемуся не только на эмпирические, но и на интуитивные данные, а потому изучает многие науки, стремится быть метафизиком и проникать в тайны «грубой материи». Отказа от разума и рациональности не происходит, но есть стремление к «новой науке» и «новому искусству», позволяющим «понять свой инстинкт и чувствовать свой разум».⁷ Обозначенная позиция находит отражение и в художественных исканиях автора, проводящего идейный эксперимент с использованием эстетических средств.

Нарративная структура новеллы

Приведём краткое содержание новеллы. Фауст зачитывает рассказ духоиспытателя о встрече с отшельником (Чёрным человеком), который живёт среди скал и только изредка спускается за пищей. Отшельник рассказывает о зарождении и гибели страны Бентамии, представляя себя свидетелем этого. Затем в разговоре с духоиспытателем трактирщик называет отшельника проповедником, который помешался, понав, что его ценности чужды людям.

¹ См. письмо В. Ф. Одоевского А. А. Краевскому с ответом на критику Белинским «Русских ночей»: «...тогда бы заметили, что, например, наблюдения над связью мысли и выражения принадлежат к области, донныне ещё никем не тронутой и в которой, может быть, разгадка всей жизни человека».

² Одоевский В. Ф. Собрание сочинений: в 2 т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1981. С. 185.

³ Там же. С. 235.

⁴ Одоевский В. Ф. Колдовство XIX столетия [Письмо V-е к графине Р...ой] // Отечественные записки. 1839. Т. 5. № 9. С. 26.

⁵ Одоевский В. Ф. Повести и рассказы. М.: ГИХЛ, 1959. С. 418.

⁶ Одоевский В. Ф. Собрание сочинений: в 2 т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1981. С. 302.

⁷ Там же. С. 238.

Здесь можно выделить три наиболее значимых повествовательных уровня. На третьем, наиболее глубоком, нарратором является Чёрный человек, на втором повествование ведёт духоиспытатель, на первом уровне представлен полилог Фауста и его друзей, обсуждающих прочитанное.

Рассказ Чёрного человека посвящён своеобразному эксперименту, попытке практического воплощения системы Бентама. Опыт неудачен: духовные ценности отрицают; жители во всём руководствуются принципом личной пользы, а потому не в силах уступить друг другу. В структуре повествования важно совмещение логичности, доказательности с экспрессивностью и чёткой моральной оценкой происходящего. С одной стороны, Чёрный человек свидетельствует о жизни страны как о процессе, который протекает по законам, заранее заданным теорией Бентама. Эта процессуальность создаёт впечатление неизбежности показанных метаморфоз. С другой стороны, в отборе и осмыслении событий¹ проявляется оценка. Событийный статус носят возведение храма и театра (но только ради пропаганды пользы), разорение Бентамией соседних государств, раздробление и вырождение самой Бентамии, появление в ней последнего пророка, месть природного мира. Эти события оцениваются в нескольких измерениях, предполагающих выбор между безнравственным и нравственным, полезным и бесполезным, или, в конечном счёте, материальным и духовным. *«Некоторые из членов совета хотя и соглашались, что народонаселение нашей колонии требовало новой земли, но что, может быть, было бы согласно более с справедливостью занять необитаемый остров, нежели посягать на чужую ответственность. Но эти люди были признаны*

*за вредных мечтателей, за идеологов...»*² Рассказ о Бентамии таким образом строится на оппозиции положительного и отрицательного начал, что характерно для притчевой нарративной стратегии [13, с. 35]. Семантическое ядро такого повествования составляет «моральная ответственность выбора» и ценностное его переживание нарратором и слушателями [13, с. 36]. Отметим, что такая стратегия в целом органична для антиутопии как жанра, организуемого чёткой системой ценностей. Сказанное согласуется с наблюдениями И. В. Кузнецова, показавшего, что Одоевский часто прибегает к притчевым повествовательным моделям, но модифицирует их, призывая читателя самостоятельно восстановить систему ценностей как бы «от противного». В новелле «Город без имени» мы сталкиваемся именно с таким случаем [14, с. 153].

Другой особенностью этого фрагмента является несколько парадоксальное позиционирование нарратора: он представлен как всеведущий и вездесущий, в то же время присутствует установка на воспроизведение личного опыта. Об основании Бентамии он говорит так: *«В это время гора, на которой мы теперь находимся, была окружена со всех сторон морем. Я ещё помню, когда паруса наших кораблей развивались в гавани»*.³ Об упадке Бентамии так: *«...бедная отчизна! я предвидел твоё падение, я стонал на твоих распутиях: ты не услышала моего стоны»*.⁴

Итак, первый уровень повествования демонстрирует, что абстрактная система Бентама не выдерживает столкновения с реальностью из-за своей пагубной односторонности. Как сама система, так и общество, её воплощавшее, оцениваются однозначно отрицательно. При этом доказательство и оценка претендуют на авторитетность, т. к., во-первых, апеллируют к логике, а во-вторых, воспроизводят личный опыт всеведущего Чёрного человека.

¹ Тюпа, исходя из данного им определения события, предлагает три свойства, минимально необходимых для характеристики события: 1) гетерогенность, 2) хронологичность, 3) интеллигибельность [9, с. 25–26]. Т. е. событие нарушает обычное течение жизни, меняет её ход, имеет определённую пространственно-временную закреплённость, а также осмысливается в качестве события. Осмысляет в данном случае нарратор, Чёрный человек.

² Одоевский В. Ф. Собрание сочинений: в 2 т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1981. С. 102.

³ Там же. С. 99.

⁴ Там же. С. 98.

В связи с парадоксальным образом отшельника на следующем уровне нарратор-духоиспытатель задаёт два возможных способа восприятия самого Чёрного человека и его слов: сначала фантастический, а затем реалистический. Перед нами случай двойной мотивировки фантастики: обе интерпретации поддерживаются текстом, но нет достаточных оснований, чтобы опровергнуть или подтвердить одну из них. В. Шмидт обсуждает подобные случаи в связи с «пропусками» (gapping) в повествовании: постоянное прерывание (permanent gapping) «применяется в повествовании, в котором остаётся открытым вопрос, обусловлен ли сюжет с магическим развитием специфическим восприятием персонажа или рассказчика, или же в дело вступают сверхъестественные силы» [15, р. 13]. Начало текста содержит образы и мотивы, традиционные для романтической фантастики. Прежде всего, подчёркивается странность облика и поведения Чёрного человека: *«Это привидение, в чёрной епанче, сидело недвижно между грудями камней... Мы удивились, каким образом это существо могло взобраться на вышину почти по голым отвесным стенам»; «...в околodge говорили, что этот чёрный человек сходит редко с утёса, и только за пищу, по целым дням бродит печально между камнями...»*¹ Место событий описано с субъективной позиции пришедших, что позволяет избежать определённости сведений и дать ряд намёков на реальное существование Бентамии в прошлом: *«Утёс был усеян обломками камней, имевшими вид развалин... В некоторых местах обманутое воображение видело подобие перистилей...»*² Восприятие происходящего в русле традиции романтической фантастики позволяет предполагать, что Чёрный человек действительно мог быть свидетелем рождения и гибели этого города-государства. Такая установка способствует доверию к его слову и серьёзному отношению к исповедальной интонации.

¹ Одоевский В. Ф. Собрание сочинений: в 2 т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1981. С. 96.

² Там же. С. 97.

Однако в конце новеллы фантастика получает реалистическое объяснение: трактирщик сообщает, что Чёрный человек – это проповедник, который остался непонятым и сошёл из-за этого с ума. *«...Он (Чёрный человек, проповедник. – Е. П.) с первых слов начал нас бранить, доказывать, что... человек не должен думать беспрестанно об увеличении своего богатства, что мы непременно должны погибнуть... и прочие, тому подобные, предсудительные вещи. Наше самолюбие не могло стерпеть такой обиды национальному характеру – и мы выгнали оратора за двери»*.³

Как ни парадоксально, рациональное объяснение не дискредитирует проповедь-антиутопию, а утверждает её значение, приравнивает мир антиутопии к миру «реальному» в ценностном отношении. Благодаря этому интерпретировать вставную историю можно не только как фантастическое повествование или проповедь-антиутопию, но и как предсказание будущего отчизны Чёрного человека. В таком случае высказывание *«...бедная отчизна! я предвидел твоё падение, я стонал на твоих распутиях: ты не услышала моего стона»* приобретает дополнительное значение. Подобная версия поддерживается тремя способами. Во-первых, в тексте рассеяны намёки на то, что гибель цивилизаций из-за их односторонности – повторяющаяся историческая ситуация. Наиболее яркое указание на это видим уже в эпиграфе из “Vues des Cordilleres” Гумбольда⁴, напоминающем цитированный выше фрагмент из «Психологических заметок». Во-вторых, мотив непонятого проповедника становится зеркальным, как бы подсказывая тип отношений между вставным и обрамляющим текстами. В-третьих, теория, проходившая проверку, не полностью соответствует бентамовой: английский утилитарист призывал руководствоваться пользой не только личной, но и общественной. Действительно, в труде «Принципы законодательства» И. Бентам утверждал: *«Предметом зако-*

³ Там же. С. 109.

⁴ Там же. С. 96.

нодательства должно быть общественное благо: общая польза должна быть основой всякого рассуждения в области законодательства» [16, с. 1]. Имеется и указание на то, что Одоевский знал эту идею Бентама: «...в учении Мальтуса и Бентама интересы “фантома общества” ставятся выше интересов отдельной личности».¹ В связи с этим можно видеть в антиутопии не столько указание на противоречия системы Бентама, сколько реакцию на негативные тенденции актуальной действительности.

На уровне ночных бесед Фауста с друзьями получают развитие заявленные ранее проблемы совершенствования общественного устройства и применимости учений Бентама и Смита. Вновь вступают в полемику утилитаризм, эмпиризм (поддержаны Виктором и Вячеславом) и сложная позиция «русского скептицизма» (намечена Фаустом)². Оценочные точки зрения Фауста, духоиспытателя и проповедника сближаются. Однако собеседники отказываются занимать позицию, необходимую для реципиентов притчевого высказывания, что заставляет Фауста апеллировать к научности и объективности прочитанной «истории», отчасти повторяющей конструктивные принципы теории Бентама: «для моих духоиспытателей фактом было – символическое прозрение в происшествии такой эпохи, которая по естественному ходу вещей должна бы непременно образоваться, если б благое провидение не лишило людей способности вполне приводить в исполнение свои

мысли...»³ Благодаря этому антиутопия как бы легитимируется.

Однако и на этом уровне имеет место некий смысловой сдвиг. Начинает проблематизироваться отношение к реальности не только теории Бентама (как на третьем уровне повествования) и не только антиутопии (как на втором), но любой рационально сконструированной теории. Новелла помещается в круг проблем «Русских ночей»: методология научного познания, отношение языка к реальности, поиск гармонического единства материального и духовного. В таком контексте новелла «Город без имени» может интерпретироваться как аргумент в пользу отыскания органически присущих реальности законов, а не навязывания ей рациональных схем.

Заключение

Предпринятое исследование позволило определить комплекс научных и философских представлений, отражённых Одоевским в новелле «Город без имени», а также выявить повествовательные приёмы новеллы, позволяющие провести идейный эксперимент в художественном пространстве. Главным орудием такого эксперимента становится многоуровневая композиция, проблематизирующая применимость рассматриваемой теории к реальному миру. В случае новеллы «Город без имени» это позволяет писателю расширить критику концепции И. Бентама до обсуждения проблем эмпирического познания, а также кризисных явлений науки и общества. Теоретическая и практическая значимость исследования определяется потребностью в комплексном рассмотрении повествовательных приёмов, организуемых «художественно-публицистическое» повествование В. Ф. Одоевского как особую целостность.

¹ Одоевский В. Ф. Собрание сочинений: в 2 т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1981. С. 48.

Одоевский был основательно знаком с теорией И. Бентама, и в этой связи трудно согласиться с точкой зрения О. С. Сухих: «Если В. Ф. Одоевский имел в виду именно И. Бентама, то он воспринял его идею достаточно поверхностно, или, возможно, иронизировал, имея в виду моду на идеи этого философа...» [17, с. 6].

² Как показывают Ю. В. Манн и П. Н. Сакулин, каждый говорящий представляет определённую систему взглядов: Ростислав – шеллингианец, Виктор и Вячеслав – утилитаристы и эмпирики, Фауст же вводит ещё не обретшие форму «русский скептицизм» и «символизм» [4, с. 176].

³ Одоевский В. Ф. Собрание сочинений: в 2 т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1981. С. 110.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сакулин П. Н. Из истории русского идеализма: Князь В. Ф. Одоевский. Мыслитель. Писатель. Т. 1. Ч. 2. М.: Издание М. и С. Сабашниковых, 1913. 481 с.
2. Турьян М. А. «Пёстрые сказки» Владимира Одоевского // Одоевский В. Ф. Пёстрые сказки. СПб.: Наука, 1996. С. 131–168.
3. Заломкина Г. В. Готические составляющие генеалогии научной фантастики // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. 2023. № 2. С. 43–59. DOI: 10.5922/pikbfu-2023-2-5.
4. Манн Ю. В. Русская философская эстетика. М.: МАЛП, 1998. 381 с.
5. Сытина Ю. Н. «Истина не передается!»: выражение, понимание и диалог в романе В. Ф. Одоевского «Русские ночи» // Проблемы исторической поэтики. 2024. Т. 22. № 1. С. 96–118. DOI: 10.15393/j9.art.2024.13464.
6. Шпрага Е. А. Прозаическая циклизация и её роль в русском литературном процессе 1820–30-х гг.: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2009. 23 с.
7. Лебедева А. А. Повествовательные стратегии русской фантастической повести 1820-х гг. // Словесность и история. 2024. № 1. С. 35–53. DOI: 10.31860/2712-7591-2024-1-35-53.
8. Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003. 312 с.
9. Тюпа В. И. Нарратология как аналитика повествовательного дискурса. Тверь: Тверской государственный университет, 2001. 58 с.
10. Сакулин П. Н. Из истории русского идеализма: Князь В. Ф. Одоевский. Мыслитель. Писатель. Т. 1. Ч. 1. М.: Издание М. и С. Сабашниковых, 1913. 48 с.
11. Ким М. «Эсхатологическая парадигма» в рассказе В. Ф. Одоевского «Насмешка мертвеца» // Проблемы исторической поэтики. 2024. Т. 22. № 3. С. 75–91. DOI: 10.15393/j9.art.2024.14084.
12. Жирмунский В. М. Немецкий романтизм и современная мистика. СПб.: Новое время, 1914. 210 с.
13. Тюпа В. И. Нарратология и этика // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2022. № 19. С. 29–44. DOI: 10.21638/spbu09.2022.102.
14. Кузнецов И. В. Коммуникативная стратегия притчи в русской малой прозе XVII–XIX вв.: дис. ... канд. филол. наук. М., 2001. 246 с.
15. Schmid W. The Nonnarrated. Berlin: Walter de Gruyter, 2023. 161 p.
16. Бентам И. Принципы законодательства. М.: Либроком, 2012. 137 с.
17. Сухих О. С. Элементы антиутопии в рассказах В. Ф. Одоевского и «Легенде о великом инквизиторе» Ф. М. Достоевского // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Филология. 2006. № 1. С. 82–86.

REFERENCES

1. Sakulin, P. N. (1913). *From the History of Russian Idealism: Prince V. F. Odoevsky. Thinker. Writer. Vol. 1. Pt. 2*. Moscow: M. and S. Sabashnikovs publ. (in Russ.).
2. Turyan, M. A. (1996). "Bright Tales" by Vladimir Odoevsky. In: Odoevsky, V. F. *Bright Tales*. St. Petersburg: Nauka publ., pp. 131–168 (in Russ.).
3. Zalomkina, G. V. (2023). Gothic Components of the Genealogy of Science Fiction. In: *IKBFU's Vestnik. Series: Philology, Pedagogy, Psychology*, 2, 43–59. DOI: 10.5922/pikbfu-2023-2-5 (in Russ.).
4. Mann, Yu. V. (1998). *Russian Philosophical Esthetics*. Moscow: MALP publ. (in Russ.).
5. Sytina, Yu. N. (2024). "Truth is not Conveyed!" Expression, Understanding, and Dialogues in V. F. Odoevsky's Novel "Russian Nights." In: *The Problems of Historical Poetics*, 22, 1, 96–118. DOI: 10.15393/j9.art.2024.13464 (in Russ.).
6. Shraga, E. A. (2009). *Prose Cyclization and Its Role in the Russian Literary Process of the 1820s–1830s: [dissertation]*. St. Petersburg (in Russ.).
7. Lebedeva, A. A. (2024). Narrative Strategies of the Russian Fantasy Story of the 1820s. In: *Texts and History*, 1, 35–53. DOI: 10.31860/2712-7591-2024-1-35-53 (in Russ.).
8. Schmid, V. (2003). *Narratology*. Moscow: Yazyki slavyanskoi kultury publ. (in Russ.).
9. Tyupa, V. I. (2001). *Narratology as an Analysis of Narrative Discourse*. Tver: Tver State University publ. (in Russ.).
10. Sakulin, P. N. (1913). *From the History of Russian Idealism: Prince V. F. Odoevsky. Thinker. Writer. Vol. 1. Pt. 1*. Moscow: M. and S. Sabashnikovs publ. (in Russ.).
11. Kim, M. (2024). "The Eschatological Paradigm" in V. F. Odoevsky's Story "The Dead Man's Mockery." In:

- The Problems of Historical Poetics*, 22 (3), 75–91. DOI: 10.15393/j9.art.2024.14084 (in Russ.).
12. Zhirmunsky, V. M. (1914). *German Romanticism and Modern Mysticism*. St. Petersburg: Novoye Vremya publ. (in Russ.).
 13. Tyupa, V. I. (2022). Narratology and Ethics. In: *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*, 19, 29–44. DOI: 10.21638/spbu09.2022.102 (in Russ.).
 14. Kuznetsov, I. V. (2001). *Communicative Strategy of Parable in Russian Short Fiction Stories of the 17th–19th Centuries*: [dissertation]. Moscow (in Russ.).
 15. Schmid, W. (2023). *The Nonnarrated*. Berlin: Walter de Gruyter publ.
 16. Bentham, I. (2012). *The Principles of Morals and Legislation*. Moscow: Librokom publ. (in Russ.).
 17. Sukhikh, O. S. (2006). Elements of Dystopia in the Stories of V. F. Odoevsky and “The Legend of the Grand Inquisitor” by F. M. Dostoevsky. In: *Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Series: Philology*, 1, 82–86 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Перевалова Е. М. (г. Москва) – аспирант кафедры истории русской литературы Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова;

ORCID: 0000-0003-3809-9889; e-mail: perewalowa.elizaveta@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Elizaveta M. Perevalova (Moscow) – Postgraduate Student, Department of the History of Russian Literature, Lomonosov Moscow State University;

ORCID: 0000-0003-3809-9889; e-mail: perewalowa.elizaveta@yandex.ru

РЕЦЕНЗИИ

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ВИТАЛИЗМ ИДЕЙ ПРОФЕССОРА В. В. БАБАЙЦЕВОЙ. РЕЦЕНЗИЯ НА КОЛЛЕКТИВНУЮ МОНОГРАФИЮ: МНОГОАСПЕКТНОСТЬ ЕДИНИЦ ЯЗЫКА И РЕЧИ: К СТОЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ВЕРЫ ВАСИЛЬЕВНЫ БАБАЙЦЕВОЙ / ОТВ. РЕД. И. В. ВЫСОЦКАЯ. М.: ФЛИНТА, 2025. 304 с.

Папуша И. С.

Государственный университет просвещения, г. Москва, Российская Федерация

e-mail: is.papusha@outlook.com

Для цитирования:

Папуша И. С. Лингвистический витализм идей профессора В. В. Бабайцевой. Рецензия на коллективную монографию: многоаспектность единиц языка и речи: к столетию со дня рождения Веры Васильевны Бабайцевой / отв. ред. И. В. Высоцкая. М.: Флинта, 2025. 304 с. // Отечественная филология. 2026. № 1. С. 134–138.

LINGUISTIC VITALISM OF PROF. V. V. BABAYTSEVA'S IDEAS. COLLECTIVE MONOGRAPH REVIEW: VYSOTSKAYA, I. V., ED. (2025). MULTIDIMENSIONALITY OF LANGUAGE AND SPEECH UNITS: ON THE CENTENARY OF VERA V. BABAYTSEVA'S BIRTH. M.: FLINTA.

I. Papusha

Federal State University of Education, Moscow, Russian Federation

e-mail: is.papusha@outlook.com

For citation:

Papusha, I. S. (2026). Linguistic Vitalism of Prof. V. V. Babaytseva's Ideas. Collective Monograph Review: Vysotskaya, I. V., ed. (2025). Multidimensionality of Language and Speech Units: On the Centenary of Vera V. Babaytseva's Birth. M.: Flinta publ. In: *Russian Studies in Philology*, 1, 134–138.

Имя Веры Васильевны Бабайцевой как последовательного приверженца структурно-семантического направления в современной русистике и лингвометодике вписано золотыми буквами в историю русского языкознания. Отводя этому направлению, нацеленному на такое постижение синтаксического строя языка, которое определяется «постулатами» многоаспектности, переходности, учёта значения элементов и значения отношений, системности¹, центральное место

языка в современной лингвистике, Вера Васильевна определила его основные теоретические положения, являющиеся для последователей базовыми:

– «Язык, мышление и бытие (объективная действительность) взаимосвязаны и взаимообусловлены;

– язык – это историческое явление, постоянно развивающееся и совершенствующееся;

– язык и речь взаимосвязаны и взаимообусловлены;

– категории языка образуют диалектическое единство формы и содержания

¹ Бабайцева В. В. Синтаксис русского языка: монография. М.: Флинта; Наука, 2015. С. 45.

ния (структуры и семантики, строения и значения)».¹

Глубокое обоснованное научное убеждение профессора В. В. Бабайцевой в том, что язык – «живая система», «характеризующаяся относительной автономностью, целостностью организации, деятельностным началом, сочетанием устойчивости и изменчивости целесообразного развития, обладающая свойствами организации и самоорганизации, иерархичности, открытости»², позволило ей выстроить теорию переходности и синкретизма языковых явлений, которая стала базой для исследований синхронной переходности на разных языковых уровнях и представляет собой одну из ведущих тем в современной лингвистической науке, что подтверждает выпущенная издательством «Флинта» коллективная монография.³

Композиционно монография «Многоаспектность единиц языка и речи» состоит из двух разделов, в первом из которых, имеющем аналогичное название, представлены не опубликованная ранее статья В. В. Бабайцевой «Синтаксические функции местоимений *ты* и *вы*» и работы учеников и последователей профессора, развивающие её дело в науке о языке. Первую часть этого раздела «Развитие идей профессора В. В. Бабайцевой» открывает программная статья Т. П. Гуськовой, кандидата филологических наук, доцента Академии управления МВД России, «Об истоках структурно-семантического направления: В. В. Бабайцева и Ю. С. Степанов», в которой автор демонстрирует предметный «диалог» двух учёных о структурно-семантическом направлении, реализующем традиции классического русского языкознания, представленного в трудах М. В. Ломоносова, Ф. И. Буслаева,

А. А. Потебни, А. М. Пешковского, А. А. Шахматова, В. В. Виноградова и других, и содержательно не меняющем подход к анализу языковых единиц: «любое явление языка рассматривается в единстве формы (структуры) и содержания (семантики), что предполагает рассмотрение (1) формальной устроенности некоего лингвистического объекта, (2) его содержательной устроенности и (3) их взаимосвязи, а именно того, как особенности формы «прорастают» в особенности выражаемого содержания, как изменения в содержательной стороне влияют на формальную трансформацию лингвистического объекта».⁴ Допуская в системе структурно-семантического направления наличие третьего компонента (прагматики), предложенного академиком Ю. С. Степановым, Вера Васильевна, по утверждению автора статьи, осталась верна своему исследовательскому взгляду – «А у меня будет *синтаксис* и *семантика*».⁵

В соответствии с приведёнными выше постулатами структурно-семантического направления строит свою работу Л. Д. Беднарская, доктор филологических наук, профессор Орловского государственного университета им. И. С. Тургенева, «Перспективные идеи В. В. Бабайцевой в развитии синтаксиса XXI века», отмечая, что глубокая «научная системность, являющаяся базой для теоретической непротиворечивости, логичности, и доступность, классическая простота изложения характеризуют всё научное творчество В. В. Бабайцевой».⁶ Автор фиксирует непреходящее значение разработанных учёным теории переходности (синкретизма), теории членов предложения, учения об универсальной основе высказывания и её разворачивании в системе языка, новой семантической типологии простого предложения как «теоретической основы изучения богатейшей синтаксической синонимии»,⁷ вклада в теорию словосочетания. Особо профессор Л. Д. Беднарская выделяет цен-

¹ Бабайцева В. В., Максимов Л. Ю. Современный русский язык: учебник: в 3 ч. Ч. 3. Синтаксис. Пунктуация. 2-е изд., перераб. М.: Просвещение, 1987. С. 27.

² Петренко Д. И. Лингвистический витализм метапоэтики К. И. Чуковского / под ред. К. Э. Штайн. Ставрополь: СГУ, 2011. С. 11.

³ Многоаспектность единиц языка и речи: к столетию со дня рождения профессора Веры Васильевны Бабайцевой: коллективная монография / отв. ред. И. В. Высоцкая. М.: ФЛИНТА, 2025. 308 с.

⁴ Там же. С. 38–39.

⁵ Там же. С. 48.

⁶ Там же. С. 78.

⁷ Там же. С. 80.

ность развития идеи В. В. Бабайцевой «описать логические и психологические понятия и категории в лингвистических терминах», которая осмысливалась в работах её приверженцев: «категория обобщённости (Г. Н. Кондратьева), связности (И. А. Сыров), экспрессивности (Н. Н. Кузнецова), противительности (М. С. Милованова), пространства и времени (С. Б. Аюпова), утверждения / отрицания (А. А. Калинина), восприятия (О. Ю. Авдеевна)».¹

Вторую часть первого раздела «Многоаспектность частей речи» предваряет обзорная статья Е. В. Середы, кандидата филологических наук, доцента Российского государственного социального университета, «Описание системы частей речи современного русского языка с учётом шкалы переходности В. В. Бабайцевой», продемонстрировавшей морфологическую систему с учётом синкретичных явлений и закономерность функционирования частей речи как цельной системы: «Слова и группы слов, входящие в одно из звеньев системы, в процессе коммуникации могут выполнять (в соответствии с потребностями говорящего) функции слов другой части речи, замещать их и при этом приобретать свойства (или часть свойств) замещаемой части речи».² Это положение подтверждает статья Н. Е. Петровой, доктора филологических наук, профессора Нижегородского государственного педагогического университета им. Козьмы Минина, «Отрицательные местоимения с приставкой *не-*: зона синкретизма». Проанализировав функционирование местоимений *некого* и *нечего* и сопоставив *не*-местоимения и *ни*-местоимения, автор делает логичный вывод о том, что источником особых морфологических свойств отрицательных *не*-местоимений как зоны синкретизма «является их нулевая рефе-

ренция, которая принципиально отличает местоимения *некого*, *нечего* от местоимений *никто*, *ничто*. Нулевая референция «запрещает» связь местоимений *некого*, *нечего* со спрягаемой формой глагола, оставляя такую возможность только для инфинитива».³ Описанное автором лингвистическое явление – аргумент установки В. В. Бабайцевой: «Зона синкретизма – это область переходных образований, характеризующихся синтезом (совмещением) дифференциальных признаков взаимодействующих явлений как в синхронном, так и в диахронном плане».⁴

Доктор филологических наук, профессор Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина М. С. Милованова в статье «Лексико-грамматический потенциал имени существительного в развитии категории состояния» констатирует: «Систематизирующий ум Веры Васильевны охватывал множество примеров, иллюстрирующих справедливость сформулированных ею теоретических положений. Языковая действительность последних десятилетий предлагает новые «несистемные» грамматические факты, подлежащие осмыслению и интерпретации – под углом структурно-семантической теории, разработанной В. В. Бабайцевой, и предложенной ею методики анализа, включающего изучение причин, условий, результатов нестандартного языкового явления».⁵ Исследование автора выявляет «причины, условия предпосылки, результатом которых становится грамматический синкретизм экс-словоформы имени существительного *в отношениях* и рождение нового смысла в известной форме».⁶ В статье рассмотрено становление категории состояния как части речи и роль синтаксической функции, «которая становится благоприятным условием для развития категории состояния»⁷, или *имени состояния*, как предпочитала называть этот класс слов В. В. Бабайцева.

¹ Многоаспектность единиц языка и речи: к столетию со дня рождения профессора Веры Васильевны Бабайцевой: коллективная монография / отв. ред. И. В. Высоцкая. М.: ФЛИНТА, 2025. С. 87.

² Там же. С. 51.

³ Там же. С. 111.

⁴ Там же. С. 102.

⁵ Там же. С. 113.

⁶ Там же. С. 114.

⁷ Там же. С. 115.

Оттолкнувшись от утверждения академика В. В. Виноградова «Смысловое единство слова сочетается с реальным или потенциальным многообразием его форм»¹, профессор М. С. Милованова проиллюстрировала процесс возникновения функционального омонима, обозначив условия и предпосылки трансформационных процессов – лексических и грамматических, этапы трансформации, эволюцию лексического значения, основные моменты грамматической трансформации, социокультурный фактор как причину семантического развития и пришла к закономерному результату исследования: «Активизировалась сама модель с участием имени существительного, трансформировавшего свои категориальные признаки и сделавшего шаг в сторону категории состояния.... Категориальная принадлежность экс-словоформы в *отношениях* в предикативном и «безобъектном» употреблении: периферия категории состояния, пересекающаяся с периферией имени существительного, то есть зона синкретизма на шкале переходности В. В. Бабайцевой».²

Третью часть первого раздела «Многоаспектность синтаксических единиц» открывает статья Н. А. Герасименко, доктора филологических наук, профессора Государственного университета просвещения, «Субстантивно-адъективные предложения в русском языке», в которой она описала один из типов составленной ею классификации неглагольных двусоставных предложений («субстантивно-субстантивные (бисубстантивные), субстантивно-адъективные, субстантивно-прономинативные, субстантивно-квантитативные, субстантивно-адвербиальные, инфинитивно-субстантивные, инфинитивно-инфинитивные».³

¹ Виноградов В. В. О формах слова // Виноградов В. В. Избранные труды. Исследования по русской грамматике. М.: Наука, 1975. С. 45.

² Многоаспектность единиц языка и речи: к столетию со дня рождения профессора Веры Васильевны Бабайцевой: коллективная монография / отв. ред. И. В. Высоцкая. М.: ФЛИНТА, 2025. С. 126.

³ Герасименко Н. А. Неглагольные двусоставные предложения в русском языке // Семантика и функционирование языковых единиц в разных типах

Исследования профессора Н. А. Герасименко находятся в русле синтаксической теории многоаспектности предложения: «Исходя из диалектического единства формы и содержания, в котором определяющим является содержание, важнее семантика, ибо нет и не может быть бессодержательной, “пустой” формы. Однако доступны наблюдениям, обобщениям и т. д. лишь те “смыслы”, которые выражены (оформлены) грамматическими или лексико-грамматическими средствами. Поэтому не только в структуралистских направлениях, но и при структурно-семантическом анализе явлений языка и речи первичным является структурный подход, внимание к строению, к форме синтаксических явлений».⁴ Этот тезис подтверждает анализ субстантивно-адъективных предложений, свидетельствующий, что они составляют отдельную разновидность двусоставных неглагольных предложений, обладающую собственными грамматическими и семантическими признаками.

Отдельные типы предложений, входящих в разные классификации, рассматривают в этой части И. В. Высоцкая, доктор филологических наук, профессор Новосибирского национального исследовательского государственного университета, ответственный редактор рецензируемой монографии («Бисубстантивные предложения с частицей-связкой *как*»), Г. Г. Хисамова, доктор филологических наук, профессор Уфимского университета науки и технологий («Синтаксически нечленимые предложения: лингвопрагматический аспект исследования»), Н. Б. Кошкарёва, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой общего и русского языкознания Новосибирского национального исследовательского государственного универ-

речи: сборник статей Международной научной конференции (24–25 мая 2024 г.) / под науч. ред. Е. Н. Лагузовой, Т. П. Курановой. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2024. С. 47.

⁴ Бабайцева В. В., Максимов Л. Ю. Современный русский язык: учебник: в 3 ч. Ч. 3. Синтаксис. Пунктуация. 2-е изд., перераб. М.: Просвещение, 1987. С. 28.

ситета, заведующий сектором языков народов Сибири Института филологии СО РАН («Сложноподчинённые предложения сравнения с семантикой предметной эквивалентности в аспекте переходности») – представленные статьи, развивая синтаксическую теорию многоаспектности предложения В. В. Бабайцевой, подтверждают один из её тезисов: «Дифференциация аспектов изучения синтаксического строя языка позволила осознать и глубоко изучить разные его стороны и наглядно показала ограниченность одноаспектного подхода к такому многоаспектному объекту, каким является язык и особенно его синтаксические единицы, сочетание свойств которых представляет собой не механическое сцепление элементов, а органический сплав, где трудно отграничить одно свойство от другого».¹

Второй раздел коллективной монографии, приуроченной к столетию Веры Васильевны Бабайцевой, «Как много лет! Как мало жизни!» содержит автобиографию, написанную самим юбиляром к своему 85-летию в 2010 г., и воспоминания о ней учеников и коллег (В. Е. Андреев, Г. Г. Хисамова, Данг Нгок Зиеп, Е. В. Середина, Н. А. Герасименко, Е. В. Алтабаева, Л. Д. Беднарская). Завершают этот раздел стихотворения Е. В. Середы, Л. Н. Голайденко, «посвящённые научному руководителю и “сердцеводителю”», как

пишет И. В. Высоцкая во вступлении к монографии², в которых есть строки как суть предназначения Веры Васильевны: «Жизнь переходная, многоаспектная. // Стала в лингвистике мать многодетная».³

Монография «Многоаспектность единиц языка и речи» имеет широкий иллюстративный лингвистический материал, что говорит о доказательности и правомерности выводов, свидетельствующих о лингвистической жизненности и перспективности научных идей профессора Веры Васильевны Бабайцевой. Этот труд будет интересен филологам, преподавателям вузов, учителям средних школ, аспирантам, студентам. В процессе рецензирования из коллективной монографии мы вычленили фрагменты, наиболее ярко демонстрирующие базовые установочные структурно-семантического направления в лингвистике и теории синкретизма, что ни в коей мере не умаляет вклад остальных соавторов, также находящихся в творческом диалоге с Учителем и развивающих её дело в лингвистической науке. Следует подчеркнуть, что это не только представители русской школы языкознания (Москва, Орёл, Уфа, Новосибирск, Владивосток), но и зарубежные коллеги – Чжоу Хайянь, доктор филологических наук, доцент Пекинского университета (Китай), и Данг Нгок Зиеп, кандидат филологических наук, начальник департамента по подготовке и переподготовке кадров Вьетнамского Агрибанка (Ханой).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Папуша Ирина Сергеевна (г. Москва) – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры славистики, общего языкознания и культуры коммуникации Государственного университета просвещения, академик Международной академии наук педагогического образования; e-mail: is.papusha@outlook.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Irina S. Papusha (Moscow) – Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Prof., Department of Slavic Studies, General Linguistics, and Communication Culture, Federal State University of Education; Academician of the International Academy of Pedagogical Education Sciences; e-mail: is.papusha@outlook.com

¹ Бабайцева В. В., Максимов Л. Ю. Современный русский язык: учебник: в 3 ч. Ч. 3. Синтаксис. Пунктуация. 2-е изд., перераб. М.: Просвещение, 1987. С. 25.

² Многоаспектность единиц языка и речи: к столетию со дня рождения профессора Веры Васильевны Бабайцевой: коллективная монография / отв. ред. И. В. Высоцкая. М.: ФЛИНТА, 2025. С. 8.

³ Там же. С. 303.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ РУСИСТИКИ: ПЕРЕХОДНОСТЬ И СИНКРЕТИЗМ»

Малинская Т. В.

Государственный университет просвещения, г. Москва, Российская Федерация
e-mail: htgytdf@yandex.ru

Для цитирования:

Малинская Т. В. Международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы современной русистики: переходность и синкретизм» // Отечественная филология. 2026. № 1. С. 139–142.

INTERNATIONAL SCIENTIFIC CONFERENCE “CURRENT PROBLEMS OF MODERN RUSSIAN STUDIES: TRANSITION AND SYNCRETISM”

T. Malinskaya

Federal State University of Education, Moscow, Russian Federation
e-mail: htgytdf@yandex.ru

For citation:

Malinskaya T. V. (2026). International Scientific Conference “Current Problems of Modern Russian Studies: Transition and Syncretism.” In: *Russian Studies in Philology*, 1, 139–142.

13–14 октября 2025 г. на базе Московского педагогического государственного университета прошла Международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы современной русистики: переходность и синкретизм», посвящённая 100-летию со дня рождения профессора кафедры русского языка МПГУ, доктора филологических наук Веры Васильевны Бабайцевой и профессора кафедры русского языка МПГУ, доктора филологических наук Нинели Васильевны Черемисиной.

Конференция проходила в очном и дистанционном формате. На открытии пленарного заседания выступили ректор Московского педагогического государственного университета, академик Российской академии образования, доктор исторических наук, профессор **Лубков Алексей Владимирович**, проректор по развитию Московского педагогического государственного университета, заведующий кафедрой теологии Института филологии, кандидат исторических наук, доцент **Страхов Василий Вячеславович**, директор Института филологии Московского педагогического государственного университета, заведующий кафедрой русской классической литературы Института филологии, доктор филологических наук, доцент **Елена Геннадьевна Чернышёва**, которые выразили благодарность участникам конференции, пожелаали интересной и плодотворной работы, объединившей учёных разных стран (Армения, Беларусь, Греция, Индия, Иран, Казахстан, Китай, Монголия, Россия, Сирия) и городов России (Брянск, Великий Новгород, Калуга, Москва, Набережные Челны, Нижний Новгород, Орёл, Рязань, Самара, Санкт-Петербург, Саратов, Улан-Удэ, Уфа).

© СС ВУ Малинская Т. В., 2026.

После приветственных речей состоялся **открытый микрофон «Вспоминая учителей и коллег»**, в котором приняли участие **Колесникова Светлана Михайловна**, д-р филол. наук, проф., зав. кафедрой русского языка Института филологии МПГУ, с докладом на тему «Лингвистические концепции профессора В. В. Бабайцевой и профессора Н. В. Черемисиной в современной научной парадигме», **Николина Наталья Анатольевна**, канд. филол. наук, проф., проф. кафедры русского языка Института филологии МПГУ, – «Памяти В. В. Бабайцевой», **Новикова Наталья Степановна**, канд. филол. наук, доцент, доцент кафедры русского языка Института русского языка РУДН им. Патриса Лумумбы, – «Памяти Н. В. Черемисиной», **Попова Марина Тимофеевна**, канд. филол. наук, доцент, доцент кафедры русского языка Института филологии МПГУ, – «Памяти Учителя – Н. В. Черемисиной», которые говорили о научном вкладе лингвистов и об их исключительных человеческих качествах, помогавших воспитывать следующее поколение молодых учёных.

Пленарное заседание продолжилось выступлениями лингвистов с научными докладами. **Маркелова Татьяна Викторовна**, д-р филол. наук, проф., первый проректор, проф. кафедры журналистики и массмедиа Института современного искусства, выступила с докладом на тему «Системный подход как лингводидактическая ценность учения В. В. Бабайцевой». **Шарандин Анатолий Леонидович**, д-р филол. наук, проф., проф. кафедры русского языка, русской и зарубежной литературы Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина, представил доклад на тему «Синкретичные образования в контексте учения В. В. Бабайцевой о явлениях переходности в русской грамматике (на материале причастия)». **Беднарская Лариса Дмитриевна**, д-р филол. наук, проф., проф. кафедры русского языка Орловского государственного университета им. И. С. Тургенева, выступила с сообщением «В. В. Бабайцева – учёный-теоретик и лингвометодист». В своих работах лингвисты отметили переходные моменты

частеречной принадлежности тех или иных языковых единиц, акцентировали внимание на методической составляющей работ В. В. Бабайцевой, вкладе учёного в системность преподавания русского языка в школе.

Прокофьева Лариса Петровна, д-р филол. наук, зав. кафедрой русского и латинского языков Саратовского государственного медицинского университета им. В. И. Разумовского, представила доклад «Универсальный язык искусства М. К. Чюрлёниса в лингвокультурной концепции Н. В. Черемисиной». **Пузырёв Александр Владимирович**, д-р филол. наук, проф. кафедры гуманитарных и психолого-педагогических дисциплин Покровского филиала Московского педагогического государственного университета, выступил с докладом «О научно-лингвистическом наследии профессора Н. В. Черемисиной». Докладчики актуализировали понятие золотого сечения, которое описывала в своих трудах Н. В. Черемисина.

Козловская Наталья Витальевна, д-р филол. наук, доцент, зав. кафедрой русского языка Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, прочитала доклад «Поэтическое творчество В. В. Маяковского в иллюстративном материале «Словаря русского языка» под редакцией Н. С. Державина: новое в поэзии – новое в языке», в котором был сделан акцент на авторских новообразованиях, зафиксированных в анализируемом словаре; **Дымарский Михаил Яковлевич**, д-р филол. наук, проф., проф. кафедры русского языка Российского государственного педагогического университета, ведущий научный сотрудник Института лингвистических исследований Российской академии наук, представил сообщение «К проблеме двусоставности / односоставности конструкций вида “Обижать слабых скверно”», в котором говорится о безличном характере исследуемых единиц.

После организованного обеда началась работа секционных заседаний.

В первой секции «Лингвистическая поэтика художественного текста» высту-

пили со своими докладами доктора филол. наук: А. Т. Грязнова, В. К. Приходько, С. Н. Стародубец; кандидаты филол. наук: И. Н. Позерт, Д. В. Дозорова, К. А. Калинин, Е. В. Локтев; аспиранты: Д. М. Смирнова, А. П. Шуршалина, Ф. Занганех, Н. Хулан. Учёные акцентировали внимание на новых лингвистических тенденциях в области лексикологии и жанрового своеобразия текстов.

Во второй секции «Переходные явления в русском синтаксисе» представили свои исследования доктора филол. наук: Т. Е. Шаповалова, Н. А. Герасименко, Н. В. Юдина, Ю. А. Южакова, П. Е. Топорков, Н. Е. Петрова; кандидаты филол. наук: Т. В. Малинская, Л. Н. Омельченко; старший преподаватель О. Н. Смирнов; аспиранты: Р. И. Первозванский, Хэ Июань. Доклады, связанные с переходностью в области синтаксиса, вызвали закономерные разночтения и различия в интерпретации языкового материала, что указало на своевременность поднятых тем для обсуждения в научном сообществе и поиска путей преодоления дискуссионных моментов.

В третьей секции «Актуальные проблемы современной русистики» свои работы озвучили доктора филол. наук: М. Ю. Сидорова, Е. В. Алтабаева, А. В. Логинов, А. В. Королькова, Л. Н. Федосеева, А. М. Ключина, Е. П. Иванян совместно с магистрантом Н. Ю. Узеновой; кандидаты филол. наук: Т. В. Губернская, М. Е. Минайдарова, А. А. Аладына, Е. Н. Антонова, Махмуд Аль-Саммараеи Мослех, В. В. Юнеев; ассистенты и аспиранты: М. И. Алексеева, А. С. Комаринская, А. А. Семёнова, М. В. Синчугов, А. И. Новоселова, Тянь Мэнчжу, Н. Г. Ерёменко, Ван Шань, Юн Синь Янь, Чжан Чэньтун. Докладчиками решались проблемы, с которыми сталкивается современная наука: генерация текстов нейросетями, анализ муралов как креолизированных текстов, исследование разнообразных концептов, изучение медицинского и юридического дискурсов.

В четвёртой секции «Научные концепции профессора Веры Васильевны

Бабайцевой и профессора Нинели Васильевны Черемисиной» выступали доктора филол. наук: И. П. Зайцева, А. В. Канафьева, Р. Х. Хайруллина, Л. Б. Матвеев, Э. В. Криворотова, Е. В. Огольцева; кандидаты филол. наук: Е. М. Крадожен-Мазурова, Ю. В. Каховская, А. В. Глазков, О. Ю. Сидорова, Е. А. Глазкова, Е. О. Матвеева, А. В. Батулина, Т. П. Гуськова, Е. Ф. Косицына, Е. В. Федорчук; аспиранты и соискатели: М. Р. Мирошниченко, Лю Сюэцзянь, Лю Гэнцзянь, Ван Пэйдун, Го Чуньсяо, Цинь Юйшуан, Чжан Лю, Лю Жуйхуа, Д. М. Анапова. В работах исследователей развивались идеи В. В. Бабайцевой и Н. В. Черемисиной, акцентировалось внимание на фундаментальных трудах классиков лингвистической науки.

По завершении работы четырёх секций состоялся дружеский ужин, на котором в неформальной обстановке участники конференции продолжили делиться воспоминаниями о личном знакомстве с юбилярами, ощущалась незримая связь времён, научного наследия, которое перенимают молодые исследователи от своих Учителей. Душевность и тёплая атмосфера объединяла всех присутствующих.

Заседание пятой секции «Научные изыскания молодых исследователей» состоялось 14 октября, в котором приняли участие студенты бакалавриата и магистратуры: К. А. Апостолова, С. Н. Бокова, В. В. Бронникова, М. С. Гнусарева, А. В. Дворенкова, Н. А. Канадина, П. М. Кожемякина, И. В. Кривцов, Е. В. Лудина, Е. В. Лысова, Я. О. Милосердова, А. В. Мирчич, Я. А. Нечипоренко, К. С. Пунгина, Кумар Абхинандан, Нуген Тхи Ань Тхы, Нуген Тхи Бак Ван. Студенты показали глубокие знания в области своего исследования, отметили перспективы работы над выбранной темой, проявили интерес к докладам коллег и задали возникшие вопросы.

По завершении работы секции состоялись «Учёные встречи: НАСТАВНИЧЕСТВО – шаг в БУДУЩЕЕ», руководителями которых были

Колесникова Светлана Михайловна, д-р. филол. наук, проф., заведующий кафедрой русского языка Института филологии МПГУ; **Грязнова Анна Тихоновна**, д-р. филол. наук, доцент, проф. кафедры русского языка Института филологии МПГУ.

Работа каждой секции сопровождалась живой дискуссией, касающейся актуальных проблем, изложенных в докладах участников конференции. С особым трепетом использовались труды В. В. Бабайцевой и Н. В. Черемисиной, т. к. они не утратили своей лингвистической и методико-педаго-

гической значимости и в современной научно-педагогической среде.

Выражаем слова глубокой благодарности организаторам конференции, посвящённой памяти лингвистов Веры Васильевны Бабайцевой и Нинели Васильевны Черемисиной, – руководству Московского педагогического государственного университета, членам кафедры русского языка Института филологии Московского педагогического государственного университета, возглавляемую заведующим кафедры – Колесниковой Светланой Михайловной.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Малинская Татьяна Владимировна (г. Москва) – кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языка имени профессора П. А. Леканта Государственного университета просвещения;

e-mail: htgytdf@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tatyana V. Malinskaya (Moscow) – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department of Modern Russian Language named after Prof. P. A. Lekant, Federal State University of Education;

e-mail: htgytdf@yandex.ru

This image shows a single sheet of white paper with horizontal ruling lines. The lines are evenly spaced and run across the width of the page. There are no margins, text, or other markings on the paper.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ФИЛОЛОГИЯ

2026. № 1

Над номером работали:

Ответственный редактор И. А. Потапова

Литературный редактор В. А. Кулакова

Переводчик В. А. Кулакова

Компьютерная вёрстка – В. А. Кулакова

Адрес редакции:

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, стр. 2, офис 98

тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: sj@guppros.ru

сайт: www.philologymgou.ru

Формат 70x108/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура "Minion Pro".

Тираж 500 экз. Усл. п. л. 9, уч.-изд. л. 11.

Подписано в печать: 18.02.2026 г. Дата выхода в свет: 20.02.2026 г. Заказ № 2026/02-02.

Отпечатано в Государственном университете просвещения

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, стр. 2